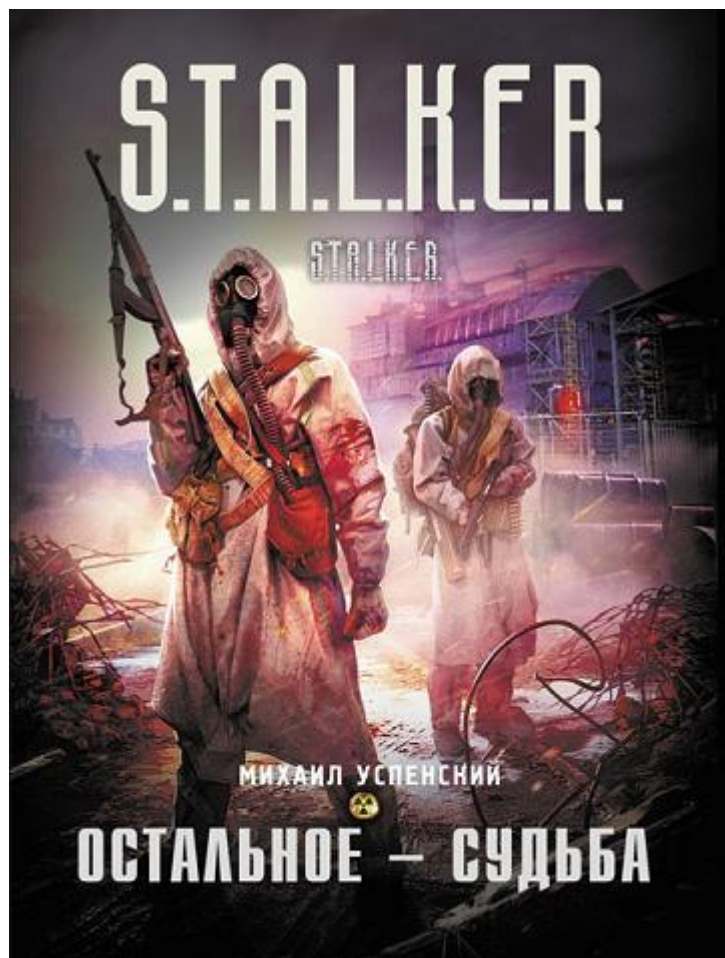


Михаил Успенский
Остальное – судьба

S.T.A.L.K.E.R. – 56



Аннотация:

В Зоне тоже есть своя аристократия. И один из самых ярких её представителей — молодой сталкер Маркиз. Он не принадлежит ни к одному клану. Он не ищет артефакты и не гоняется за Счастьем. Его профессия — спасти из когтей смерти других: и вольных старателей, и военных, и миротворцев, и туристов. Может, потому и ходят по народу, окопавшемуся вокруг Зоны, легенды о его удачливости и неуязвимости?..

Но теперь кто-то идет по душу Маркиза. Кто-то преследует его — шаг за шагом, год за годом. И когда в Зону приходит страшная, лютая зима, похоронившая под снегом все артефакты и постоянно порождающая новые выбросы, противостояние Маркиза и его преследователей переходит в решающую стадию...

Михаил Успенский
Остальное – судьба

Пролог. Июль в Пампоне

...Казалось, в этой комнате ничего не менялось со времён Гражданской войны: пол, выложенный красным кафелем, пожелтевшие фотографии на стенах, облупившееся гипсовое распятие, две старомодные кровати с никелированными шарами, стоящие в глубоком алькове, окно с балконом, ограждённым чугунной решёткой.

Дом был старый, и его толстые крепостные стены защищали, как видно, не только от июльского зноя, но и от неумолчного потока времени.

Вот сейчас откроется тяжёлая дверь, и на пороге появится стройная и гибкая, словно толедский клинок, герцогиня Альба. Или герцогиня ди Медина-Сидония в чёрном бархатном платье, пришедшая на тайное ночное свидание с талантливым, но бедным молодым поэтом или художником...

Но было раннее утро, и появилась на пороге вовсе не герцогиня, а хозяйка дома, почтенная сеньора Ампаро — толстая, носатая, с чёрной бородавкой на щеке. Из бородавки торчал пучок седых волос.

— И за всё это — пятьсот евро в сутки? — сказала Элис. — Вы спятили, любезная Ампаро. В прошлом году мы с Марком платили сотню, и то считали, что много... Ведь у вас даже кондиционера нет!

— Дорогая сеньора Алисия! В прошлом году здесь не было такого наплыва туристов. А нынче как сбесились! Вчера два каких-то англичанина предлагали за комнату вдвое больше, но муж сказал, что спустит поганых извращенцев с лестницы. Вы же знаете моего Херальдо... А вам и сеньору Маркосу мы всегда рады, но сами понимаете — кризис... К тому же наш премьер сказал, что Испания поднимается с колен и что довольно пресмыкаться перед Штатами... Я, конечно, не имею в виду вас с сеньором Маркосом... К тому же Хуанито уже принёс ваш багаж! Не тащить же его назад?

В комнате появился подросток, с криком волочивший два чемодана. Из одежды на нём были одни шорты.

— Encierro начнётся в шесть, — сказал Хуанито. — Сеньора Алисия, вы разрешите мне посмотреть encierro с вами на балконе?

— Хуанито, твой английский стал гораздо лучше, — сказала Элис. — А что такое encierro?

— Это когда быки побегут, — сказал мальчик. — И сеньор Маркос. И знаете, сеньора Алисия, все парни мне завидуют, потому что сеньор Маркос останавливается в нашем доме...

— Гнусный лстец! — воскликнула Элис. — Ваше предприятие перейдёт в надёжные руки, сеньора Ампаро. Ладно, чёрт с ним. Не стоит менять привычки из-за какого-то кризиса...

Они с Марком приехали в Памплону часа два назад, но город не спал — на улицах и на Plaza de la Constitución играли десятки маленьких оркестров и один большой — военный. Улицы были запружены толпами танцующих. Конечно, День святого Фермина не мог потягаться с карнавалом в Рио-де-Жанейро, но только по масштабам, а не по накалу страстей.

Памплону — маленький городок, и его жители мгновенно потерялись в нахлынувшей орде туристов.

Небо освещалось непрерывным фейерверком. Дико гремели негритянские барабаны, завывали флейты и, кажется, даже волынки. Любой хэви метал потерялся бы в этом хаосе звуков...

— Нечего бездельничать! — сказала хозяйка. — Ступай вниз, у отца много дел в кафе. Помочь вам, сеньора Алисия?

— Не нужно, — сказала Элис. — Лучше принесите кофе. Ваш знаменитый кофе! Как я мечтала о нём!

— Это потому что в Америке пьют не кофе, а помои! — с гордостью сказала хозяйка и, тяжело переваливаясь, прошла к двери.

Элис присела на кровать и закрыла глаза. Их автобус пришёл в Памплону с большим опозданием, потому что по дороге то и дело приходилось останавливаться — патрули «гвардиа сивиль» искали очередных баскских террористов.

За окном пронзительно свистели флейты, так что выспаться всё равно бы не удалось.

Дверь распахнулась, и в комнату влетел Хуанито:

— Сеньора Алисия! Вас хочет видеть какой-то американо! Я сказал ему, что нельзя, что вы переодеваетесь, но он вытащил пушку...

Он не договорил, потому что в комнату вошёл молодой человек в сером фланелевом костюме, совершенно неуместном на нынешнем празднике и при нынешней жаре. Только на голове у него почему-то была бумажная клоунская шапочка.

— Рон? — сказала Элис. — Какого чёрта вы здесь делаете?

— Я искал вас, мисс Элис, — сказал Рон. — Долго искал. И всё-таки нашёл.

— Зачем? — сказала Элис. — Мой ответ вам заранее известен.

— И всё-таки я хотел бы вам напомнить, — сказал Рон, — что ваши родители...

— Напомните лучше им, что я уже давно совершеннолетняя, — сказала Элис. — И живу своей собственной жизнью...

— Их тревожит ваша связь с этим русским проходимцем, — сказал Рон. — Во-первых, он намного старше вас...

— Во-первых, он такой же русский, как мы с вами, — сказала Элис. — А во-вторых, нынешние молодые мужчины сами мечтают, чтобы их кто-нибудь трахнул... Хуанито! Маленький негодяй, вон отсюда! Нечего слушать разговоры взрослых!

С обиженным видом — я-де на всякий случай остался, вдруг этот тип будет руки распускать, — подросток прошествовал за дверь.

— Encierro вот-вот начнётся! — сказал он напоследок.

— Ладно, Рон, убирайтесь. Все равно вы ничего не добьётесь, — сказала Элис. — Только зря тратите своё и моё время. Я не собираюсь из-за вас пропустить encierro...

С этими словами она открыла балконную дверь и вышла. Фланелевый Рон последовал за ней.

— Вы бы ещё шубу надели, — сказала Элис. — И вообще — может быть, я стесняюсь появляться в вашем обществе... Марку это может не понравиться...

— Плевал я на этого прощелыгу, — сказал Рон. — Уверяю: короткий мужской разговор — и он сам от вас отстанет...

— Ну-ну, поглядим, — сказала Элис. — Если уж приехали сюда, то любуйтесь этим неповторимым зрелищем. Между прочим, место на этом балкончике стоит немалых денег. Так что пользуйтесь пока на дармовщинку...

Рон со скучающим видом поглядел на весёлую толпу, кишашую внизу, на ранних посетителей кафе, рассеявшихся за столиками, на площадь... Казалось, что молодой человек хочет плюнуть кому-нибудь на голову, и только хорошее воспитание мешает ему это сделать.

Смолкли, как по команде, оркестры, и где-то вдали грянул выстрел.

Сначала в конце улицы появилась толпа бегущих мужчин — все в белых рубашках, повязанных красными шарфами, в белых штанах и в красных баскских беретах.

— Ну и где же ваши быки? — сказал Рон.

И появились быки. Восемь быков, восемь тяжелых, чёрных, лоснящихся крупнокалиберных снарядов. Они мчались во весь опор, угрожающе крутя рогатыми башками. За ними шли три вола, гремя колокольчиками.

— А это что за солидные джентльмены? — сказал Рон.

— Вы ничего не понимаете, — с досадой сказала Элис. — Волы не дают быкам повернуть назад... Марк называет их «zagradotrijad».

— А где же сам хваленый Марк?

— Не туда смотрите. Он не в толпе. Он бежит между быками...

Действительно, между быками, лавируя, виртуозно уклоняясь от рогов, мчался высокий тощий человек, одетый как все участники encierro. Из-под берета торчали седые волосы. За спиной у него болтался традиционный мех с вином.

Вдруг седой неожиданно метнулся в сторону и вскочил на спину одного из быков.

Толпа выдохнула восхищённое «оле!».

— Он не продержится и пяти секунд, — сказал Рон. — Тоже мне, родео устроил...

Но седой продержался и пять, и десять секунд, хотя бык и старался его стряхнуть. Наконец седому это надоело, и он перескочил на быка, бегущего рядом.

Толпа снова приветствовала его восторженным воплем.

— Это мой Марк, — сказала Элис.

— Подумаешь, — сказал Рон. — Рога подпилены. Быков накачали транквилизатором. Знаем мы эти штучки...

Вдруг один из бегущих споткнулся на ходу. Последний бык наклонил голову и отбросил его в сторону. Парень врезался в забор и там остался. На его рубахе расплывалось красное пятно...

— Подумать только, что эти идиоты развлекались так ещё до Колумба, — сказал Рон, когда епсiegго закончился и они ушли в комнату.

— На завтра будет то же самое, — сказала Элис. — А этих быков убьют сегодня на арене.

— А на арене ваш Марк, случайно, не подрабатывает? — сказал Рон.

— Нет, конечно, — сказала Элис. — Попасть в матадоры труднее, чем в любой элитный клуб...

— Представляю себе жизнь этого типа, — сказал Рон. — Скорее всего он бухгалтер или мелкий клерк. Одиннадцать месяцев в году он сидит за столом в нарукавниках. Хозяин держит его в чёрном теле и к тому же спит с его женой. Сослуживцы ждут не дождутся спровадить его на пенсию. Зато в отпуске такие ребята оттягиваются: восходят на горные вершины, плывут по бурным рекам, ищут под водой испанские галеоны с золотом. И чувствуют себя при этом настоящими мачо...

— Вы дурак, Рон, — сказала Элис. — Марк не бухгалтер. Он сталкер.

— Сталкер — это такой русский бродяжка? — сказал Рон.

Ответить Элис не успела, потому что в комнату влетел запыхавшийся, потный «русский бродяжка». Он остановился, снял со спины бурдюк, откупорил его, запрокинул голову — и тонкая розовая струя устремилась прямо в глотку.

Седой напился, заткнул пробку и с удивлением воззрился на фланелевого Рона:

— Это что ещё за яппи?

— Это человек моего отца, — сказала Элис. — Пришёл наставить меня на путь истинный...

— Интересно, — сказал седой. — Ну и как, наставил?

— Мистер Марк, — сказал Рон. — Я предлагаю вам по-хорошему оставить мисс Берковиц в покое. Пока её семья не обратилась в суд.

— Я тоже предлагаю вам по-хорошему убраться отсюда, — сказал седой. — Иначе вас ждёт неприятнейшая процедура...

— Ага. Папаша хочет меня побить, — оскалился Рон. — Ну-ну, поглядим.

— Нет, — сказал седой. — Я к тебе пальцем не притронусь. Просто ты сам спрыгнешь с балкона. По доброй воле. Тут невысоко. Но ещё не поздно уйти через дверь...

— Сейчас я выбью из тебя всё дерьмо, — сказал Рон.

— Лучше уходите, Рон, — сказала Элис. — Пока Марк добрый.

— Да чтобы я... — начал фланелевый.

Седой сталкер вышел на балкон и крикнул:

— Херальдо, старый чёрт! Сейчас я пришлю к тебе одного настырного американца! Пересади этих девочек за другой столик, потому что он грохнется точнёхонько туда! И возьми с него деньги за порчу имущества!

Часть первая. Vita Bre...

...Но были ли на самом деле ковбои такими, как их принято показывать в бесчисленных вестернах?

...Каждый третий из ковбоев был негром, а каждый четвёртый — индейцем.

...Ковбои из кинофильмов обычно предпочитают больших красивых лошадей. Настоящие же ковбои ездили на маленьких, часто на пони, и редко на одном и том же коне целый день.

...Кольт бил точно лишь на несколько метров, и попадание с дальней дистанции в движущуюся мишень — чистая фантазия.

...В действительности редко кто носил два пистолета сразу — это считалось проявлением эксцентричности или признаком новичка.

...перестрелки в помещениях не были возможны, так как уже после первого выстрела чёрный дым заволакивал салун удушающим облаком...

...Кстати, от бедра, как это модно показывать в вестернах, метко никто не стрелял, да и вообще меткость ковбоев оставляла желать лучшего ввиду недостатка тренировки (заряды были достаточно дорогие).

С. Мазуркевич. «Энциклопедия заблуждений»

Глава первая

...Дэн Майский сидел на краю крыши завода железобетонных изделий, болтал ногами и бросал вниз камешки — словом, вёл себя в высшей степени безответственно. Да и то сказать: сверху Зона, да ещё в редкий ясный день, да ещё в тихом месте, на окраине, кажется не такой уж страшной. Обычная заброшенная земля, вот только человеческий фактор её испортил.

— Вы бы ещё, панычок, оттудова посикать изволили, — ехидно присоветовал сталкер по прозвищу Мыло, злокачественный ветеран.

— Ибо сказано: лучше нет красоты! — поддержал его другой сталкер, Матадор, седой и тощий.

Дэн Майский среагировал не сразу, он неспешно повернулся на заднице, поднялся, не опираясь на руки, и вопросительно посмотрел на своих спутников.

— А если бы мы вас столкнули? — спросил Матадор.

— А зачем? — сказал Майский.

— А из-за снаряги, — сказал Мыло.

Славная снаряга у столичного гостя Дэна Майского! Отличнейшая! Не затрёпанный комбез вольного бродяги, в грязи и заплатках, но натуральный композит под старую кожу камуфлирующей расцветки. Да он ещё, поди, и цвет меняет по необходимости! Да он ещё, поди, и армирован весь внутри, чтобы пули не брали! Да в нём, поди, и силовые контуры установлены — не экзоскелет, конечно, но силушки прибавляет изрядно! Разве что стразов по швам не хватает, да и то единственно потому, что вышли стразы из моды. А разгрузка! Мать моя Зона, сколько ж добра понапихано в ту разгрузку! А рюкзак! В нём наверняка и аптечка от всех ран и болезней, и боеприпасы для затяжного боя, и сухпай на неделю, и чего ещё там не припасено для дальнего и опасного рейда! А примочки! А прибамбасы! А гаджеты! Свет не видывал ещё таких гаджетов!

Шлем на голове Майского подобен головному убору победоносного римского легионера, только вместо гребня у него лазерный фонарь — ослепит он и кровососа, и псевдогиганта, разве что здешних собак не ослепит, поскольку они и так слепые. А потом Дэн Майский запинаят дерзкую тварь чудесными башмаками-самоходами...

Кажется, сними с себя Дэн Майский всю эту неслыханную роскошь — и пойдёт снаряга сама по себе хоть на Янтарь, хоть к Радару, да хоть и в страшную деревню Павшино. И будут мутанты расступаться в страхе и трепете перед уважаемой снарягой. Знать, куплена она не у жмота Сидоровича в подозрительной лавочке на последние гроши, но приобретена в элитном магазине «VIP-сталкер» по кредитной карточке на главной улице Москвы, а то и самого Киева.

И весь из себя Дэн Майский словно пришелец из светлого будущего.

А вот телохранителей его смело можно назвать реликтами прошлого.

И у Мыла, и у Матадора комбезы старенькие, чинёные, вместо шлемов банданы выцветшие, рюкзаки похожи больше на солдатские мешки-«сидоры», а телохранят ветераны своего клиента при помощи обычных автоматов, и кажется, что автоматы те будут постарше самого конструктора Калашникова.

...— Не столкнули бы, — сказал наконец Дэн Майский. — Во-первых, мой шлем показывает, что у меня за спиной творится. Во-вторых, при падении можно повредить снарягу, как вы выражаетесь...

— Молодой человек, — сказал Мыло. — Это Зона. Здесь не то что человека — куста приходится опасаться. Я же вас всю дорогу одёргивал, напоминал, только что по затылку не лупил — но будет нужно, тресну...

— Не треснете, — сказал Майский. — Теодор Аблязизович меня заверил, что вы самые лучшие и надёжные...

— А раз лучшие, то и слушайтесь, панычок, — сказал Мыло. — Меня самого в ваши годы ох били, ох били... Как только не убили?

Дэн Майский промолчал.

— Ничего, — хладнокровно сказал Матадор. — Зона и не таких учила. Главное — всегда помнить, что твоя пуля где-то летит...

Накаркал старый ворон. Пуля летела-летела — и пролетела. В смысле — не попала. В смысле — ни в кого.

Но Дэн Майский всё равно охнул — и присел.

— Вот, — наставительно сказал Мыло.

— Вот злонравия достойные плоды! — поддержал его Матадор.

— Ладно, мир, мир. — С этими словами Майский выпрямился. — Только вот сдаётся мне, что пуля не так летит. То ли я под пулями не бегал? И на Кавказе, и в Абадане, и на Кубе... Врать не буду — кланялся я им, ещё как кланялся...

— И это правильно, — сказал Матадор.

— Только вот не припомню я, чтобы пуля летела так медленно, да притом гудела, словно майский жук...

— Нема в Зоне хрущив, — сказал Мыло. — И слава богу, шо нема. А то бы они нам так смутировали...

— Так что это всё-таки было?

Матадор и Мыло переглянулись, как переглядываются вредные детки.

— А це, добродию, не простая куля, — сказал Мыло, который то и дело переходил с русского на суржик без словаря и обратно. — Це куля-дура.

— Так ведь всякая пуля — дура, — сказал Майский. — Так ещё Суворов учил...

— Это, молодой человек, так называемая блуждающая пуля, — пояснил Матадор. — Если пуля пролетит сквозь гравитационную аномалию, именуемую «кикс», то суждено ей летать теоретически вечно. Практически же она рано или поздно налетит на какое-нибудь препятствие, и этому препятствию не позавидуешь. Произойдёт миниатюрный ядерный взрыв, поскольку пуля аккумулирует кинетическую энергию...

— Я вас умоляю, — сказал Дэн Майский. — Господа, я в Новосибирске физмат окончил, не всё ещё позабыл...

— Так ведь физики в Зоне съезжают с катушек в первую голову! — радостно вскричал Матадор. — Я и сам съехал! Бросил докторскую, лабораторию, родной коллектив — и подался в вольные бродяги!

На самом деле докторскую Матадор с грохотом завалил, со всеми оппонентами пересобачился, а в Зону пошёл единственно с целью доказать соперникам, что они козлы, да так и застрял там на долгие, по сталкерским меркам, годы.

— Не зря же всем молодым специалистам на производстве внушают: забудьте всё, чему вас учили, — продолжал Матадор. — Считайте, что Зона — тот же завод по выпуску аномалий, артефактов и мутантов. Так что ничему не удивляйтесь и всего опасайтесь...

— ...и ничему не верьте, — сказал Майский. — Особенно опытным и проверенным ветеранам. Врёте вы всё, господа. Как говорит моя племянница: «Дядя, ты меня шутишь». Конечно, новичка развести — святое дело. Хотя придумка хороша, я обязательно её использую...

Сталкер что рыбак — не удержится, чтобы не приврать. Это все знают. Зона развивает, помимо всего прочего, и безудержную фантазию.

— Душно мени, — сказал Мыло и завертел головой. — Що за пекло! А ще тильки травень!

— А я представлял, что в Зоне вечный сумрак и дождь, — сказал Дэн Майский. — И небо низкое, как в Заполярье.

Он вернулся к парапету, достал бинокль и принялся рассматривать открывшийся пейзаж.

Эх, Зона, сука Зона, и кто тебя выдумал? В чью дурную голову под фуражкой пришла мысль после одной беды другую спроворить? Мало вам было рванувшего реактора, мало было загубленных жизнью солдатиков да ликвидаторов, вам ещё секретных разработок захотелось? Проклял человек эту землю, ну да и она в долгу не осталась...

— И що ж вы, панычок, бачите? Щось цекавое?

— Да нет, — сказал Майский и убрал оптику в один из бессчётных карманчиков. — Ничего особенного...

— Жара — это плохо, — сказал Матадор. — Жара иные аномалии скрывает, воздух дрожит, будто всюду «жарки» понатыканы...

— Я что-то сомневаться начал, что мы вообще в Зоне, — сказал Майский. — Вот Теодор Аблязович вам приказал меня беречь, а вы и перестарались, завели дурака в Предзоне, а теперь прикалываетесь...

— Знаете ли... коллега, — сказал Матадор. — Большой нам не приказывает. Вольному сталкеру нельзя приказать. Вольному сталкеру можно только сделать предложение, от которого он всегда вправе отказаться. Не стану скрывать — это действительно один из немногих сравнительно безопасных участков Зоны, своего рода оазис, «глаз бури». Мы с Мылом его давно открыли и придерживаем для себя. Так что прошу вас не болтать лишнего — по-человечески прошу...

— Вообще-то болтать — моя профессия, — сказал Майский. — Но не со всеми и не обо всём.

— Так вы же вроде бы физик, — сказал Матадор.

— Увы, — сказал Майский. — Ни дня не работал по профессии, надо было всю родню кормить, как доктору Чехову. Потому и подался в журналистику...

— Не любим мы журналистов, — сказал Матадор. — Зачем они нам? Жаловаться на бандитов и перекупщиков? «Дорогая редакция, примите меры по обузданию мародёров»?

— Пышуть та пышуть, як на сдельщине роблють, — добавил Мыло. — Придэ такой бисов хрен: я, каже, маю намер напысати статтю... А що вин людыну можэ пид иншу статтю пидвести, вин и не думае...

— Да не буду я никаких статей писать, — с досадой сказал Майский. — А заказали мне сценарий. Мне, главное, духом проникнуться, реальных деталей набраться... А пока я ничего не понимаю, и зачем мы здесь торчим, тоже в толк не возьму...

— Конечно, — сказал Матадор — и вдруг вытянулся и заговорил в гарнитуру: — Здесь Матадор. Да, сэр. Нет, сэр. Нормально, сэр. Хорошо он себя ведёт, не рыпается. Но Зона учит. С «дурой», например, познакомился. Да, верховая «дура», долго летает. Откуда ж её выпустили, неужели с высоты в Припяти? Нет, стрельбы не слышно... Да кто сюда сунется, сэр? До связи.

И, обратившись к Майскому, сказал:

— Вот, беспокоится о вас Большой, а ведь у него сейчас дел полно... Он вам кто?

— Кто, кто... Жан Кокто! — буркнул Майский. — Должен мне по жизни ваш хозяин... Матадор подошёл к нему и взял за грудки.

— Слушайте... коллега, — процедил он. — Никогда — слышите, никогда! — не произносите в Зоне этого слова. Зона может неправильно понять. К тому же Большой нам вовсе не этот самый. Просто он является для нас авторитетом.

— Понял, — поспешно кивнул Майский. — Допустил косяк, исправлюсь... Да отпустите вы меня... коллега!

Матадор разжал пальцы и слегка оттолкнул журналиста.

— Не обижайтесь, — сказал он. — У нас за иное слово и кишки выпустят...

— Прямо уж кишки, — сказал Майский. — А подраться я так даже с удовольствием, ментов здесь нет...

— Снидать пора, — неожиданно сказал Мыло. — На зори пишлы, а уж пивдень...

— В самом деле, — сказал Матадор. — А я-то думаю — чего это я такой раздражительный? А это я не жрамши!

Везде человек умеет устроиваться, даже в Зоне — с какой буквы её ни пиши. Вот и у Мыла с Матадором был оборудован на крыше свой уголок за кирпичной будкой вентиляционной вытяжки. Тут стояли несколько армейских ящиков, к одному был приколот лист фанеры.

Мыло развязал свой рюкзак, вытащил оттуда здоровенный шмат сала, пластиковый пакет с огурцами, краюху хлеба. Белый платок с петухами, в который завернуто было сало, он расстелил на фанере.

Матадор принялся доставать из карманов яйца — и надоставал их целый десяток. Чем его вклад и ограничился.

— А я читал, что вы в поле одними консервами и сублиматами питаетесь, — сказал Майский.

— Только в рейде, — сказал Мыло, отключив суржик. — А тут у нас, считайте, пикник на обочине...

И снова переключил языковой регистр:

— Добродию, а що в вас у ций пляшечци? Не горилка ли часом?

В объёмистом термосе у Дэна Майского плескалась не горилка, а добрый ирландский «Клонтарф». Иные предпочитают шотландские напитки — не верьте им, ибо такие люди сущеглупые. Так что ступай себе мимо, Джонни Уокер, здесь пойло для настоящих мужчин...

Мыло вытащил страшного вида нож и стал резать им сало.

— С танкового плунжера выковав соби, — сказал он. — Ото ж добра сталь... Сильки кровосмокив попластала...

Майскому стало даже стыдно за свой пижонский тесак серии «Колд стил» в ножнах на правом бедре, да и за хищно изогнувшийся ножичек «десперадо» в потайном кармашке на рукаве.

— Ты хоть лезвие-то вытер с последнего раза? — сказал Матадор.

— Не помню, — сказал Мыло.

Майский крикнул, достал стаканчики, открыл пару банок с паштетом фуа-гра и кусок копчёной сёмги.

— А вообще-то разве можно в Зоне так, сразу... Внимание рассеивается, бдительность теряется...

— Это у вас на Материке пьют, — сказал Мыло. — А мы радионуклиды вымываем!

— Ну, за удачу! — сказал Матадор.

Если бы ирландцы умели солить огурцы, то лишь ими бы и закусывали свой виски... Но нет в мире совершенства!

Когда огурцы кончились, а сало ополовинилось, Майский сказал:

— Может, объясните столичному гусю, чего мы здесь ждём?

Сталкеры посмотрели на столичного гуса испытующе.

— Ни, — сказал Мыло. — Раньше ты нам, мил-человек, объясни, что ты за мил-человек. Чого ты у Зони забув?

Майский махнул рукой.

— Это долгая история...

— А мы и не торопимся, — сказал Матадор.

— Про давосский теракт слышали?

— Смутно, — сказал Матадор. — Мы тут телевизор не смотрим, газет не читаем, газеты для другого надобны... Многие, кстати, в Зону для того и уходят, что обрыдли им ваши дела, своих забот хватает...

— Так вот, — сказал Майский. — В прошлом феврале шло там традиционное совещание всемирных финансовых шишек. Полный бомонд: фраки, смокинги, хрен, перец... Все собрались, кроме Сороса — чуял что-то, собака старая...

— Он ещё жив? — удивился Матадор. А Мыло не удивился — то ли знал, что престарелый магнат ещё жив, то ли не догадывался о существовании какого-то там Сороса. Второе вернее. Зато и Сорос небось слыхом не слыхивал о сталкере по прозвищу Мыло!

— ...ну и прессы навалом, — продолжал Майский. — Охраны понагнали, вертолёты летают, никаких лыжников на сто вёрст вокруг... Стреляют во всё, что движется, куда и европейский гуманизм подевался. Только это не помогло. Палестинцы стакнулись с антиглобалистами...

Матадор хмыкнул, а Мыло и ухом не повёл, словно речь шла о противоестественном союзе ирокезов с могиканами.

— Это явно не один год готовилось, — рассказывал Майский. — Внедрили потихоньку своих людей в службу, взрывчатку в кухне прятали — это потом выяснилось, стволы — на лыжной базе. И вот ночью накануне главного совещания — пожалуйста бритесь. Всех из номеров повытаскивали, кто в белье, кого с девки сняли, министр не министр, генеральный не генеральный... Ну и нас, больных — журналистов, охранников да ту службу, что не в курсе была, — туда же. Потом, однако, стали разбираться, кто да что.

— А что же охрана? — не поверил Матадор. — Там, поди, такие асы...

— Так кухня же под террористами была, — сказал Майский. — Намешали в еду какой-то дряни, все как сонные мухи. Да и распустились — всё-таки Давос, горы, сроду ничего не случалось. Ну, определили, кто есть ху, да и поделили. Финансистов согнали в сауну, охрану вывели и на всякий случай перебили, а нас в холле положили. Тихо, неверные собаки и продажные девки империализма! И никакой беды от нас не ждали. И сторожить нас поставили двух молодых арабов — совсем пацаны...

— И чего же они требовали? — сказал Матадор.

— «Будьте реалистами — требуйте невозможного!» — был такой лозунг у парижских студентов в 1968 году... Ну, эти и потребовали невозможного: всех борцов за свободу освободить, выбросы углекислоты прекратить, все деньги отдать слаборазвитым странам, а по Зоне нанести ядерный удар, чтобы не поганила планету.

— О как! — сказал Мыло.

— То есть заведомо невыполнимые условия, — сказал Матадор.

— В том-то и беда, — сказал Майский. — Телевизоры-то в холле оставили, чтобы стража была в курсе. И начинаем мы, больные, соображать, что просто они время тянут, а мы все уже покойники. И быть бы нам покойниками, если бы один из наших арабов не начал заваливать на диван журналисточку из «Коммерсанта». Выбрал бы лучше ту кобылу из «Файнэншл таймс», а то землячку! Левый какой-то оказался араб, дисциплины не понимал.

— Ну и? — сказал Матадор и даже заёрзал.

— Ну и нашёлся среди нас один дурак, — вздохнул Майский. — Бросился на араба, а второй стражник, вместо того чтобы дурака пристрелить, начал нас разнимать. Говорю же — пацаны...

— Ага, — сказал Матадор. — Значит, вы тот самый...

— Увы, — сказал Майский и, никого не дожидаясь, выпил. — Откуда что и взялось. Никакой я не десантник и не спецназовец. На моё дурацкое счастье нашёлся среди нас толковый мужик, америкос, он раньше в «Солдате удачи» работал, бывший «зелёный берет». Второго араба он заколол авторучкой в горло, автомат подхватил, а я всё со своим борюсь. И так мне страшно стало, что ударил я араба башкой со всей дури. И помер араб...

— Це гарно, — сказал Мыло. — Наша людына.

— А остальные террористы где же были? — спросил Матадор. — Они же за вами должны были следить...

— У них другое заделье имелось, — вздохнул Дэн Майский. — Они финансовую верхушку в сауне живьём варили... Да что я вам рассказываю? Весь мир об этом знает...

— То ваши дела, — сказал Мыло. — Материковские. Нас не касается.

— И очень они этим процессом увлеклись. Снимали, уроды, на мобильники, на видеокамеры, в «Аль-Джазиру» тут же пересылали... Вот и потеряли бдительность. Ну, дальше я плохо помню, да и никто толком ничего не понял. А Эрик этот, Вестерфелд, погнал нас на выход. Слава богу, всё молчком, бабы не визжат и в обморок не падают. Очнулся я — качусь по снежному склону в одних боксёрских трусах и босиком. И остальные везунчики рядом кувыркаются, полный переход Суворова через Альпы... Их снайперы на крыше тоже не сразу опомнились, а когда стали стрелять, наши стрелки их тут же засекли и положили. Хорошая у них была подготовка! А у террористов — не очень. Бабу из «Файнэншела» легко ранили, в неё трудно было промахнуться, да Эрик не уберёгся, последним шёл, как положено. Тут и разлетелся отель в щепки.

— Да, — сказал Матадор. — Только, помнится, фамилию Майский я не слышал.

— В том и дело, — сказал Дэн. — Коля я, Гаврилов Николай.

— Вспомнил, — сказал Матадор. — «Слава героям Давоса»! Но Гаврилов, насколько я понял, погиб...

— А Дэн Майский воскрес, — сказал Дэн Майский. — Сперва на нас с Эриком хотели всех собак навешать за то, что спровоцировали террористов, но потом вроде разобрались, да к тому же Эрик как мог меня отмазывал. Он не сразу умер, ещё три дня протянул. Ему посмертно все американские медали повешали, но этот фруктовый салат был ему уже без разницы. А меня, раба божьего, долго ещё мурыжили чекисты всех стран и народов. И начал я в конце концов жить опасно, как Салман Рушди... У меня даже могила есть на Троекуровском. Семье положили хорошую пенсию. Так и стал я Дэном Майским. Мерзкая псевдуха. Этаким молодой метросексуал. Борода у меня хорошая была, усы с подусниками... Всё сбрил, оставил только эту интимную стрижку по моде... Лобок стриптизёрши...

Дэн Майский с отвращением подергал полоску на подбородке.

— Целый месяц об этом деле шумели, — сказал он. — Потом успокоились. И главное — все довольны. Террористы показали, что идеи ислама и антиглобализма торжествуют. В корпорациях и правительствах произошла большая подвижка и ротация кадров. Наследники наконец-то дождались своего. И простой народ доволен: одна гадина сожрала другую, как Достоевский учил...

Матадор покачал сивыми кудрями:

— Вы знаете, Николай, я вам верю...

Тут журналист перегнулся через фанерку и сгрёб сталкера тем же манером, что Матадор давеча применил к нему.

— Никогда, — сказал Майский. — Слышите — никогда! — не называйте меня этим именем...

— Один-один, — поспешно сказал сталкер. — Но видите ли, Дэн, на Зоне вообще не принято звать друг друга по именам. Даже тех, кому нет нужды скрываться. Так что ваше инкогнито гарантировано. Правда, кличку получить вы вряд ли успеете...

— О, — сказал журналист. — Боюсь, успею. Творческая командировка может длиться годами, коллега...

— Среди сталкеров не выкают, Дэн, — сказал Матадор.

— Лады, тореро, — сказал Майский. — «Пустое „вы“ сердечным „ты“ она, обмолвись, заменила»...

— Но, с другой стороны, «на грош любви и доброты, а что-то главное пропало»... — рассмеялся Матадор.

— Бывший кээспэшник! — рассмеялся и журналист.

— Точно, — сказал сталкер. — Но ниша барда в Зоне, увы, занята. И пальцы отвыкли. Которые остались. А от кого же скрывается Дэн Майский? Ведь вы... Ты же скрываешься, парень!

— Тебя не обманешь, — сказал Дэн. — Этот идиот Майский написал о давосских событиях книжку. И назвал — вернее, рекламный отдел издательства назвал — эту книжку «Акулья уха»...

— Какой цинизм! — вскричал Матадор. — За это надо выпить! «Клонтарф» как-то очень быстро всосался весь, и Мыло, страдая, потащил из мешка бутылку чего-то домашнего.

— А за что же тебя Большой так возлюбил? — спросил Матадор. — Ты про него хвалебную статейку тиснул в «Правде» — или какая газета у вас нынче самая главная?

— Да нет, — сказал Майский. — Просто та девочка из «Коммерсанта» дочкой ему приходится. От первого брака.

— Наталка, матери её тряся! — восхитился Мыло.

— Именно. Наталья Теодоровна. Ох, я ведь чуть в зятя папе её не угодил, да бог миловал...

— Это точно, — сказал Матадор. — Нет, лучше бы мы с этой отравы начали, а вискарём заполировали. Потому что русский человек задним умом крепок, а хохол, видимо, — передним!

— Кстати, — сказал Майский. — Как у вас получают кличку?

— О, это целый ритуал! — оживился Майский. — Соискатель выходит на открытое место в сопровождении двух поручителей. Наша крыша как раз подходит. Потом неофит поворачивается в сторону АЭС и троекратно кричит: «Зона-старуха, дай кликуху!» На третий раз Зона непременно отзовётся. Устами, точнее, рылом ближайшей псевдоплоти. Эти бывшие хрюшки обожают воспроизводить человеческую речь, иногда целыми фразами...

— Дядя, — проникновенно сказал Дэн Майский, — ты опять меня шутишь!

Глава вторая

Ветераны, насытившись, сонно откинулись, прислонившись к ящикам, а Дэн Майский с помощью бинокля уныло и безнадежно осматривал окрестности. Всё было тихо, и не просто тихо, а ТИХО. Как перед большой бедой. Вокруг здания раскинулся пустырь, кое-как оживляемый развалинами и остатками строительной техники. Вдали чернел лес, а солнце палило немилосердно.

— Господа, — сказал журналист, не оборачиваясь, — а что это там такое — лес вроде бы как-то вспухает или холмится?

Матадор и Мыло ответили — только не словами, а каким-то невнятным рёвом или мычанием.

Майский обернулся — и чуть не сиганул с крыши, но вовремя успел сообразить, что шутники просто-напросто натянули противогазы, да ещё и головы покрыли. Матадор напялил на голову натовский шлем, обтянутый маскировочной сеткой, а Мыло — натуральную каску пожарного, старинную, с двуглавым орлом, зато начищенную до блеска.

— Вашу мать! — воскликнул журналист и поспешно опустил забрало. В шлем его чудесный тотчас же начал поступать воздух из баллончика, что при такой жаре было даже приятно.

Почтенные клоуны переглянулись, сняли головные уборы, стянули противогазы.

— Отбой, — сказал Матадор. — Реакция у тебя неплохая — для Материка. А в Зоне, случись что, ты бы уже посинел и не жил...

— А я-то думал, что вы брови выщипали, — сказал Дэн Майский, вспомнив анекдот о невнимательном муже.

— Вирно батька Ленин казав: вчиться, вчиться и ще раз вчиться, — молвил Мыло, подняв палец.

— Что позволяет нам сделать далекоидущий вывод: не в Шушенском Ильич ссылку отбывал! — сказал Матадор.

— Так тогда же никакой Зоны и близко не было, — обиженно сказал Майский.

— Откуда мы знаем? — вздохнул Матадор. — Где же ещё вождь мирового пролетариата мог в себе такую чуйку развить?

— Ну хватит, — взмолился журналист. — Сколько можно? Я же там вправду что-то увидел: была ровная полоска — да вдруг пошла синусоидой... Что это было?

— Земля, как и вода, содержит газы, и это были пузыри земли! — провозгласил Матадор. — Шекспир, «Макбет». Да ты садись. Если слишком долго вглядываться в Зону, Зона начнёт вглядываться в тебя, а это последнее дело...

— Що то за голова, що то за розум! — похвалил напарника Мыло. — То мат-перемат, а то як соловийко співає... Що бы мы без жидив робили?

— А без хохлив? — подхватил Матадор.

Тут Дэну Майскому стало тревожно — такому бессмысленному словоблудию старые солдаты обыкновенно предаются перед атакой или бомбёжкой...

— Может, вы мне всё-таки объясните — чего мы тут высиживаем? — сказал он. — Что будет, что ожидается?

— Господь милостив — то ничогиньки нэ будэ, — сказал Мыло. — Если повезёт.

— А что это вообще за операция? — спросил Майский. — Теодор... то есть Большой мне ничего не объяснил...

— Секретная операция, — сказал Матадор. — Конспирация с целью пресечения утечки информации и диффамации...

Тут над их головами пронёсся совершенно нестерпимый вой — и где-то совсем рядом рвануло. По крыше забарабанили камешки.

Матадор включил связь и заорал:

— Вы что там, с ума сдурели, падлы, сэр? А-а... Вот в чём дело... А мы-то думали... Да быть не может! Да понял, понял, что не телефонный разговор... Да мы и так в полной боевой, сэр... Нормальный парень, только немножечко герой... До связи!

Потом он взял у Майского бинокль, поднялся и стал смотреть в ту сторону, откуда прилетела мина, но, видно, ничего не высмотрел.

— Маскироваться они умеют, — сказал сталкер. — Вот если бы ещё стрелять научились...

— И всё-таки — что происходит? Как же я-то учиться буду, если ничего не понимаю?

— Мы под Колпином скопом стоим, артиллерия бьёт по своим, — сказал Матадор. — Процент дураков среди вольных сталкеров, Дэн, такой же, как среди прочих сообществ, страт и коллективов. И вот три таких дурака, а именно вольные сталкеры Умная Маша, Халдей и Коммунист, складчину купили у белорусов ротный миномёт с ящиком боеприпасов, заначенные ещё с партизанских времён. И ещё у оружейников заказали. И стали наши связчики осваивать навесную стрельбу путём прискорбных проб и трагических ошибок...

— Маме их трясця, — заметил Мыло, и его даже передёрнуло — видимо, сталкивался с такими ошибками.

— Это же получается — горилла с гранатой в пороховом погребе, — сказал Майский.

— Совершенно верно, коллега, — сказал Матадор и продолжал: — Мы бы, конечно, эти упражнения пресекли и миномёт конфисковали, но, на дурацкое счастье, одна такая мина угодила в нужное место. А там банда Форина, полные отморозки, добивала «долговский» квад в развалинах «Сельхозтехники» и почти добила. А тут неожиданная помощь с небес. С тех пор «Долг» за эту троицу горой, и сам Петренко горой, а с Петренкой даже Большой считается... Но они больше не будут. Во всяком случае, в нашу сторону. Слава богу, а то я уж подумал, что это военкеры берут здание в вилку на всякий случай...

— Военкеры? — спросил Дэн.

— Ну, военсталкеры, — пояснил Матадор. — Хоть мы сегодня все и заодно, но пока начальники согласуют, пока притрутся...

— А вы, значит, вольеры? — сказал Майский.

Матадор задумался.

— Хм, почему бы и нет, — сказал он. — Если этому сокращению суждено прижиться, так оно и приживётся. Вольеры... Странно, что до этого ещё никто не додумался... Вот что значит гиена пера! У народа, у языкотворца, умер звонкий забулдыга-подмастерье... Ох, прости, Дэн, не подумал, дурман ядовитый...

— Да нет, ничего, — сказал Майский, но поёжился. — Как же они это хозяйство таскают? Там одна опорная плита...

Мыло захихикал, а Матадор пояснил:

— Опорная плита по жребии досталась Умной Маше. И Маша, подтверждая свой ном де гер, то бишь военный псевдоним, наменял у народа кучу «волчьих слёз», и «слёзки» эти он прилепил по окружности плиты на жвачку, а жвачка, естественно, по дороге высохла...

— Надо было на эпоксидку сажать, — сказал Майский. — А про «слёзки» я читал, что они ношу облегчают... Но всё-таки, что за операция? Какая причина сплотила вольных сталкеров, военкеров и прочих народ в Зоне?

Матадор пожевал губами и нехотя сказал:

— Белый пропал.

Хуже нет для журналиста вытягивать информацию при полном неведении! Бегаешь один, как дурак, среди занятых людей, а они посылают тебя друг к другу и ещё дальше...

— Кто такой Белый?

— То довга справа, — сказал Мыло. — Бо Билый то е Билый. Чужому не понять.

— Видишь ли, Дэн, — сказал Матадор. — Белый — это такой человек, которого в Зоне никто не смеет тронуть — не вольный, не военный, не миротворец, не последний мародёр, который за «вечерний звон» родную маму на поругание бюерам отдаст. Своего рода неприкасаемый... Мыло! — внезапно заорал он. — Ты лестницу прикрыл?

— Та я там растяжку поставив, — беспечно сказал Мыло и даже зевнул.

— С ума сошёл, — сказал Матадор. — Как же мы слезать будем, если её кто-то посторонний сдуру тронет? Послал же мне господь связчика...

— Та я тую гранату поставив... кустическу... — оправдался Мыло.

— А-а... кустическу — это ничего, — сказал Матадор, но вдруг снова рявкнул: — Я же тебя лестницу «жгучим пухом» оплести просил! Мы же в секрете сидим! Тише травы ниже воды! А ты — кустическу! Вот обнаружат нас — тогда узнаешь!

— Вы что — не боитесь эту пакость? — спросил Дэн и поморщился при мерзком воспоминании.

— У нас не настоящий пух, — сказал Матадор. — У нас имитация. Берём обыкновенную ёлочную гирлянду, обрабатываем её соответствующим образом... Мастер, конечно, распознает, а средний бандит нипочём... Ты, Мыло, ведь забыл гирлянду? Признайся — забыл? Бить не буду...

— Я её не забыв, а ты мени не забыв! — Мыло тоже решил блеснуть языкотворчеством.

— Мужики, мужики, — напомнил Дэн. — Я всё про Белого. Что он у вас делает? В чём его функция?

— Нияка Билый не хвунция, — сказал Мыло. — Вин людэй рятуе. И кого не трэба рятуваты — тэж рятуе...

— Если повезёт, — сказал Матадор.

— Он что у вас — вроде МЧС?

— Нет, — сказал Матадор. — У нас один Белый. Конечно, друг дружку и мы стараемся выручить при случае, а он только этим и занимается. Занимался... Ну-ка, что-то я давно на связь не выходил...

Он долго возился с крошечной рацией (это устройство никак не вписывалось в допотопную экипировку парочки), звал Большого, но не преуспел...

— Ни фига в эфире, — сказал он. — Ни звука, ни шороха. То ли радиомолчание Большой объявил, то ли Зона заткнула...

— А она может? — спросил Майский.

— Она всё может, — сказал Матадор. — Капризная дама. Как и всякая родина...
— А она вам родина? — сказал журналист.
— Отечество нам Царское Село, — ответил Матадор. — Не знаю, Дэн. Но вот что целый мир ваш нам чужбина — это точно...

Понял журналист, что прямыми вопросами ничего не добьётся и что остаётся ему одно — копить крохи в надежде склеить целую картину.

— Странный у вас секрет, господа, — сказал он. — Говорим в полный голос, встаём в полный рост, акустическую гранату вот приспособили... Сидел я у погранцов в секрете на границе с Северной Кореей, знаю, там за кашель пришибить могут...

— Какой-нибудь глянцевого журнала для настоящих мачо? — поинтересовался Матадор.

— Да нет, я типичный фрилансер...

— Так я тебе скажу, как фрилансер фрилансеру: вы болван, Штюбинг, пока не доказали обратного. И я был таким же болваном, и Мыло... Правда, Мыло и завис на этой стадии... Короче, Дэн, не задавай лишних вопросов и делай что велят. Да, пост наш чисто номинальный, на всякий случай. Пекинес тут на прорыв ни за что не пойдёт, хотя квадрат относительно безопасный, хоть на ПДА посмотри, да и до Периметра недалеко... Но там на Периметре такой укрепрайон, что любая точка пристреляна. И военкеров полно, и миротворцев... Их задача — банду не выпустить. А все действия в Зоне они нам предоставили и ещё кланам...

— Гляжу я, — сказал журналист, — что главный монстр на Зоне всё-таки человек.

— А как же, — сказал Мыло.

— Так что проскучаем тут до темноты — и баиньки, — сказал Матадор. — Если, конечно, связь восстановится. А ты думал, Большой тебя пошлёт «Агропром» прочёсывать? Нет, хорошего помаленьку. Псевдогиганта ты уже видел, «карусель» я тебе показал, из «жадинок» выдернул... На первый раз достаточно. Ты же для нас не отмычка, а дорогой гость. Спасать и сохранять. Вот подожди, придётся тут заночевать, тогда узнаешь, какова Зона... Тишине никогда не верь, даже если я тебе говорю, что всё в порядке...

И точно — совсем неподалёку что-то звякнуло, словно гвоздь упал на бетон или железнодорожный костыль.

Ветераны молниеносно залегли и выставили стволы в сторону звука.

Дэн Майский тоже залёг — но далеко не так ловко. И тоже выставил свою маленькую «беретту» — оружие для вашего уик-энда, как говорит реклама. И только тогда увидел, что в парапет крыши вцепилась маленькая трёхлапая «кошка».

— Винница, мужики! — раздался высокий голосок.

— Винторез! — откликнулся Матадор. — Всё равно не торопись, башку покажи...

Показалась и башка в армейском шлеме, а потом и весь человек (вернее, человечек) перевалился через парапет и поднялся. Поднялись и сталкеры, поставив автоматы на предохранитель. Майский тоже принял вертикальное положение, как старшие.

— Здорово, Киндер! — сказал Матадор. — Как это ты подкрался так ловко?

— Тем и живём, — с достоинством сказал пришелец.

— Витэр з моря, гости з... ну ты понял, — сказал Мыло.

— Как ты жесток, дядя, — сказал прибывший. Ростом он был по плечо даже Мылу, а снаряга на нём была честь по чести — только всё какое-то маленькое, миниатюрное, даже помповик казался детским. Так примерно мог бы выглядеть сын полка, которому армейские умельцы спроворили и гимнастёрочку, и галифешечки, и сапожки стачали, и укороченным кавалерийским карабином снабдили. Натуральный эльф, и даже ушки острые показались, когда снял мальчонка шлем. Но нет, не мальчонка — лицо мужчины средних лет, и шрам безобразный на щеке...

— Знакомься, — сказал Матадор. — Это личный гость Большого, знаменитый журналист Дэн Майский... Дэн, это наш знаменитый Киндер...

— Очень рад, — сказал Киндер всё тем же девичьим голоском. — Если не ошибаюсь, вы автор книги «Битва кремлёвских карликов»?

— Было дело, — вздохнул журналист.

— А шо — бюеры вже до Кремля докопалысь? — обрадовался Мыло.

— Нет, это просто творческий экстремизм, — сказал Майский. — За что и поплатился...

— А, так вы — эмигрант? — догадался Киндер.

— Вроде того...

— Гаси базар, — сказал Матадор. — С чем пришёл?

— Да Большой меня поднял, прямо с Галки снял, — пожаловался Киндер.

— Ох, ты доиграешься со своей Галкой, — сказал Мыло. — Колысь прыспыть вона тэбэ, як маты малятко... Цицькой задавить...

— Помолчи, Мыло, — сморщился Киндер. — И назначил меня Большой вроде как вестовым, поскольку связи не доверяет...

— Её, кстати, и нет, связи, — сказал Матадор.

— Давай-ка отойдём, пошепчемся, — сказал Киндер.

— Хрюли шептаться, — сказал Матадор. — Заодно расскажешь всё по порядку, а то господину Майскому не терпится войти в курс дела...

Киндер задрал головёнку и поглядел на журналиста с большим сомнением.

— Давай-давай, — поторопил Матадор. — Ты же у нас теперь штабной, всю картину видишь. Вот и рассказывай как бы ему...

— А вы про меня в своей книжке напишете? — спросил Киндер.

— Непременно, — сказал Майский. — Если живой останусь.

— Вот это правильная формулировка, — сказал Матадор. — Значит, понемногу втягиваешься...

— Значит, так, — сказал Киндер. — Большой с генералами Твердолаптевым, Гомолякой и Уэббоком плюс Воронин и нынешний глава «Свободы» — ну не могу я их запомнить, чехарда какая-то, — решили устроить очередной карачун всем бандитам и мародёрам и на этой почве объединить усилия... Тем более что, по данным разведки, в Зону прибыл Пекинес — то ли на сходняк, то ли что-то ценное надыбали. Назначили начальнички время «Ч». И тут пропадает Белый. Никто три дня его не видит. Ну ладно, мало ли что. Но! Ночью в «Хардчо» вваливается Раммштайн — один, без Лунохода. Весь в кровище, еле живой. Два огнестрела на нём. Но в баре был как раз Пилюлькин, а набраться ещё не успел. Обиходил, перевязал, уколол, своих дежурных из больницы вызвал. Раммштайн, прежде чем отрубиться, рассказал, что ходили они с Луноходом на окраину Припяти, зачем — не уточнял...

— Та я знаю зачем, — сказал Мыло, но Матадор пихнул его в бок.

— И вот лежат они на развалинах стадиона, никого не трогают, изучают обстановку. Видят — идёт Белый, торопится, кого-то выручать наладился. И тут из-за кустов выскакивает этот новенький, Топтыгин. Человек-гора. Мы-то думали, что он уже давно псами растерзан, а он в бандюки подался! Вот тебе и дитя природы! Бьёт, гадёныш. Белого по башке, взваливает на плечо и тащит! Ну, Луноход, конечно, не стерпел, прицелился в ноги и выстрелил. Он хорошо стрелял-то, Луноход, а тут оплошал. Но! Топтыгин не один был, их там ещё человек пять! И стали они Лунохода с Раммштайном поливать огнём из пяти стволов. Лунохода сразу завалили, а Раммштайна подранили, он мёртвым прикинулся. Подходят. Обыскали, стволы забрали, ПДА растоптали, хабар, какой был, утащили. Один хотел Раме контрольный выстрел сделать, но главный сказал, что вон, мол, тушканчики скачут, пусть помучается, сучара вольная, будет знать, как на деловых залупаться да облавы устраивать. А Раммштайн-то про облаву ни сном, ни духом!

— У военных протекло, — горько сказал Матадор. — Ну и?

— Раммштайн сильно разозлился, — сказал Киндер. — Ладно, думает, кранты. И пишет на рюкзаке кровью, что Белого блатные схватили. И готовится принять плохую смерть. Но тушканчики его окружили, постояли, да и поскакали по своим делам!

— Брэхня, — уверенно сказал Мыло. — Химера, кажут, ще можэ ранену людыну нэ чапнуть, але тушканчики... Воны ж як те пасюки!

— Не скажи, Мыло, вокруг Белого иногда такие вещи случаются... Ну, Раммштайн и поднялся. Кое-как перетянул грудь тельником и пошёл, благо ноги целы. И на одной злобе до бара дотянул. Большой сам примчался, взбесился. Да и весь народ взбесился: смерть блатным и чёрным! На святое посягнули!

Тут вызывает Большого сам Пекинес и говорит: Белый у нас, обеспечьте свободный проход, рефрижератор с мороженым по случаю жары, пару автобусов до польской границы и много ещё чего, а выкуп назвал такой, что Большой побледнел... Стал он время тянуть...

— Простите, — вмешался Майский. — Я в заложниках трижды был — два раза добровольно, а про третий я уже господам сталкерам рассказывал. Это ваш Пекинес время тянет. Зачем-то ему этот Белый нужен. Точно.

— Вот и Большой так же решил, — сказал Киндер. — Ну, где они сидят, мы быстро узнали — в подвалах «Агропрома».

— Ну так они сами себя в ловушку загнали, — сказал Матадор.

— Если бы, — сказал Киндер. — Тут в углу бара просыпается Гуран, входит в курс дела и говорит: плохо дело, ребята, у Пекинеса есть такой человек по кличке Зоофил, вроде бандитского шамана. И этот Зоофил вроде бы может с бюроерами договариваться. Он целое их кубло на мороженое подсадил. И они якобы могут для него ходы копать, куда попросит...

— А откуда Гуран знает? — сказал Матадор.

— Так он же сам из бандитов. Может, связи остались... А меня к вам Большой прислал вот почему. Среди военных крыса завелась...

— Тоже новость, — сказал Матадор. — Их там полно. А мы-то при чём?

— Большой думает, что Пекинес будет выходить именно тут, — сказал Киндер. — В здании.

— Чего ж Большой тогда одного тебя сюда прислал, а не всех?

— Да потому что Пекинес как-то странно себя ведёт. Большинство своих людей разбросал по разным точкам, чтобы наши тоже рассредоточились... Так что теперь их собрать по-быстрому не получится, не на Материке всё-таки воюем, прямых дорог нет. Собак всех переполошили, зомбаки под ногами путаются, на Свалке вообще чёрт знает что...

— А Белый точно жив? — сказал Матадор.

— На что он им убитый-то?

— Извините, — вмешался Майский. — Я что-то не пойму. Сначала вас, то есть нас, посылают прикрывать заведомо безопасный сектор. А потом внезапно оказывается, что тут-то и есть самый Сталинград. Так дела не делаются. Ещё раз извините...

— Это правильно, Дэн, что извинился, — сказал Матадор. — Только в Зоне с логикой плоховато, и не только с логикой. Вот в лагерях есть поговорка: «Не веришь — прими за сказку». А у нас по-другому: «Не веришь — прими как данность».

— Я же вам и говорю, — сказал Киндер. — Где Белый замешан, всегда жди сюрпризов...

— Так, может, ваш Белый ещё и причинно-следственную связь нарушает? — предположил журналист.

— Белый всё что можно нарушает, — сказал Матадор. — Как беззаконная комета в кругу расчисленных светил... Только никак я в толк не возьму, почему Белый позволил салате себя скрасть? И почему эта отмычка семипудовая, Топтыгин, подался к бандюкам? Им же вроде старая вера не велит...

— Брэхня, — обозначился Мыло. — Не могут бюроеры так швыдко копать...

— Да там вояки ещё когда ходов понаделали, — сказал Киндер. — И агрегат свой землеройный наверняка бросили. А бюроерам один хрен — что бетонными блоками жонглировать, что фрезу вращать.

— В гостях у сказки, — развёл Майский руками. Он вообще-то привык, что журналистов будущие герои всегда норовят наколоть, а потом читают статейку да животы надрывают...

— Всё, КВН закончен, — объявил Матадор. — Будем надеяться на лучшее и готовиться к худшему. Мыло, спустись вниз и намотай на перекладыны наш липовый пух.

Киндер, тебя учить не надо, прикинь, как нам лучше распределиться. Дэн, покажи свою марсианскую ружбайку...

Через четверть часа крыша, обширная, как палуба авианосца, превратилась в маленькую крепость — правда, с огневой мощью было плоховато, а с боеприпасами и того хуже.

— Связи нет, — объявил Матадор. — Переходим ко второму пункту. Если бюреры сделают им выход прямо под нами, в здании, что маловероятно, то... там у нас тоже кое-что имеется. Вряд ли, конечно, они полезут на крышу, что им здесь делать, но лючок, который под нами, мы всё-таки обезопасим... Отойди-ка, фрилансер...

Майский с удивлением обнаружил, что действительно стоит на крышке, окованной жестью. Замка, правда, не было, и в петли Мыло загнал ржавую арматуру.

— Хлипковатая, — заметил Киндер. — Да они ведь мину могут поставить да рвануть...

— Не полезут они на крышу, — сказал Матадор. — Они ночи дождутся и будут просачиваться через Периметр...

— Ты же сказал — там полный непроходняк, — заметил Дэн.

— Там военкеры, — сказал Матадор. — Они все продажные. А миротворцы всего боятся. Где и когда эти писмейкеры героизм проявляли?

— Бывало, бывало, — сказал Майский. — Не надо их всех дерьмом-то мазать.

— Да хоть Юкку-Пекку взять, — поддержал его Киндер.

— Исключение подтверждает правило, — сказал Матадор. — Он потому и дезертировал, что не вписывался...

— К нам бы его сюда, — мечтательно сказал Киндер. — Никогда головы не теряет, чухна белоглазая! Но далеко сейчас Юкка-Пекка — если жив, конечно.

Солнце между тем помаленьку начало сваливаться на запад.

— И чего это сегодня так печёт? — сказал Киндер. — Не припомню я в Зоне таких ясных дней...

— А это Земля наша, матушка, с Зоной борется, — сказал Матадор. — Земля ведь живое существо, а Зона — болячка. Вот и решила планета болячку прижечь. Кстати, в такие редкие дни у мутантов падает активность...

— Вот бы всё лето такое стояло! — воскликнул Киндер. — Болота эти гадские высушило...

— Хлопцы, — сказал Мыло. — А чому ж той Пекинес не скрал Болотного Доктора?

— Потому что Доктора сама Зона бережёт, — наставительно сказал Киндер.

— Так вона ж и Билого тэж...

— Да вот не уберегла, — вздохнул Матадор. — Хотя и странно...

Всё это время Дэн Майский слушать слушал, а в бинокль-то посматривал.

— Собаки бегут, — объявил он. — Штук десять.

— Де? — вскинулся Мыло.

— Далеко, — сказал Дэн. — Примерно там, где лес заплясал...

— То и нехай бегуть... А в нас завжды тихо...

— А может, вот сейчас, под нами, какие-нибудь твари возятся, — предположил Майский, продолжая обозревать окрестности.

— Нет там никого, — устало сказал Матадор. — Я бы почуял. Да и случайные люди сюда не сунутся. Все знают, что там химера живёт...

Майский чуть не подпрыгнул, но сумел сдержаться.

— Ложная тревога, — сказал Матадор. — Слух насчёт химеры пустили мы сами. Химеры так близко к людям не селятся, не любят они этого...

— А у Белого, говорят, ручная химера есть, — сказал Киндер.

— Брехня, — сказал Мыло. — Скажи ещё, шо он её ще кутёночком взяв и выгодував...

— Я уже ничему не удивляюсь. Ей-богу, вот выручим мы Белого, так я с него с живого не слезу — пусть перестанет темнить.

— А всё-таки мы трое — его крестники, — сказал Киндер. — И мне по барабану, как он меня из подвала вытащил. Главное, что вытащил. Так что не старайся, Матадорушка, всё равно он тебе ничего не скажет. А если скажет, так враз свою силу потеряет...

— Киндер, Киндер, — укоризненно сказал Матадор. — Дитё ты и есть дитё. У тебя за спиной всё-таки высшее образование, хоть и физкультурное...

— Билому сама Зона воровать, — сказал Мыло.

— А почему тебя Матадором зовут? — спросил Майский — он всё-таки не забывал, что ему заказан сценарий, и спешил нахвататься деталей сталкерского быта.

Мыло в очередной раз противно захихикал. Седого сталкера это не смутило.

— Потому что я обожаю корриду, — сказал он. — Денег я не коплю, в могилу их не заберёшь, зато каждый год езжу в Испанию, оставляя Мыло без присмотра. И в День святого Фермина, седьмого июля, принимаю участие в беге с быками.

— В белых штанах? — уточнил Майский.

— И в белой рубашке, — сказал Матадор. — И в красном берете. И в красном пионерском галстуке. И так мне хорошо...

— Неужели в Зоне риска не хватает? — сказал журналист. — Я так в Испании вёл чисто растительную жизнь с устрицами и тинто бланко.

— Там, парень, риск человеческий, естественный. Там и адреналин настоящий. А здесь всё такое... нелюдское...

Тут вмешались Мыло с Киндером и стали пенять Матадору, что он деньги на ветер пускает ради своей блажи, а вот побегал бы он наперегонки с кровососами, как все добрые люди, или хотя бы с припятскими кабанами, которые могут выпустить кишки не хуже мелких испанских бычков.

Мыло же на вопрос, почему он Мыло, ответил кратко:

— Гыгыена...

...Майский глядел в бинокль, медленно поворачиваясь по кругу, и думал, что его фильм так и начнётся — с бега быков в Памплоне, благо студия им. Довженко теперь богатая...

— Внимание! — воскликнул он. — Со стороны Периметра к нам едут гости...

Глава третья

Теодор Аблязизович Пак было имя ненастоящее. Вроде как Рустам Святославович Кац, если кто понимает. А как по-настоящему Большого звали, никто не знает или не помнит. Начинал он простым вольным сталкером и кликуху «Большой» получил не по причине богатырского телосложения, а потому что в запале крикнул своему старшему после очередной затрешины: «Я уже большой!» Так и повелось, так и прошёл он славный боевой путь от отмычки до гранд-мастера. Жил как все, в рейды ходил как все, денежки спускал в барах как все...

Только проснулся он однажды в своей комнатёнке задрюпанной, потянулся и объявил: «Больше так жить нельзя!» Потом этот слоган во всех барах вывешивали...

Ну, не он первый так думал и не первый провозглашал по тяжёлой утрянке, только встал Большой, посмотрел на остатние финансы, тяжёлёхонько вздохнул, собрал все вещи и пошёл прочь из Зоны, даже не поправив здоровья.

И целый год не давал о себе знать.

Потом в Предзоне стали появляться какие-то новые люди. И были эти люди страховыми агентами.

До этого в Зону кто только не совался — и с российской, и с украинской стороны — в надежде срубить лёгкую деньгу или же просто скрыться и переждать до лучших времён. И такие чудачки находились. Проще бы им было в жерле действующего вулкана отсиживаться.

Были среди них и отставники, и бандиты, и безработные, и погоревшая на экзаменах абитура, и, конечно, шпионы всех мастей и разведок, а вот страховых агентов не бывало. Во всяком случае, в профессиональном качестве, а биографий здесь не спрашивали.

Обыкновенно такой агент подходил к вольному сталкеру и заводил с ним разговор о том о сём, о семье, о здоровье; можно было за такую настырность и в пятачину заработать, но страховщики только утирались и свою линию гнули: ну вот станешь ты калекой, инвалидом, а у тебя ведь родители есть, а то и детки, ты же не волк-одиночка, как Байконур с Идолем, ты о перспективах думать должен...

Некоторые начали задумываться. Потому что разве это жизнь: похмелье, рейд, парочка артефактов, барная стойка, драка, похмелье, рейд, внезапная «утренняя звезда», найденная по редкой удаче, эйфория — а потом или кровосос из кустов, или незамеченная «жарка», или бандитская пуля и кирдык. Кирдыка никому не хотелось.

А вот если уважаемый вольный сталкер Вирус согласен не дотла пропиваться, а какую-то сумму вносить в качестве страхового взноса в «Сталкербанк»... а в случае увечья... а в случае гибели... а если ни увечья, ни гибели, так запросто можно открыть когда-нибудь Своё Дело...

Что это за диво такое — «Сталкербанк»? Что общего может быть между сталкером и банком? С банками даже последние жмоты и скопидомы (а таких в Зоне тоже хватало) старались не связываться: сегодня он банк, а завтра его с собаками ищут...

Осторожный народ был в Зоне. Недоверчивый и подозрительный — такова жизнь. Жмоты и скопидомы, однако, потихоньку стали выпрашивать: что за банк, кто его учредил, откуда взялся...

Так ведь это сам Т. А. Пак! — радостно говорили агенты. — Вы же его знаете! Вы же сами его Большим нарекли, так вот — истинно большой человек вышел из ваших забубённых рядов!

Вскоре Большой и собственной персоной нарисовался. Верхом на «бентли». И даже в костюме-тройке, и сидел этот костюмчик на Большом так, словно сами синьоры Дольче энд Габбана его подгоняли на заказчике, ласково оглаживая по интимным частям. И нос у Большого теперь не сломанный кулачищем покойного Трактора, а благородный такой носик римско-греческого типа.

Собрать вольных сталкеров трудно, их и убедить-то собраться невозможно.

Но была у Большого хорошая такая убеждалка. Или убеდიловка. В твёрдой валюте.

В Предзоне, за гостиницей «Тарасова хатка», воздвиг знатный гость целый павильон для собрания, вроде Летнего театра в Юрмале. Да ведь летом и было дело. В конце форума обещана была жарка и выпивка от пуза а-ля фуршет. А многим и просто поглядеть хотелось на перерожденца, сменявшего сталкерскую волю на буржуазную роскошь.

И вот вышел Большой к трибунке (а трибунка-то старая, с гербом СССР, в каком-то сельском клубе нашли), и воскликнул Большой:

— Мужики!

— Мужики все на покосе, — отозвался кто-то из зрителей, говорили, что Грибок.

Большой смутился и поправился:

— Товарищи!

— Товарищи все в Пхеньяне! — не унимался Грибок.

— Коллеги! — Большой пошёл на хитрость.

— А коллеги все на Янтаре, в белых халатах! — сказал неумолимый Грибок, доказав тем самым свою сущность.

Соратниками Большой не стал людей навеличивать, поскольку Грибок наверняка заметил бы, что соратники все в погонах.

— Короче, я к вам с делом пришёл, — сказал наконец Большой, и Грибку нечего было возразить. — Больше так жить нельзя. Мы не америкосы-хищники на Клондайке и не варнаки с Ленских приисков. Идёт двадцать первый век, и этот век бросает нам вызов...

И пошёл, и пошёл.

Всякий Клондайк рано или поздно прекращается, сказал он. Или золото кончится, или монополии протянут туда свои хищные лапы и начнут промышленную добычу. А вот если бы на том же долбаном Клондайке регулярно происходили землетрясения, после которых открывались бы всё новые россыпи и жилы, то до сих пор так бы и ковырялись отважные одиночки, потому что драгу там не поставишь и шахту не пробьёшь, если то и дело меняется рельеф местности. Вот в таком положении вольные сталкеры и находятся.

Эту аллереорию грамотный растолковал неграмотному, и все согласились, что Выброс — то же землетрясение, если не хуже.

Вольные сталкеры, продолжал Большой, будут всегда, сколько их ни ставь вне закона. Да хоть раком ставь! И артефактов много не бывает. Ведь большинство из них к тому же на Материке быстро теряют свои спасительные (или губительные, или ещё какие) свойства. Поэтому сталкеры без работы не останутся. А, значит, нужны, просто-таки необходимы им и охрана труда, и техника безопасности, да и колдоговор, в конце концов, необходим...

Тут, говорят, сталкер по прозвищу Коммунист провозгласил:

— Верно! Даёшь социалистический способ производства! Вставай, проклятый заклеимённый!

Большой сказал, что Коммунист отчасти прав, но лишь отчасти, потому что социализм в Зоне организовать, конечно, можно, только вот хабара больше не будет и много людей придётся вывести в расход во имя. Значит, нужны материальная заинтересованность и частная собственность — и здесь, и на Материке. На первых порах пусть будет страховка, а потом, на базе страхового фонда, можно и развернуться...

При слове «фонд» народ нехорошо насторожился, поскольку в нашем коллективном бессознательном это понятие тесно сопряжено с безудержным воровством и приобретением прогулочных яхт размером с «Титаник».

Нет, сказал Большой, у нас другой будет фонд, правильный. Под вашим контролем. Скидываемся же мы, если у кого несчастье? Не волки же мы позорные? Разве мы не славяне? Каждый из нас заслужил после рейда, пусть и неудачного, и медосмотр, и баньку, и чистые простыни, и сытный ужин, и выпивку не до усрачки, и немного женской ласки, не связанной с венерическими заболеваниями. Да и законную свою нужно утешить: маленько денег послать! Щоб нэ журылася та нэ турбовалася... И не обогащать перекупщиков и тех, кто за ними стоит...

Тут поднялся Матадор, который тогда об Испании только трепался и мечтал, и сказал в таком смысле: мол, это слишком хорошо, чтобы быть правдой, и военные утопят в крови нашу сталкерскую Утопию, извините за невольный каламбур.

А что военные, возразил Большой. У них что — жалованье высокое? Или здоровье казённое? Или пенсия большая? Можно и с военными договориться, когда убеждалка будет...

Фуршет ни у кого возражений не вызвал. Все гадали: откуда у Большого такие средства завелись — может, у него заначка неслабая была? Может, банк ограбил или инкассаторскую машину?

Но в приличном обществе спрашивать о происхождении первого миллиона считается неэтичным.

А сталкеры считали себя приличным обществом. Во всяком случае, им так хотелось.

Конечно, никакого голосования не было, но все решили: мешать Большому не станем, а станем ему помаленьку отщипывать из добычи — вдруг что да получится? Хуже не будет.

Небезызвестный Сидорович сказал тогда: нет, никуда я из Зоны не уйду, охота посмотреть, как Большой башку себе свернёт.

И обломилось Сидоровичу такое зрелище.

Уже к осени в Предзоне появилась вполне справная больничка с нехилым оборудованием. Сталкер Пилюлькин вспомнил о своём тяжёлом медицинском прошлом и первым предложил Большому свои услуги, хоть и слегка дисквалифицированные. Над входом весёлый Пилюлькин повесил транспарант:

«Хватит жить — пора лечиться!»

Конечно, при Зоне и раньше существовала какая-то инфраструктура: нечто вроде гостиниц с барами и помещениями для ночлега, мастерские оружейников, лавочки перекупщиков и прочее, но только «Сталкербанк» привёл всю эту вольницу в систему. Посёлок городского типа Молодёжный стал базовым. С местным начальством договориться удалось быстро, поскольку был посёлок явно неперспективным и медленно умирающим.

Большой провёл на Материке оргнабор — этим прочно позабытым словом именовалась вербовка нужных людей. Безработные оружейные мастера из Ижевска и Тулы потянулись на Украину (звыняйте, громадяне, в Украину), чтобы поставить дело на широкую ногу, медики из малых городов, кулины, таксисты, люди без профессии, готовые выполнять любую работу... Ловко играя на малейших противоречиях между славянскими державами, находя в законах многочисленные щели, Т. А. Пак явно выстраивал государство в государстве.

С военными дело обстояло похуже. Сперва предстояло растлить генералов двух армий и нейтрализовать миротворцев — вот уж кто ошивался вокруг Зоны без всякого смысла. Генералы к растлению были готовы, как гимназистки Серебряного века, только аппетиты у них были побольше. Генералов ловили на взятках, меняли, и каждый последующий становился всё сговорчивее. А офицеры и рядовые тоже потихоньку начали страховать: они что, лысые, что ли?

Вольным же сталкерам действительно стало полегче. Появилась возможность брать в кредит снаряжение и продукты. В каждом баре стоял банкомат, и владелец точки (по совместительству скупщик) сразу же перечислял на счёт клиента стоимость хабара. Тут же висел дисплей, показывавший текущие расценки на артефакты, так что получалась маленькая биржа, поскольку появились и акции.

И наличку больше не приходилось таскать с собой, заначивать, отдавать на хранение посторонним, хоть и проверенным, — появились карточки «Сталкербанка». В Зону их носить было нельзя — её электромагнитный фон непредсказуем, сотрёт к чёртовой матери всё, нажитое непосильным трудом, или исказит до неузнаваемости... Содержались карточки в специальных ячейках под шифром.

Так помаленьку вольные сталкеры сделались не такими уж вольными. Каждый оказался приписанным к какому-нибудь конкретному бару, каждый мог влезть в неподъёмные долги, которые надо было выплачивать — если не хабаром, то какими-то особыми услугами: пойти туда-то, принести то-то...

Но каждый, в перспективе, мог и разбогатеть.

Скептики во главе с Сидоровичем ещё каркали, что Большого ждёт неминуемый крах и он замучается выплачивать страховые суммы. Но Т. А. Пак с цифрами в руках доказал, что процент умертвий и увечий в Зоне гораздо ниже, чем показывают в фильмах Хохливуда, и его можно реально снизить до минимума. Тем более что отмычкам никакой страховки не полагалось, потому что у капитализма звериное лицо, мало чем отличающееся от морды кровососа.

Хочешь не хочешь, теперь приходилось делать заявку на рейд, и самые безумные вылазки демонстративно не приветствовались. Конечно, хозяин — барин, но, если твоя заявка не зарегистрирована, не надейся сдать добытые артефакты по хорошей цене, ищи нелегального перекупщика, а у того уж и бандиты прикармливаются, чтобы на обратном пути проверить бедолагу. Но война с мародёрами велась уже на иных основах и стала более беспощадной...

Даже тотализатор в Зоне появился! Всегда можно было помазать — где, когда и при каких обстоятельствах погибнет Семяцкий, ибо данная тема была воистину неисчерпаемой. Это называлось «Семяцкого страховать», и перешло в фольклор: «Что ты мне тут Семяцкого страхуешь!», «Не страхуй Семяцкого» и т. п.

Глава клана «Долг» Воронин пришёл к Большому сам и сказал:

— Давай ставь моих ребят на страховку! Только у нас будет отдельный фонд, я всё распределяю сам!

— Да и хрен с тобой, золотая рыбка, — ответил Т. А. Пак. — Может, меньше будете на рожон лезть. Я ваши перестрелки со «Свободой» оплачивать не собираюсь, в Зоне и так дерьма хватает без вашей дурацкой вендетты...

В общем, «Братва, не стреляйте друг в друга».

Ну, «Монолит» по-любому в систему Большого не вписывался, поэтому смерть от «монолитовской» пули приравнивалась к несчастному случаю на производстве. «Монолит», таким образом, стал считаться смертельной аномалией. Да этот отмороженный клан ею и был.

Конечно, не стала Зона после цивилизаторских реформ Большого мирным заповедником симпатичных гоблинов, но всё-таки жить там стало лучше, повеселее.

Военкеры прекратили расстреливать вольных сталкеров на месте, а попросту задерживали за попытку выноса артефактов и требовали от «Сталкербанка» выкуп.

Тогдашний генерал Российской армии Скрыгин и украинский его коллега генерал Перетятко встретились с Т. А. Паком и высказали ему свои многочисленные пожелания.

— Хрен с вами, шары цвета хаки, — сказал Большой. — «Сталкербанк» своих всегда выручит. Только я вот хотел ввести вас в Совет директоров, а теперь что-то расхотел. Светили вам бонусы по итогам года и «золотой парашют» по выходе в отставку, да при таком раскладе перестали светить...

— Да мы что? Та мы ничего... — в трогательном единении заговорили генералы. — Та мы завжды... Консенсус возможен...

И консенсус был достигнут. Вольные сталкеры перестали залегать в кусты и канавы при виде армейских бэтээров. И с генералами Большой не прогадал — их так часто меняли на хлебном посту, что до бонусов и парашютов практически никто не дослуживал...

А с миротворческим начальством договариваться и вовсе не пришлось — Большой сразу вышел на главных людей, каптенармусов.

Дольше всех кочевряжились ученые на Янтаре. Академик Носов прямо так и заявил, что его сотрудники давно работают по заданным направлениям, что отрабатывают они конкретные гранты и что наука делается чистыми руками...

— Хрен с вами, девять дней одного года, — сказал Большой. — Но если возьмёте несколько моих заказов на исследования, то ваши ботаники от своих грантов прикуривать будут...

Сдалась и наука.

На широкую ногу поставил Т. А. Пак и туристский бизнес, учредив компанию «Зомбилэнд». Богатенькие бездельники, и до того перевшие в Зону, ища острых ощущений, стали посещать её организованно, группами, под присмотром самых проверенных и опытных кадров вроде Матадора и Мыла.

В настоящую Зону их, конечно, не водили, хоть и лупили с бездельников лютую страховку, а водили их в специально оборудованный и вполне безопасный район Предзонья, ставший собственностью «Сталкербанка».

Хотя аттракцион получился на славу: тут тебе и грубые патрули, и ночное проникновение за Периметр с перерезанием спирали Бруно и томительным ожиданием в грязной канаве, и зашкаливающие счётчики Гейгера, и страшные аномалии (правда, голографические: «карусель» разрывает псевдогиганта, «трамплин» подбрасывает чучело сталкера), и до жути правдоподобные муляжи местных чудовищ, по дешёвке приобретённые на студии им. А. Довженко — Хохливуд уже давно перешёл на компьютерную графику; и костёр в упоительной украинской ночи, и песня штатного барда Серёжи Воркуты:

...С хабаром вернулся — чудо,
Живой вернулся — удача,
Патрульная пуля — везенье,
А всё остальное — судьба...

Туристы (часто весьма высокопоставленные) даже получали удостоверение сталкера с присвоением соответствующей кликухи. Так некогда великий Потёмкин, посетив Запорожскую Сечь, заработал имя казака Грицька Нечёсы. Но вольную Сечь Потёмкин тут же прекратил, а туристы, хоть и высокопоставленные, ничего с Зоной поделать не могли и только поражали знакомых страшными рассказами.

Специально для туристов в крупных городах открылись магазины «VIP-сталкер» — как раз в таком отоваривался Дэн Майский.

А также аптеки «Сталкерфарма», в которых продавались артефакты, способствующие внезапному омоложению и немедленному бессмертию...

Конечно, всем хотелось узнать, где это Большой так разбогател.

Старые друзья старались хоть в застолье, под хмельную лавочку, разговорить Теодора Аблязизовича. Но он только отшучивался:

— Говорят, богачей не может отчитаться только за первый миллион. Так вот я могу честно и открыто сказать всем, где взял свой первый миллиард. Всё равно никто не поверит...

— И где же?

— На дороге! Работал я тогда дальнобойщиком...

— Да ладно, не хочешь — не говори, мы всё понимаем...

Глава четвёртая

— Ложись! — скомандовал Матадор. — Мало ли кого там черти несут...

Залегли, хотя с такого расстояния их вряд ли кто-нибудь мог увидеть. Да и ПДА оглохли и ослепли.

— Голубой «лендровер» под флагом, — докладывал Майский, который продолжал наблюдение — Матадор указал ему соответствующую, давно оборудованную точку, приговаривая: «Глазки молодые, не то что у некоторых...»

— Только вот флаг у них почему-то перевернутый... — сказал Дэн. — О, да у них и машина свежешкокрашенная! Или перекрашенная... Так, остановились. Ближе не подъезжают. Офицер и с ним пятеро. Ага, так его! Как хотите, господа, но не миротворцы они... Пытаются, видимо, выйти на связь... Офицер лезет в пачку радисту... Не ведут так себя миротворцы, хоть убей... Пинками солдат не подгоняют...

— У Зони усякий становится звер, — сказал Мыло.

— Я миротворцев знаю, — сказал Майский. — Все военные журналистов не любят, но миротворцы хотя бы не сразу бьют прикладом по рёбрам. Всегда предпочитал с ними дело иметь... Так, направляются к зданию...

— Это хорошо, — рассеянно сказал Матадор. — Этот случай у нас предусмотрен... Дэн, не пугайся...

Он извлёк из нагрудного кармана какой-то пульт, и...

Жуткий вой поднялся из глубин бывшего цеха железобетонных изделий. Он то уходил в инфразвук, то поднимался до неслышимых высот, вынимал душу, доставал до печёнок, сжимал желудок и заставлял трепетать мочевой пузырь. Это был и вопль голодного хищника, и призыв самца во время гона, и стенание самки, потерявшей детёныша, и торжествующий рёв победителя...

— Батарея, слава богу, не села, — сказал Матадор, когда стало можно говорить. — Как там гости?

— Бегут к «лендроверу»... Заняли оборону, пулемёт достали, судя по коробке, крупнокалиберный... Что это было, Холмс?

— Так, по моему скромному мнению, должна быть химера, — сказал Матадор. — Надо же чем-то подкреплять слухи... Завыло бы и без меня — Мыло там такую хитрушку приладил...

— А что — химера орёт именно так?

— Вообще-то химера скорее всего никак не орёт, — сказал Матадор. — Может, у неё и глотка не так устроена, чтобы орать. Не вскрывали ведь. Только кто же теперь проверять-то наше уютное змеиное гнёздышко ползет? Жаль, что она у нас одноразовая, батарею придётся менять...

— А что за устройство? — полубопытствовал Дэн.

— Сирену новую везли в своё время на ЧАЭС, — сказал Матадор. — Но опоздали, не довезли, так на станции и бросили. А мы нашли. В рабочем состоянии — при Советской власти многие вещи делали на совесть. Мыло сирену усовершенствовал, обертонов добавил по вдохновению... Пару артефактов задействовал...

— Офицер достаёт какую-то хрень, — доложил Майский.

Хрень оказалась мегафоном.

— Сталкеры Мило унд Матадор! — раздался хриплый голос. — Мы есть зольдатен миротворческих войск ООН. Мы прийтить вас на заменить. Здесь бывать пост «зет-форс»... Это есть приказ. Винница!

— От суки, — восхищённо сказал Мыло. — Усё знают...

— Не всё, — сказал Матадор. — Прав журналист, никакие это не миротворцы. Это какие-то оккупанты из кинофильма «Подпольный обком действует»...

— Откликаться не будем? — спросил Киндер. — Может, пронесёт?

— Может, — сказал Матадор. — А может, вытащат они миномёт и накроют нас за компанию с химерой навесным огнём... Хотя нет, зачем-то им нужно наше здание...

— Сталкеры Матадор унд Мило! — повторил мегафон. — С вами говорить офицер Объединённых Наций. Покиньте пост. Вас доставлять в безопасное место... Винница!

— Всё ясно. Бандиты это, — сказал Матадор.

— Да сроду бы не поехали писмейкеры на простом внедорожнике в Зону, — добавил Киндер. — Бэтээр бы взяли, а ещё лучше — танк... И с перепугу бы садили сейчас в здание, пока мы внутрь не обрушимся...

— Нужна им эта точка, — ещё раз сказал Матадор. — Железная чуйка у Большого, только поздновато сработала. Блатота это поганая, пришлая, но есть при них кто-то из местных, кто про химеру слышал...

— Операция закончен есть, — не унимался мегафон. — Выходить по одному, мы вам ничего не делать... Винница!

— Вот же кретины, — сказал Киндер. — «Винница»! Задница...

— Импровизирует народ по мере возможности, — сказал Матадор. — Хотя возможности и невелики.

— А не перестрелять ли нам их? — сказал Киндер. — На всякий случай? Из жалости?

— Лежи, — сказал Матадор. — Нету нас на белом свете. Химера нас слопала, а ими закусить собралась...

— Совещаются, — сообщил Майский. — Офицер одного посылает к торцу — где лестница...

— Нехай сходить, — разрешил Мыло.

— Ох, нехорошо это, — сказал Матадор. — Наверняка эти бандюки — люди новые. И не знают, как выглядит «жгучий пух». А проводника старший держит при себе...

— Снова садятся в машину... разворачиваются... Дорога лугом... Нет, блин, крюка дают, чтобы с торца заехать... Жалко, там видеокамеры нет... — сказал Майский.

— Их нигде нет, — сказал Матадор. — Ещё не придумали такую камеру, чтобы выдержала Выброс. Они сейчас за своим смертником наблюдают — у бандюков тоже отмычки есть... Сейчас грохнет наша «кустическа»...

Не грохнуло.

— Мыло, где твоя растяжка? — прошипел Матадор.

— Та я ж её тамочко поставил, на саменьком верху, — виновато сказал Мыло. — Марик, ты ж знаешь, я высоты лякаюсь...

— Убью, — посулил Матадор. — Все развернулись в ту сторону. Дэн, и ты тоже — нечего теперь наблюдать...

И тут грохнуло и сверкнуло так, что все на минуту ослепли и оглохли...

Когда осаждённые пришли в себя, Киндер сказал:

— Нет худа без добра. Наверняка он расшибся, а нового дурака они вряд ли найдут...

— Убивая врагов императора, вы уменьшаете его горести... Зато теперь они знают, что мы здесь, — сказал Матадор. — На пустой точке и граната была бы боевая, а не шоковая... И химера, дура, молчать будет...

— Я же сказал — расстрелять их надо было возле машины, — проворчал Киндер. — Вечно интеллигенция детский сад разводит...

— В случае чего отступим вниз, — сказал Матадор. — Там у нас тоже лестничка есть, сразу её и не увидишь. И бункер внизу, мы там Выбросы пережидаем. Там и патроны есть — правда, немного, воевать-то мы не собирались...

— Воевать-то мы вообще разучились, — зло сказал Киндер. — А эти ребята внизу небось откуда-нибудь с Кавказа или Синцзяна. Зоны не знают... Но! К бою готовы на уровне инстинкта. Вот закидают они нас гранатами...

— Гранатами мы их и сами можем закидать, сверху даже удобнее... Мыло, сколько у нас гранат?

Мыло только развёл руками:

— Та я с вечера усё думав, усё гадав: гранаты чи сало? Сало чи гранаты? И вышла перемога сала... Чому ж ты мени про бойовы гранаты на казав?

— Убил бы я тебя, да сам виноват, — сказал Матадор. — Киндер, а у тебя как с гранатами?

— Как у Мыла, — буркнул Киндер. — Я же вестовой. Я налегке и пошёл...

— Вестовой... Сразу надо было уходить! — воскликнул Матадор, стукнул себя по лбу и чуть успокоился. — Они нас не видят и не слышат, зато и мы их...

— Послушать с моим шлемом можно, — сказал Дэн Майский. — Недаром я столько денег спустил на снарягу... Звук голосов можно усилить, лишние шумы отфильтровать, разговоры записать...

— А так, чтобы я слышал, — можно? — сказал Матадор.

— Да запросто, — сказал Майский.

— То и послушаем, — сказал Мыло.

Майский с удовольствием снял шлем, поставил его на бетон, и осаждённые сгрудились вокруг, как болельщики у приёмника.

Липовые миротворцы внизу неистово ругались на нескольких языках, но, к счастью, русский преобладал:

— Не пойду я внутрь, там это... Не пойду!

— Тогда марш наверх!

— Ага! Один уже слазил...

— Нет там никого! Если бы там химера была, она нас уже порвала бы на мелкие фрагменты... А суки эти точно на крыше, мне Клинтон говорил, у них там схрон... Два старика, не хрен делать, ребёнок управится...

— Вот сам туда и лезь, проводник хренов... Ни хрена не знаешь, а нанялся... «Партизанен, сдавайсь!» Додумался!

— У меня что — время было подготовиться?

— Настоящего миротворца надо было подставить!

— Так ты же сам, козлина, водилу замочил!

— Тахимбалда ачигин бабара! Утым бабара! Ычк, ычк!

— Сам ачигин!

— Заткнитесь, псы! Здание нам не надо. Нам крыша надо! Нам надо, чтоб на крыша никого!

— Не подойду я к этой лестнице! Мы так не договаривались! Мы договаривались, что они сами слезут!

— Поднимись, сколько сможешь, граната брось!

— А хренушки! Поехали назад. Доложим, что всё чисто. А тех, что на крыше, пусть с «вертушки» рассобачивают. Им даже проще будет. А мы и так уже Тахира потеряли! Пусть думают, что старики туда залезли, когда мы уехали. А до того на крыше никого не было!

— Куда, псы неверные?

Тут раздался звук выстрела, после чего залегла тягостная пауза...

— Келете торчак, усум егерен...

— Идиот, а что мы скажем про Тахира и этого... Волной смыло?

— Ты Зону знаешь, ты и выдумывай... Скажем, что их эти... зомби загрызли... Связи-то нет! Дополнительных инструкций нет! И нас нет!

Матадор утёр пот со лба:

— Везёт нам сегодня. Команда у Пекинеса под стать нам попалась...

— Настоящие-то бойцы все в Зоне орудуют, — сказал Киндер. — А тут явно набрали первых попавшихся. Иностранцы они, миротворцы они... Самодеятельность какая-то.

Матадор поднялся и поглядел вдоль крыши.

— Уезжают, — сказал он. — Два трупа нам оставляют, вот это нехорошо: жарко, собаки почуют, прибегут, а сегодня я даже с собаками воевать не желаю, добренький я...

— Собаки не проблема, — сказал Киндер. — Вертолёт проблема. Вот он нас облетит да шарахнет ракетой...

— Не шарахнет, — сказал Матадор. — Ему тут садиться, ему тут, вероятно, людей ждать... На нас же не написано, кто мы такие. Если ждём на крыше — значит это мы и есть...

— Не пролезет, — сказал Майский. — У них наверняка есть какой-то сигнал. Не три костра, конечно, но маячок какой-нибудь красненький... аварийный знак... Когда брали заложников в отеле «Рэдиссон-Дели», тоже на крыше вертолёт ждали, и знак был, фальшфайер...

— Не понимаю, — сказал Киндер. — Неужели у бандюков армейский вертолёт?

— Я, конечно, не эксперт, — сказал Майский, — но кое-какой опыт имеется. И литературу читал. Маленький будет вертолёт, не «демуазель» одноместная, конечно, а что-то вроде «ниссан-чоппер».

— Никогда не слышал, — сказал Матадор. — Тут военные-то летать побаиваются, а если ПДА не работают, то и вообще дураков нет вслепую лететь...

— Бесшумных «вертушек» ещё не придумали, — сказал Киндер. — Услышим — уйдём вниз. Если Большой такой умный, то сам их пусть и встречает. Подставил нас, как пацанов... Только где же они меняться-то будут, где выкуп передадут, где Белого отпустят?

— Видпустить воны, — вздохнул Мыло. — Може, вбины вже катюги нашего ангела...

— А вы ещё не поняли? — сказал Дэн Майский. — Не нужен им никакой выкуп. И вывозить бандюганов никто не будет. Автобусы до Польши — это же курам на смех! Поляки нынче всех выдают за милую душу, а таких с особым удовольствием... А нужен им...

Журналист замолчал; а может, и продолжал говорить Дэн Майский, только никто его уже не услышал, потому что повис в воздухе низкий рёв, заглушающий и поглощающий все прочие звуки. Ревело отовсюду — сверху, снизу, со всех сторон света. Жалким писком по сравнению с ним казалась теперь хитрая сирена для самых пугливых. Сталкеры повскакивали, забыв об осторожности, заткнули уши руками, начали раскачиваться, потому что содержался в этом чудовищном ревуне какой-то ритм, оглупляющий, обездвиживающий, завораживающий, лишаящий воли и даже инстинкта самосохранения... Одного лишь хотелось, чтобы кончился этот звук, а там будь что будет — стрельбы, плен, пытки, смерть, — наплевать, это мелочи, только бы не слышать никогда ничего подобного и не вспоминать об этом...

Казалось, редела сама Зона, внезапно осознавшая свою противоестественную сущность, свою искалеченность, ущербность, монструозность, мерзость, ублюдочность, изгойство, исключенность из нормальной жизни планеты, многолетнюю тоску, мрак, одиночество, обречённость и безнадежность...

Тысячу лет, не меньше, это продолжалось — и вдруг разом оборвалось...

Сталкеры начали понемногу приходить в себя.

— Тушканчик народився, — сказал наконец Мыло, и все вымученно улыбнулись.

— На Выброс не похоже, — сказал бледный Матадор. — При Выбросе мы бы уже все того...

— Радар, — сказал Киндер. — Точно Радар. И звук этот нам только померещился...

— Взор, — сказал Матадор. — Был бы Радар такой мощный, он уже бы нам выжег все мозги...

— Мне, кажется, точно выжег, — простонал Майский. — Потому что я что-то такое теперь слышу... Только понять не могу... Словно батальоны идут по брусчатке...

— Смотрите! — воскликнул Киндер и побежал к торцевой стороне крыши — не к той, где была пожарная лестница, а к противоположной, глядевшей в глубину Зоны.

Там, где недавно чернела полоска леса, стояла мутно-белая стена тумана, а из тумана двигались ровные цепи каких-то созданий.

— Грр, — враз хрипели тысячи глоток. — Грр. Грр.

Это и в самом деле походило на маршевую поступь.

— Собаки... — еле слышно сказал Мыло. — Псиной смердить...

Слепые собаки бежали, держа строй, и враз, как по команде, рычали:

— Грр. Грр. Грр.

— Так не бывает, — сказал Матадор. — Хотя в Зоне всё бывает, но именно так — никогда.

Строй — его никак нельзя было назвать стаей — неумолимо приближался к зданию.

В колонне шли тысячи собак — бельмастых, лишаястых, облезлых, голодных...

Сталкеры стояли вдоль торца крыши и передавали друг другу единственный бинокль.

— Не может быть в Зоне столько собак, — уговаривал себя Матадор. — Зона не прокормит. И строем они не ходят, они не такие умные, как военкеры... Хорошо, что мы на крыше, а вниз меня что-то не тянет... Как бы они сами к нам не полезли...

Ширина собачьего строя была метров сто, не меньше. Грр. Грр. Грр. Жррать. Жррать. Смерть. Смерть.

— То не собаки, — внезапно сказал Мыло. — То тильки одна собака, але её багато. То мара. Ось, побачь!

И протянул бинокль своему связчику.

Матадор взял бинокль и всмотрелся.

— Молодец, Мыло, — сказал он. — Это обман. Это кинотрюк. Психическая атака это, а не...

И точно — умноженные собаки не обегали здание, а шли сквозь него, как сквозь воду. Вернее, они и были водой. И всё прибывали, прибывали...

— А вон другие какие-то идут, — сказал Майский. — Совсем другие...

— Это псевдоплоти, — сказал Киндер.

— Точнее, одна псевдоплоть, — сказал Матадор. — Но теперь мы знаем, что всё это иллюзия, пугает нас Зона, хотя раньше никогда так не пугала...

Бывшие свиньи тоже двигались колонной, но не рычали, а скандировали хором:

— Каль-мар-су-ка! Каль-мар-су-ка!

— Кальмара критикуют, — заметил Мыло. — Тильки вин двое роци як загнув у Прип'яти, тий клятий сержант, ще довжен мени остався, сука... Ото ж ему пам'ятник, ото ж пирамидка с червоной зиркой...

Матадор протянул бинокль владельцу:

— Любуйся, фрилансер божий, а мы насмотрелись на них вблизи, аж из ушей лезет...

— Сами пользуйтесь. Я снимаю на всякий случай, — сказал Майский. — У меня же и видеокамера в шлеме, и зум мощный...

— Снимай, может, что и получится, — сказал Киндер. — Если Зона позволит, не сотрёт...

— Зато хрен теперь «вертушка» прилетит, — сказал Матадор. — Там сейчас на Периметре такая паника поднимется! Пока разберутся, пока что... Помнишь, Мыло, как Зона штурмовала Янтарь? Только там всё было по-настоящему...

— Не уверен, что вертолёт прилетит с той стороны, — сказал Майский. — Играет кто-то с нами... О, новые показались!

За преображёнными хрюшками двигалась колонна псевдогигантов. Незримый фокусник, видимо, учёл замечание зрителей и внёс некоторое разнообразие: пустил мутантов-переростков нескольких типов — и цыплята ростом со страуса, и двуногие полумыши-полуящерицы, и человекоподобные младенцы, и великанские эмбрионы...

— А таких я ещё не видел, — признался Матадор.

— А в Касьянровке? — спросил Мыло. — В Касьянровке только такие и живут, замість колгоспників... А! Ты ж тоды напився в дрова, один я там був солдат...

— Вот и не потребовалось глубоко в Зону ходить, — сказал Матадор журналисту. — Она сама нынче перед людьми фауной хвастается... Прямо иллюстрация из учебника биологии: от амёбы до венца творения, только в обратном порядке...

Псевдогиганты ничего не скандировали и не рычали, а издавали однотонный бормочущий звук, довольно жалобный...

— А это, наверное, зомби, — сказал Майский. — Я видел хронику — всё по Джорджу Ромеро: «Мозги, мозги!»

Зомби двигались молчком, зато, как бывшие военные, красиво держали строй, одинаково подволакивая левую ногу. Если закрыть глаза, казалось, что множество дворников поутру метут асфальт под окнами...

Следом, словно огромные блохи, прыгали на четвереньках снорки. Противогазы на их головах только усиливали сходство.

— Мимо трибуны проходит колонна славных боевых кровососов имени трижды героя Трансильвании господаря Влада Дракулы! — объявил Матадор голосом то ли Левитана, то ли диктора Кириллова. — Надёжно хранят они священную землю Зоны от человеческих захватчиков, смело осваивают наши упыри передовую технологию «стеллз», не дают спуска вражеским прои́скам! Форá героям Зоны!

— И как в старое время доброе принимает парад уродов, — не оглядываясь сказал Майский.

— Шутники образованные, — недовольно буркнул Киндер. — Расхрабрились не в тему...

Вслед за кровососами двигались вроде бы люди — мужички в долгополых пыльниках и председательских кепках, только свои двухметровые правые клешни они вздымали в нацистском приветствии.

— А это маршируют бесстрашные изломы — бывшие люди, нашедшие в себе мужество перейти на сторону правого дела! — не унимался Матадор. — Это наши коммандос, способные незаметно подкрасться к вражескому лагерю и уничтожить его! Плоть оккупантов служит им наградой! Так будет с каждым!

— Ты бы унялся, отец, — сказал Киндер. — Зона всё-таки, не майдан Незалежности...

— На площадь выходят бойцы невидимого фронта, члены группы народного контроля! — объявил седой сталкер. — Это Генеральный Штаб Зоны! По их безмолвному приказанию отряды храбрецов устремляются в бой...

И заткнулся.

Потому что за контролёрами двигалось ТАКОЕ, что новичок Майский сразу же грохнулся в обморок, а опытные сталкеры сомлели чуть позже...

Кончилось кино, началась жизнь. Или смерть.

Глава пятая

...Кинематографисты Украины, как и северные их соседи, все годы после развала Союза перманентно пребывали в глубокой... Нет, лучше сказать, депрессии. То снимали время от времени какую-нибудь псевдоисторическую бодягу, клеймившую проклятых москалей, то экранизировали свою не слишком обширную классику, то, наоборот, кидались в другую крайность, вспоминали о вечной дружбе советских народов и несокрушимом братерстве — в зависимости от политической конъюнктуры.

И при старом-то режиме студия имени Александра Довженко была у зрителей притчей во языцех — однако и из её недр то и дело выходили шедевры мирового класса, гремевшие по Каннам и Венециям.

Но общий уровень, как говорится, оставлял желать.

Впрочем, к Зоне всё это не имело никакого отношения, пока не появился в красивом городе Киеве Захар Паращук, изгнанный из сталкеров за мелкие кражи. И хорошо ещё, что не пристрелили!

Паращук устроился на студию ассистентом осветителя, таскал старые кабели да менял в прожекторах лампочки за скудные гривны. А девушкам врал, что он на самом деле прославленный сталкер Вирус, находящийся на Материке по случаю психологической реабилитации после боя с тремя псевдогигантами.

— Как ты красиво рассказываешь, Захарочку! — восхищались девушки. — Брэшешь, як спиваєш! Тебе бы книжки писать или кины снимать...

А почему бы и не снимать, вдруг подумал Паращук. Нынче кто попало снимает кины — и завхозы, и бандюганы, и детки ихние, и даже тётчи. В композиторы приглашают братишку, умеющего шарить на баяне, в художники — дедушку-маляра, в сценаристы — одноклассника, который лучше всех писал сочинения, и чтобы ни одна гривна не ушла сторонним людям...

Где-то он и деньги нашёл — пообещал, что после освоения всякий краденый доллар сделается чистеньким и гарнесеньким. Быстро научились в те годы умыть чумазого Бена Франклина. Вот фильмов, правда, никто не видел, не доходили они до экрана...

Но народ остро нуждался в своём, не голливудском, киногерое. И народ его получил. И может теперь хлебать его большой ложкой.

И вот вылетела из гнезда довженкова первая ласточка — блокбастер «Вероника — принцесса бюреров»...

Ежели и есть у бюреров какие принцессы, то лучше не смотреть на них за столом во время еды. Эти карлики, владеющие телекинезом, на вид и на запах настолько отвратительны, что ими брезгают даже самые кровожадные хищники Зоны. Хотя и живут бюреры племенами, и даже есть у них какая-то пародия на цивилизацию. Но кто их видел, тех карликов, кроме сталкеров и учёных? Парочка, с великими трудами и за большие деньги доставленная в Киевский зоопарк, быстро сдохла, заразив при этом многих невинных зверей. Слоны вообще скончались от омерзения...

Поэтому роль принцессы Вероники предложили поючей поп-звезде по сценическому имени Власта, в миру — Софийка Вакулинчук. Софийка, кстати, ростом была под метр восемьдесят, но всё было при ней, только размер ноги очень большой.

Подданных принцессы Вероники изображали дети младшего школьного возраста, обряжённые в экзотическое тряпье, а вокзальные беспризорники вообще снимались в своём повседневном. И становилось понятно, почему героиня носила высокое звание принцессы этого народца: она ведь любого подданного могла затоптать своими ножищами.

А на роль главного героя пригласили британского актёра Джеффа Беркли, хорошо известного среди кинокритиков. Он снимался в артхаусных лентах, потому что был гей. Или наоборот — он был гей, потому что снимался в артхаусных лентах...

Софийка Вакулинчук, возмечтавшая было о замужестве с отъездом в Лондон, очень быстро обнаружила, что под маской утончённого гея скрывается самый заурядный пидор. Поэтому во время съёмок она то и дело, чуть объектив отвернётся, норовила пнуть партнёра по заднице, приговаривая при этом: «Кобылячча ты срака!» — именно так её предки характеризовали турецкого султана в открытом коллективном письме трудящихся

Запорожья. Теми же пинками бедной девушке в перерывах приходилось отгонять заграничную звезду от детей...

Джеффу Беркли, игравшему вольного сталкера по прозвищу Опрышек, это пришлось в кайф, поскольку он был ещё и мазохист, да и в любом случае деньги шли хорошие.

Не было затруднений и с сюжетом — Захар Паращук с неописуемым простодушием распотрошил несколько классических вестернов и смастрячил своё чудовище Франкенштейна.

Ковбои у него обрядились в камуфляжные комбезы и обвешались «калашами» и «валами», индейские племена превратились в бюреров, зомби и кровососов, вместо буйволов по экрану бегали стада псевдогигантов, а кавалерию, которая всегда приходит на помощь в последнюю минуту, успешно заменяли военные и миротворцы на бэтэрах.

Киносталкеры сидели в барах, метко стреляли в клавишников и учиняли классическую Великую Американскую Драку В Салуне.

Главный лиходеи по кличке Чёрный Москаль, на роль которого Паращук мудро пригласил актёра из России (тогда как раз шла очередная русско-украинская битва за газ), погибал, вляпавшись спиной в «электру» — чтобы главному герою не пришлось пачкать руки. И корчился лиходеи в страшных судорогах...

В финале фильма принцесса бюреров поднимала взглядом бетонную плиту, под которой смертно маялся сталкер Опрышек, возвращала его к жизни с помощью соответствующего артефакта, обнимала и говорила: «Любимый! Нам не суждено быть вместе — мы живём в разных мирах!»

И сталкер Опрышек, горестно сгорбившись, уходил в туман в сопровождении капеллы бандуристов, успешно освоивших стиль и манеру Эннио Морриконе.

Женщины в кинозалах рыдали: «Всё про меня! Всё про меня!»

И кинозалы были полные! И в первый же уик-энд окупилось творение молодого талантливого режиссёра и сценариста Захара Паращука! И кровавой слезой зависти умылись всякие там тарантины с камеронами, ибо шагнула Вероника, долбаная принцесса долбанных вонючих бюреров, за границы и Украины, и России, и много ещё каких стран, причём далеко не все из них были слаборазвитыми.

Даже артхаусные критики признали: свершилось!

«Юный украинский гений отнюдь не пытается скрыть условность созданного им мира, недаром нарочито грубые муляжи чудовищ отсылают нас к голливудской кинофантастике 50-х годов. Изящная пластика божественного Джеффа Беркли в сочетании с показной грубостью и дикой энергией украинской дивы Власты производят незабываемый эффект. В старые приёмы Паращук вдохнул новые, невиданные доселе парадигмы...» — писал французский журнал «Кайе дю синема».

Дальше, понятно, Канны, Шманны, «Оскар» в перспективе.

Но не зря у нас, в простом народе, говорят: «Брэнд порождает тренды, а тренды формируют локусы».

Захар Паращук сразу же, не переводя дыхания, принялся креативить дальше. Самому ему уже не приходилось вымучивать сценарий и проводить кастинг актёров. Желающие повалили валом.

И вот уже выходят на экраны новые фильмы стиля «зоун муви» — «Рейд будет опасным», «За контейнер артефактов», «Сокровища Агропрома», «Кот и Дрозд спешат на помощь», «Роковой Выброс», «Однажды в Зоне», «Дважды в Зоне», «Дважды в Зоне-2», «Завжды в Зоне»...

Не забыли и литературную классику, экранизировав перебежчика Гоголя. В фильме «Страшная месть Казака» хорошего сталкера Казака с ребёнком плохой сталкер Кацап бросил на верную смерть в логове кровососов, но они мутировали в таких крутых зомбаков, что всей Зоне туго пришлось. За каким бесом Казак потащил в Зону младенца, никто не задумывался. Наверное, детские ясли были на карантине...

Запустили практически бесконечный жестокий телесериал «Гибель Юрка Семенчука» — Сами Знаете про Кого. В каждой серии сильно украинизированного героя играл другой актёр.

Завидующие северные соседи не зря ещё в советское время обозвали студию им. А. Довженко «Хохливудом».

А кабы воскрес великий романтик с детской душой Сашко Довженко, да посмотрел на дела преемников своих, так тут же вернулся бы назад в небытие — слишком слабое и нежное сердце было у мастера...

Главный Русский Кинорежиссёр, содрогаясь от негодования, заявил, что «Оскар», присуждённый «Веронике», есть пощёчина России. Что не помешало ему годика через два пригласить Парашука на Московский кинофестиваль и обниматься с ним в присутствии высочайших особ...

Джефф Беркли устроился на студии визажистом.

Софийка Вакулинчук вышла замуж за рэпера Эминема.

Вокзальные беспризорники из массовки поголовно стали продюсерами.

Там, где замешана Зона, и не такое бывает...

Глава шестая

...Когда Дэн Майский пришёл в себя, то понял — не тех чудовищ, что шагали из-за горизонта, завершая торжественный парад Зоны, нужно было ему бояться, а тех, с которыми он совсем недавно выпивал и по душам беседовал...

Потому что обстановка на крыше капитально изменилась: кучер стал крысой, карета — тыквой, красавица — бомжихой...

Вертолёт, как и предполагал журналист, оказался вполне гражданский, хотя экипаж его и был очень даже хорошо вооружён. И экипаж этот совершенно мирно беседовал с Мылом, Матадором и Киндером.

Главным, как понял Майский, был дяденька в тренировочном костюме, невысокий, смуглый, усы скобкой. Дяденьку охраняли двое типичных братков в новеньком камуфляже. Они, правда, помалкивали, но было видно, что ребята опытные и к любым неожиданностям готовые, не то что Дэн.

Были и ещё двое незнакомцев — огромный детинище с детским лицом и с ним второй, среднего роста, а физиономия у него прикрыта была снизу чёрным платком. Комбезы у этой парочки выглядели так, словно их владельцы провели недавно женскую борьбу в грязи на потеху невзыскательной публике.

— Да, не вас я тут ожидал, — сказал усатый. — Теперь и не знаю, что думать...

— Да ведь и мы тебя не ждали, Горох, — сказал Матадор. — Я слышал, что повесили Гороха где-то на Материке в стенном шкафу за хорошие дела...

— Это, наверное, шаман Мазафака тебе сказал! — рассмеялся Горох.

— Может, и Мазафака, — ответил Матадор. — Случается и ему иногда правду молвить...

— Так ведь теперь и вас повесят, — сказал Горох. — Только не в шкафу, а на перекладине перед баром, как предателей славного сталкерского дела... А нет — так ребята Пекинеса до вас доберутся.

— Ты о нас не беспокойся, — сказал Киндер. — Ты о себе беспокойся. С тебя же за товар спросят, а не за тех, кто тебе его передал. Вот он, товар-то...

И только сейчас заметил журналист, что под ногами у детинища лежит человек в белом когда-то комбезе, ныне покрытом грязью и кровавыми пятнами.

— Вы его что — пристрелили? — сказал Горох. — За мёртвого вообще ничего не получите...

— Как можно! — возмутился Матадор. — Нет, Белый из своего собственного пистолетика заряд словил, а пистолетик у него, ты помнишь, гуманный...

— Ничего я не помню, — сказал Горох. — Я не то что вы, я Белому вашему по жизни не должен.

Дэн Майский попробовал пошевелиться и понял, что руки и ноги у него связаны.

— Гады, — просипел он. — Я всё Большому расскажу...

— А это ещё кто у вас? — удивился Горох.

— Так, человечек, — сказал Киндер. — Знаешь ведь, как это бывает — в ненужное время в ненужном месте...

— А почему тогда он у вас ещё живой? — сказал Горох. — Я бы от такой снаряги не отказался...

— Снарягу не чапай, — сказал Мыло. — Снаряга наша. А хлопец живой, так його яки-то арабы шукають, а в тих арабив грошив, як у дурня махорки...

— Это уже наш частный бизнес, — сказал Матадор. — Он нам тоже живой нужен, иначе бы давно его небожно пристрелили, ободрали и с крыши сбросили. Мы же не палачи. Знаешь ведь, какая у Белого любимая присказка: «Вы не мучайте друг друга, мы и так живём в аду». А теперь, видно, придётся ему помучиться, поскольку арабы той присказки сроду не слышали, и легко его не отпустят. Сам виноват: выпил стопочку — и вся душа наружу...

— Ага, — сказал Горох. — Значит, хорошая прибавка к пенсии?

— Значит, — сказал Киндер. — Не твоё дело.

— Так я и не претендую, — сказал Горох. — А это что за два друга кислых — хер да уксус?

— Это, — сказал Матадор, — всё, что осталось от бригады Пекинеса. Топтыгин, дитя тайги, да Урод...

— Не помню таких, — сказал Горох. — Эй, пацаны, обзовитесь!

— Не обзовутся, — сказал Матадор. — Топтыгин молчит, пока старший не велит говорить. У него хорошее воспитание, древлеотеческое. Я же сказал — дитя тайги! А Урод — что Урод, у него полморды излом оттяпал. Пекинес их поэтому и приставил к Белому, что за неполноценных держал. Однако хватило у них ума понять, что никакой Пекинес им теперь не нужен... Вот потому он там, в цехе, и остался — Пекинес. Это его, а не Белого кровь...

— А вы-то им зачем нужны? — сказал Горох. — Они бы и без вас мне Белого сдали...

— Не скажи. — Матадор погрозил пальцем. — Ребята понимают, что дело тонкое, что одни могут и не справиться. Пекинес же им всего не рассказывал, держал в полном неведении. Они про твой вертолёт не знали! Потому мы их и взяли в долю... Или они нас...

— На взаимовыгодной основе, — сказал Киндер.

— О! — сказал Матадор. — Блестящая формулировка, даром что факультет физвоспитания...

— Я сам за себя могу заплатить, — сказал вдруг Дэн Майский. — Большой заплатит...

— Помолчи, — скривился Матадор. — Живой пока — ну и живи...

— Ага, — сказал Горох. — Понимаю. Значит, это всё Большой и организовал. Ну, голова! Но всё равно от вас-то уж я такого не ожидал! Ветераны! Бродячая совесть! Традиции!

— Яки ж могут быть традиции у Зони у таки смутны часы! — сказал Мыло и сплюнул.

Дэн Майский счёл за благо молчать и ждать, что эти негодяи предпримут дальше. А он-то ещё считал себя знатоком людской натуры, инженером человеческих душ... Иудушка Матадор совершенно спокоен, иудушка Мыло, как обычно, хихикает в кулак, а иудушка Киндер... Где же иудушка Киндер?

— Он прав, — сказал Матадор. — Конечно, мы с ним крестники Белого. Но не век же платить по этим счетам! Я не собираюсь под забором подыхать, а хочу тихо скончаться на вилле под Марбельей. Мыло грезит о ридной полтавской хатыночке на четыреста этак квадратов. Киндеру тоже надоело служить на побегушках у Большого, ему в российской сборной по стрельбе самое место. Топтыгину нужно матушку лечить, верно, Топтыгин?

— Ну, — буркнул Топтыгин, словно булыжник упал на бетон. — Вас слушать, дак с души подымат. Всякий выпучиватся, выжуравливатся... Сколько будем в прохлад-то сидеть? До потух зари? Я уж от безделья в пень пришёл...

— Видишь, Горох, какой молодой кадр! — гордо сказал Матадор. — Говорит как при царе Алексее Михайловиче! Век бы слушал, жаль, я не филолог. А Уроду нашему нужна пластическая операция, и тогда он выскажет этому миру всё, что о нём думает. Боюсь, это будут не самые приличные слова...

Горох склонился над неподвижным телом и приподнял голову:

— А зачем вы его изувечили-то?

— Верно, зачем, Топтыгин? — сказал Матадор. — Это излишняя жестокость.

— Дак я говорил ему: не уроси, на гнев напятишься, чибышок отрежу! Раз говорил. Два говорил. А он уросит и уросит!

— Чибышок — это нос? — в ужасе спросил бандит Горох.

— Не, — добродушно сказал Топтыгин и расплылся в детской улыбке. — Не весь нос, а самый чибышок... Лучше бы чайку-да заварить!

Тут только Майский заметил, что к сбруе Топтыгина сбоку приторочен старинный медный чайник. Вдруг дитя тайги добавило что-то уж совсем непонятное:

— А палемка-то у меня бриткая!

— Ну вы, отцы, даёте, — сказал Горох. — Мало того что продали благодетеля своего, так ещё поиздевались! Большой не похвалит...

— Сколько я тебе толковал — Большой тут ни при чём, — сказал Матадор и посмотрел на часы. — Может, и нет уже сейчас никакого Большого... Так что будем рассчитывать или будем болты болтать?

— Сперва стволы положите, — сказал Горох. — А то дадите очередь по винтам нам вслед. На всякий случай. Чтобы не было стыдно перед Белым...

— Деньги вперёд, — сказал Матадор. — Говорили же коммунисты на великих стройках: «Время — вперёд!» А время это те же деньги, как говорят капиталисты. Так на так и выходит. Кстати, пока ты чибышок рассматривал, а остолопы твои нас бдительно пасли, Киндер уже вашему пилоту ножичек к горлу приставил. Поворотись-ка, сынку!

Сынку повернулся и увидел, что всё именно так и есть. Охранники Гороха недоумённо и смущённо глядели друг на друга.

— Как это? — просипел Горох. — Как он...

— За то и ценим, — сказал Матадор. — Так что положить стволы придётся вам. А без пилота вам крышка. Вам и без Белого крышка, но мы отдадим обоих, потому что устраивать здесь перестрелку бесполезно. Взаимоуничтожение гарантировано.

— А вдруг... — начал Горох.

— А сие уже зависит от нашей доброй воли, — сказал Матадор. — Придётся поверить, вариантов нет...

— Скоро вы там? — крикнул Киндер. — Замучился я этого парня душить и чемоданчик держать...

— Ты и до чемоданчика добрался? — сказал Матадор. — Ну-ка, Мыло, прими у него кейс да проверь — мина там чи гроши...

— Як що — то Мыло, — проворчал злокачественный сталкер. — А як що, то куркуль полтавський...

— Ладно-ладно, — сказал Матадор.

И Мыло уверенно прошёл к вертолёту, и принял от Киндера чемоданчик, и раскрыл его, и...

— Гроши! — весело воскликнул он.

— Суки и твари, — сказал Дэн Майский. — Шакалы позорные. Все. Одна слава напрасная про Зону идёт, что там настоящие мужики. Всю жизнь вам разбавленное пиво пить, перекрашенных официанток трахать и футбол третьего дивизиона низшей лиги смотреть. Тоже мне, доктор наук, коллега! Всех продал, подожди — и тебя скоро кто-то

продаст. Перегрызёте вы глотки друг дружке из-за этого кейса, а бабки фальшивые окажутся...

— Так и будет, — неожиданно поддержал его бандит Горох. — Все понятия нарушили! Вот что значит жиды! Это всё Матадор придумал. Белого, спасителя своего, и то сдал...

— Эй! — крикнул Киндер. — Я начинаю!

Горох жалеюще поглядел на Майского, пожал плечами — дескать, извини, парень, не мы тут командуем, а то бы я тебя обязательно выручил — и положил свой автомат на бетон. Телохранители его поступили так же.

— Так, задрали штанины, показали щиколотки, — приказал Матадор. — Отстегнули пукалки... Урод, проконтролируй... Молодцы... Теперь очень медленно идите к машине... Киндер, там пулемёта нет?

— Нет, — сказал Киндер. — Там вообще всё снимали, он же двухместный... Как бы среди них лишних не оказалось!

— Встретимся ещё, — сказал Горох. — Эй, как тебя — Урод? В штаны-то не лезь, ничего там у меня не заначено, мы к друзьям летели... А Зоне вашей мы кранты скоро приделаем!

— Подбирайте товар, — сказал Матадор. — Живой он, живой, мы честно играем, артерию потрогай... Сотрясение мозга у него есть наверняка, а так здоровый. Интересно, кому это Белый на Материке понадобился?

— Кому надо, мне не докладывают, — проворчал Горох и, демонстративно подняв руки, направился к вертолёту.

Двое подручных подхватили тело в белом комбезе и легко потащили туда же.

А вот устраивались они в вертолётке долго, кряхтя и переругиваясь по причине тесноты.

— Здоровый кабан попался, — пожаловался Киндер. — Я-то думал, все пилоты миниатюрные, вроде меня... Пусть бы Топтыгин его держал, ему легко...

— Топтыгин бы его сразу задавил, по неосторожности, — сказал Матадор. — А я никогда не лишаю людей последней надежды...

— Победители, мать вашу в пять, — сказал Майский. — Банка с пауками. Вы что, вправду меня собрались арабам сдать?

— Ещё один урок Зоны, — сказал Матадор. — Не болтай лишнего с ближним своим...

— А я-то вас за людей... — начал журналист, но голос его потонул в шуме винтов.

— Всё ж таки краше бы было йому дистанционку мою за пазуху сунуть, — сказал Мыло. — А то вспорхнули, блин, як вольны пташиночки! И усё. А де Горох? А никогиньки нема...

— Сталкерское слово — кремень, — важно сказал Киндер.

— Вы, надеюсь, журналиста не покалечили? — спросил тот, кого называли Уродом.

Он уже опустил платок, и оказалось, что никто ему полморды не откусывал. Нормальное лицо, каких тысячи. — Это хорошо, что нет. А ещё мне весьма любопытно было бы узнать, кто на Материке моей особой так интересуется, что готов пожертвовать кучу бандитов. Кстати, вы гостя-то развяжите, что ему мучиться, мы и так в аду...

— Это мы с дорогой душой, — сказал Мыло и ужасной своей финкой, перекованной из танкового плунжера, разрезал путы Майского — сперва на ногах (ловко увернувшись от немедленного пинка), потом на руках...

— Знакомься, Белый, — сказал Матадор. — Это журналист Печкин, пришёл написать заметку про нашего мальчика... Про нашего мальчика, с которым ничего не случится...

...Так и прилипла с той поры к Майскому кликуха — Печкин.

Марк Давидович Штерн по прозвищу Матадор, 52 года

...Вот ты, Печкин, спрашиваешь, кто такие крестники. Отвечаю: крестники — это те, кого спас Белый. Нечто вроде ордена. И число их растёт, потому что это Зона, и всё время приходится кого-то спасать...

О том, как Белый появился в Зоне, я тебе как-нибудь потом расскажу. А вот как он меня-то вытащил — это целый роман.

Когда власть принялась вытирать о науку ноги, я понял, что в родном НИИ делать мне больше нечего. За бугор уезжать показалось мне делом недостойным, да и возраст уже был не тот, чтобы всё с нуля начинать. Вот сынок мой, тот укатил в Штаты, торгует сейчас недвижимостью. Романтика! Всю жизнь мечтал!

А я, стало быть, так и остался советским человеком. В лучшем, заметь, смысле этого слова. Между «совком» и «советским человеком» такая же разница, как между «жидом» и «евреем». Потому что «советский человек», как ни крути, звучит гордо.

Да отсохнет моя правая рука, если забуду тебя, Империя.

Решил я продать свою хатку на Охте и переехать куда-нибудь на юг, в тот же Крым. Но там такая история вышла... Короче, остался я и без денег, и без крова, и ещё слава богу, что не убили меня эти чёрные ризлторы. Бомжевал натурально и, вероятно, сдох бы под забором, если бы не встретил одного знакомца. Он-то и подсказал мне завербоваться на Янтарь.

На Янтаре учёных и без меня хватало, так что взяли без пяти минут доктора наук простым лаборантом с испытательным сроком.

Но не задержался я на Янтаре, хотя с Зоной познакомился основательно. Там, в научном центре, всё как положено: интриги, доносы, подсиживания, охота за грантами. Даром что вокруг Зона с её ужасными чудесами. А ты думал, что в мире науки понедельник по-прежнему начинается в субботу? Хрен-то.

В одном рейде проводником у нас был Мыло. Когда мы с ним единственные в живых остались, он и говорит — да не возвращайся ты туда, нечего тебе там делать. Совпали мы характерами, понимаешь. Противоположности сошлись. Казалось бы — что общего у физика с колхозником? А много чего нашлось. Та же Империя...

Тут как раз и Большой появился со своими реформами. Жить стало немного полегче.

О своём боевом пути много распространяться не буду, в другой раз поведаю. Короче, после встречи с одним пугливым солдатиком на Периметре остался мой связчик без ног. Он один ходил в Предзоне, без меня. А тот солдатик его и подстрелил. Но нашёлся хороший человек, не прошёл мимо...

Мыло лежит в больничке, а сталкер Пилюлькин говорит, что надо его в Германию отправлять, чтобы спасти конечности. Денег надо. У Мыла сбережения хорошие есть, у меня кое-что. Но всё равно не хватает. Куда сталкеру податься?

Подался я, естественно, к Большому. Так и так, выручай, отец родной... Бар «Хардчо» тогда ещё не функционировал, один голый модуль стоял внутри развалин. Вот там мы и толковали, сидя на ящиках с оборудованием.

— Лады, — говорит Большой. — Только и ты меня, Марк Давидыч, выручи.

— Чем могу, — говорю. А сам уже чувствую, что назревает какая-то неприятность...

Так и есть!

— Своди в Зону троих клиентов, — говорит Большой.

А мне проводником ходить — азокхен вэй! Не люблю! Не могу смотреть, как из людей в трудную минуту всё дерьмо лезет. Не хочу за других отвечать. За себя бы ответить!

Так ему и сказал.

— Понимаешь, — говорит Большой, — это очень нужные клиенты.

— Ну так проводники-то у нас имеются, не мне чета — Узел, Комарик, Джамайка...

— Ты английский знаешь, — говорит Большой. — Говорить с людьми умеешь. Ты в самый раз будешь...

— Нет, — говорю. — Лучше я с Мастдаем и Паганелем пойду на хутор Глиничы — им учёные заказали добыть живого снорка. Кстати, Юкка-Пекка английский знает, а молодёжь наша так вообще поголовно...

— Давидыч, — говорит Большой. — Я не всем доверять могу, а тебе с дорогой душой. Велика Зона, а отступать некуда. На тебя вся надежда. Видишь ли, возникли у меня определённые финансовые трудности...

— Это у тебя-то? — говорю. — Ага. Кризис на обеденном столе олигарха: икринка за икринкой гоняется с дубинкой...

— А вот влетел... — вздыхает Большой. — Попался, как пацан. Развели меня на всю катушку.

— Знакомое дело, — говорю. — И?

— А этот Макомбер может меня выручить...

А я вижу, что Большой только что не плачет. И понимаю, что дело вполне серьёзное.

— Чего ему надо, твоему Макомберу?

— К Монолиту ему надо, — отвечает Большой как-то смущённо. И глаза свои восточные отводит.

И тут я заржал.

Потому что к Монолиту ходить — что Семенного страховать.

К Монолиту многие хотят выйти, даже умные люди среди них попадают. Легенда об Исполнителе Желаний весьма популярна на Материке. Вот люди в Зону и лезут. Но редкая птица долетит до середины пути к Монолиту. Практически никакая.

Поэтому сталкеры, вызвавшиеся провести клиента в указанное место, ведут его, куда хотят, лишь бы напугался работодатель покрепче — так, чтобы о цели своей забыл и мечтал лишь об одном: поскорее ноги унести из Зоны. Обычно такая тактика себя оправдывает, а возвращать аванс у нас не принято.

— Ладно, — говорю. — Повожу я их вокруг Свалки, пока в штаны не накладывают...

Большой снова вздыхает:

— Не проханже. Очень уж хорошо клиент подготовился. На шармачка не выйдет, кино ему не прогонишь. Карта у него добрая — сразу поймёт, что кидают его...

— Так что, — говорю, — мне взаправду его к Монолиту вести? Туда, куда я и сам-то сроду не пойду?

— Выходит, что так, — говорит Большой. И даже как-то сникает. Или сдувается.

— Аблязиыч, — говорю (а Большой очень не любит, когда его так навеличивают), — это же заведомо проигранное дело. Сложат там твои клиенты дурные головы и меня, любимого, прихватят... Ты уж сам их туда веди.

— Если я до Монолита смогу дойти, — возражает Большой, — то зачем мне клиенты?

— Верно, — говорю. — Встанешь на колени, и — дай миллион, дай миллион!

— Если бы один миллион, — говорит Большой. — Без помощи этого Макомбера вся наша лавочка накроется. Снова в Зоне начнётся жизнь по Дарвину: кто смел, тот и съел... Не себя жалко — дело жалею...

— Ну так пошли вместе, — говорю. — Не дойдём, так хоть пыль с ушей стряхнёшь...

Большой совсем скукожился.

— Отвык я от Зоны. Чуйка не та уже, да и форма...

— Ты же моложе меня! — говорю.

— Офисная крыса я теперь, а не сталкер, — говорит Большой с великой скорбью в голосе. — Но маршрут для вас мы разработали с ребятами. Заметь, все своими хитрушками поделились — и Мегабайт, и Китаец, и Бомбила...

— Как трогательно, — говорю. — Только всё это зря. И мы накроемся, и денег ты не получишь — платить-то будут за результат!

Тут Большой впервые ухмыльнулся:

— Ну, не совсем. Торговаться я умею, научился. Как только доберётесь до Припяти — пойдёт и транш. Авансом.

— В смысле — до реки? — уточняю.

— Не гони дуру! В смысле до города. А там уже — по обстоятельствам... Марк Давидыч! Сверху гонорара — снаряга новая! Стволы новые! От бандюганов по пути прикроем!

— Твой Макомбер, — говорю, — мог бы и армию подключить, если он такой богатый. На танке бы поехал!

— Ну, что Зона с танком может сделать, ты видел, — говорит Большой. — А так — риска не больше, чем в обычном рейде. Ты же не раз проходил через город...

— Проходил, — говорю. — Но не сохранил добрых воспоминаний. Ну, доведу я твоих клиентов. Ну, пойдёт твой транш. А дальше-то что? Бросить их там, пусть зомбаки потешатся?

— Нет, — говорит Большой. — Не бросишь ты их. Я тебя знаю.

Я тоже его знаю. И я понимаю, что уже списал меня Теодор свет Аблязизович в сердце своём вместе с клиентами. По закону джунглей.

И понимание это ясно написано на морде лица моего.

— Выручай, Марк Давидыч, — ещё раз взмолился Большой. — Не за себя прошу — за всех вольных сталкеров. За братьев наших меньших...

Льстит, собака, ставит меня вровень с собой. Все вожди так делают, когда край подойдёт: «Братья и сестры! К вам обращаюсь я, друзья мои!»

И запел я дурным голосом на чистом суржике:

Давлюсь я икрою
Тай думку гадаю:
Чому это я
За народ так страдаю?

Большой рассмеяться даже изволил — Ну вот видишь — согласился! Да разве бы я мог тебя послать на верную смерть? Я же не царь Давид какой-нибудь сраный — своих людей подставлять! У этого клиента у самого прикрытие — о-го-го! Не хуже танка!

— Ладно, — говорю. — Надо так надо. А то я тебя знаю, ты живо сговоришь какого-нибудь англоговорящего мальчонку из наших вундеркиндов...

И по лицу его читаю, что всё идёт в соответствии с планом. На это Большой и рассчитывал.

Достал гражданин начальник электронный планшет, стали мы уточнять маршрут, ПДА он мне выдал новенький, очень толковый, но это уже чисто технические детали. Хотя известно, что первым в рейде гибнет намеченный маршрут...

— Когда выходим? — спрашиваю.

— На рассвете, — говорит Большой. — Так что сегодня можешь расслабиться. Клиент подъедет прямо сюда.

— На своих колёсах? Да кто его пропустит? — удивляюсь.

— Скорее скажи — кто его задержит? — вздыхает Большой. — Там такие документы...

— А всё-таки странно, — говорю, — что он с военсталкерами не связался.

— Не странно, — отвечает. — Все знают, что военкер вольному в подмётки не годится. Ещё разок польстил.

Ну я и расслабился тут же, в модуле, с мужиками, которые монтировали барное оборудование. Выбил их, должно быть, из рабочего графика — вот уж, поди, Большой матерился! Но я же не пью в одиночку, пора бы знать!

На зорьке встаю, естественно, злой. Проклинаю сам себя, что согласился на такую авантюру. И ведь трезвый был!

Печкин, никогда не ходи в Зону с бодуна и детям своим закажи, ежели будут ещё у тебя дети.

Уснул в одежде, на матрасе каком-то, кости болят, во рту словно депутаты переночевали...

Слышу снаружи автомобильный гудок. Выхожу. Стоит армейский кунг. Из кабины выходит Большой, открывает дверь фургона, вытаскивает доски. По этим по доскам выкатывается...

Выкатывается оттуда, Печкин, инвалидное кресло!

В кресле сидит молодой ещё мужик мощного телосложения в комбезе невиданного мной типа, в шлеме — всё как положено. Только сам ходить не может...

Лицо у бедняги как с плаката в военкомате — светлое, мужественное, как тысяча чертей, глаза голубые, только что не улыбается. Не до улыбок ему.

Кресло, конечно, не простое — массивное, с кучей каких-то приспособлений и даже сверху прикрытое. Похоже, что самоходное — колёса клиент руками не вертит.

Хотел я на Большого заорать, да с утра не вышло, поэтому прохрипел жалостно:

— Мы так не договаривались...

Большой руками разводит:

— Так ведь ему поэтому и надо к Монолиту: ноги попросить...

...Был в Голливуде такой актёр — Кристофер Рив, который Супермена играл. И угораздило его упасть с коня, да так неудачно, что сломал позвоночник. И крепко сломал, никакие врачи не помогли. И сидел молодой здоровый мужик сиднем вот в таком же кресле и даже в кино снимался в роли проницательных инвалидов, но никакие калики перехожие ему, как Илье Муромцу, не светили. И отключил Кристофер однажды искусственную вентиляцию лёгких... Очень я этого парня жалел.

Да потом вспомнил ещё, что и связчик мой Мыло вот так же, в кресле, остаток дней проведёт, если не отправить его к немецким чудодеям... Нет, у Мыла кресло будет попроще... Тележка на подшипниках у него будет...

В общем, уже согласился я в сердце своём, хотя и продолжал бубнить какие-то возражения. Если суждено этому заморскому бедолаге в Зоне сгинуть, то хотя бы при мечте и надежде... Чудо о Расслабленном...

— Это мистер Элмер Джаспер Макомбер, — говорит Большой на своём кое-каком английском. — А это мистер Матадор, наш лучший проводник.

Отчего же не Френсис Макомбер, думаю. А то был бы у нас сплошной Хемингуэй — богач на сафари, бедный охотник, подлая сучка — супруга богача... Ах, читал Хемингуэя? Да ты у нас грамотей, Печкин!

Накаркал, надумал! Потому что Большой сказал:

— А это миссис Элмер Макомбер... Так мы тоже не договаривались!

— Зовите меня просто леди Рита, — говорит мадам хриплым голосом.

Леди будет постарше муженька, а может, и меня самого. Глянул я на неё и понял — у кого деньги и кто здесь главный. Купила леди крупного красивого мальчика, а он не уберёгся. Вот она и привезла любимую игрушку в починку...

Губы у леди вот уж воистину нарисованы помадой, потому что у неё не рот, а узкая скаредная щёлочка. Волосы — фиолетовая щётка. На лице следы тщетных усилий пластической хирургии. В общем, страшнее пленного румына, как выражался мой армейский старшина Кутько.

Одета леди тоже в хороший комбез, кобура на поясе, помповик за спиной. Грамотно одета.

— Шалом! Добро пожаловать в ад, мэм, — кланяюсь я с реверансом.

— Любезный, — говорит леди Рита сквозь зубы, — попрошу без шуток. Мой Элмер — майор ВВС, герой Ирана. Он уже прошёл сквозь ад. Так что не советую вводить нас в заблуждение. От вас требуется одно — вывести нас к Монолиту без всяких остроумных еврейских комментариев...

Сходу начинает меня строить. Белая протестантка англосаксонского происхождения! Ничего. Включаю дурака.

— Мэм, — говорю я проникновенно. — От души надеюсь, что наше сафари закончится удачно. Всякий еврей знает, что материнская любовь поистине творит чудеса...

Схавала, только зыркнула на меня так, что, верь я в дурной глаз, тут же её и пристрелил бы. Взаимоотношения складываются на основе глубокой личной неприязни.

Тут раздаётся глухой удар, словно из фургона вытолкнули целый трансформатор.

Оглядываюсь.

Стоит человек, закованный в чёрные латы. Лица не видно, потому что стекло в шлеме зеркальное. За спиной рюкзак чудовищных размеров. На груди неведомое мне оружие с

толстым стволом. И ещё обвешан какими-то прибабасами — то ли они стреляют, то ли взрываются. Арсенал Чужих.

— Это наш телохранитель Снупи, — говорит леди Рита. — Он пойдёт с нами. Подчиняется только мне.

— А почему Снупи? — спрашиваю. — Ведь вполне симпатичный пёсик... А тут — Железный Дровосек какой-то... Пёс-рыцарь...

— Потому что его разработали в НАСА! — шипит леди. — А Снупи — их символ...

Символ так символ. Видимо, отстал я в Зоне от чудес большой науки. Робот-телохранитель! Надо же! Чтобы человек доверил свою первую и последнюю жизнь какой-то жестянке...

Смотрел я в детстве фильм «Планета бурь». Там вот такой же робот сопровождал двух американцев на Венере и чуть не угробил, да вовремя подоспели советские космонавты...

— Тяжеловат он у вас, мэм, — говорю. — Если придётся ползти через болото, сразу пойдёт ко дну.

— Эта модель предназначена для освоения Марса. А болото мы обойдём, — говорит дамочка. — Или здесь, или вот тут...

И тычет пальцем в планшет. Ага. Действительно, леди готовилась основательно. Правда, теоретически.

— Через центральную усадьбу колхоза «Перемога» пусть враги мои ходят, — начал я, но тут из кунга выпрыгивает ещё один человек, и это девушка. Причём такая девушка, что моё бедное, десять раз разбитое сердце начинает рваться из груди и трепетать.

Да, да, именно так мы и договаривались! С ней я не только до Монолита готов идти, но и на приём к дантисту пойду не дрогнув...

— Это мой секретарь, мисс Элис Берковиц, — говорит леди Рита. — Она останется здесь на связи. И как только мы доберёмся до города...

Ну конечно. Всё хорошее — Большому. Пока Матадор будет мучиться с империалистической сукой, калекой и железякой, его превосходительство возьмёт под покровительство очередную хорошенькую девицу... То ли я Большого не знаю?

— Мисс Элис, — говорю, обращаясь к этому чуду, — как жаль, что знакомство наше столь скоротечно... Если бы нам встретиться при иных обстоятельствах... Но судьба неумолима...

— Не отвлекайтесь! — рявкает леди Рита. — К делу! Какие у вас будут замечания по нашей экипировке?

Надо бы переадресовать её к Большому, но тот стоит молчком и только смотрит умоляюще — мол, не прогневи, не спугни...

— Кресло у вас самоходное, — говорю. — Надолго ли хватит аккумулятора? Опять же телохранитель энергии требует...

— Снупи подзарядит от местных ресурсов и подзарядится сам, — говорит леди. — Мы всё предусмотрели.

Всё предусмотреть в Зоне даже господь не в силах, потому что создал Зону явно не он. Она что, полагает, что там розетки на каждом дереве?

— Ну-ну, — говорю. — В случае выхода техники из строя снимаю с себя всякую ответственность и веду группу назад. Только так. И ещё хочу предупредить вас, мэм, что на маршруте следует слушаться только проводника и выполнять его требования безоговорочно. Таковы здешние законы. А вы, я вижу, не из тех людей, которые подчиняются безоговорочно...

И тут леди улыбается — то есть щель копилки становится шире.

— В разумных пределах, — говорит. — Не более того.

Ага. Она надеется, что рявкнет на стаю слепых собак: «Мы граждане Соединённых Штатов!» — и они хвосты подожмут...

А калека молчит — то ли у него и голосовые связки не работают, то ли не вмешивается в дела супруги. Нет, руки вроде бы шевелятся...

— И ещё, — говорю. — Мне необходимо знать, как выключается ваш телохранитель. Потому что Зона прямо-таки нашпигована электромагнитными излучениями, и ещё неизвестно, как они повлияют на вашу машинку...

— Это не машинка, — злобно говорит леди. — Это Снупи. И ещё неизвестно, кто из вас лучше выполняет свою работу... Снупи не выключается. Его можно только разрушить...

Антропоморфизму техники — понятно. Я вот тоже, бывает, со своим АКМ душевно беседую во время чистки оружия... Кстати!

— А как у вас насчёт огневой мощи? — спрашиваю. — Без стрельбы такая вылазка явно не обойдётся!

— Снупи прикрывает от всех видов угрозы, — говорит леди Рита. — А у меня и у Элмера — старый добрый «дезерт игл». Мы оба отлично стреляем. Прошли специальную подготовку.

— Тяжеловата эта пушка для вас, мэм, — говорю. — Вот помповик — в самый раз. Но коли уж вы так уверены... А что нам может предложить мистер Снупи?

— О, мистер Снупи вооружён для любого вида боя, — говорит дамочка. — При соответствующей команде он может даже сбить самолёт.

— Уверяю вас, это не понадобится, — говорю. — Разве что Третья мировая начнётся.

Проверял снаряжение я ещё часок — к моему удовольствию, в компании мисс Элис Берковиц. Леди Рита и Большой этот час провели в непрерывной полемике — не знаю, до чего уж они там договорились. Нет, я вернусь назад, чего бы это мне ни стоило...

Наконец позавтракали, подбили бабки, присели перед дорогой и тронулись в путь. Увечный майор ВВС очень ловко управлял своей самобеглой коляской, бравшей даже весьма крутые подъёмы. Снупи шёл замыкающим, и двигался он как человек — правда, тяжеловато. Ну так чай ему тут не Марс-планета!

Наблюдал я как-то выступление японского танцевального ансамбля роботов. Здорово, конечно, но всё равно видно, что не люди! А тут — идёт нормальный сталкер крупного калибра вроде покойного Трактора...

— Мэм, — говорю. — Предупредите своего бодигарда, чтобы не палил по всему, что движется! А то нарвёмся на крупные неприятности!

Леди чапает, уткнувшись в планшет с картой.

— Снупи знает своё дело, — отвечает. — Не беспокойтесь. В случае чего...

И накаркала, долбаная ворона.

Свалка — это ещё не Зона, но и Предзоньем её не назовёшь. Площадь у неё обширная, и водится тут всякое. И всякие. Мародёры, например, для которых небольшая группа — лакомый кусок. Тем более при такой навороченной экипировке.

Тут слышу слева от меня одиночный выстрел. То ли чужая разборка, то ли люди Большого и взаправду нас прикрывают.

Мистер Снупи молниеносно разворачивает ствол диковинной своей пушки в сторону выстрела.

— Не стрелять! — ору я. — Это не к нам! Не нас!

А идём мы по той самой тропочке, где обыкновенно устраиваются засады на новичков.

И тут из-за перевернутого ржавого «Икаруса» выскакивает человек — явно его преследуют.

Но не успел он перебежать нам дорожку. Глухо рывкнула ружбайка Железного Дровосека — и в воздухе осталась только кровавая пыль. Слышал я о таких зарядах, набитых крошечными бритвами...

— Прекратить! — ору я.

Мадам беспрекословно дублирует команду.

— Стоять!

Остановились. Из-за автобуса никто не высовывается и огня по нам не открывает.

— Не двигаться, — говорю. — Сам разберусь.

Подхожу к скорбным останкам. Ну, голова-то у несчастного уцелела... Зато контейнер вдребезги! Остался сталкер Матадор без трофеев!

— Бедный Касатик! — говорю. — Я знал его, мэм. Редкостная была сволочь. Из мародёров. Убегал от кого-то — возможно, от тех, кто нас сейчас выцеливает. Или, наоборот, прикрывает. В любом случае мистеру Снупи не стоило открывать огонь. Во-первых, я бы и сам справился. Во-вторых, напрасно истрачен более чем ценный боеприпас. Именно его нам может не хватить в трудную минуту. Тут вполне достаточно и обычной пули... В-третьих, это мог быть друг. Так что первое предупреждение вам, мэм...

— Снупи реагирует на враждебные намерения, — говорит леди Рита. — Тот человек не был нам другом. Но Снупи быстро самообучается...

Ага. Робот-телепат. Был такой в рассказе Айзека Азимова. Только телепатов нам не хватало. Прочтёт ещё, чего доброго, мои мысли об американской парочке...

Постояли в ожидании дальнейших враждебных намерений. Не дождались и дальше пошли. Пару раз ещё останавливались — мадам обихаживала своего благоверного. То ли кормила, то ли памперсы ему меняла. Не присматривался.

Леди Рита действительно вела себя в Зоне вполне грамотно — возможно, у них в Штатах уже создали специальный тренажёр. Или вообще завели полигон в масштабе один к одному. Предупреждала об аномалиях раньше, чем они появлялись на моём ПДА: видимо, её планшет классом выше. Все мои гаечки-ленточки остались в неприкосновенности, равно как и пулечки.

Даже собака ни одна не гавкнула, и это особенно хорошо, потому что мистер Снупи снова палил бы из пушки по воробьям — пока-то он самообучится нужной тактике! Железный Дровосек из сказки, помнится, рубил волков топором... Надо будет предложить нашему маленькому другу такую рацуху...

Везло нам — век бы так ходил! Поэтому мелкие подробности опускаю, а ничего серьёзного не произошло.

Но дело идёт к закату, надо думать о ночлеге. Тем более что начал накрапывать дождь, а коли в Зоне затеялся дождь, то это надолго. Как бы у Снупи внутри не перемыкнуло контакты!

Да и майора Макомбера жалко — может, он и не понимает, кто и куда его везёт... Только тогда почему у него «дезерт игл» всегда под рукой? Почему леди не боится, что муж просто-напросто выстрелит себе в рот, чтобы не мучиться?

Но это всё их дела, а вот ночлег — моё.

Традиционный сталкерский костерок меня как-то не привлекает. Это в кино костёр выглядит весьма романтично, да и гитары при мне нету. Значит, остаётся одно...

— Мэм, — говорю. — Есть поблизости хорошенький домик, но неизвестно, кто там сейчас квартирует. Не знаю, можно ли доверить Снупи произвести проверку...

— Он для этого и предназначен, — отвечает. И даёт Железному Дровосеку соответствующие распоряжения.

Домик этот когда-то был дачей при садово-огородном участке. В отличие от соседних кирпичный и даже с печью, оттого и сохранился. Пару раз я в нём ночевал, а того чаще обходил, потому что кровососы обожают прятаться в таких местах... В печном устье, например... Ещё и заслонку изнутри будет держать... Было такое, как установили впоследствии друзья покойного военсталкера Дзиги...

Но как объяснить мистеру Снупи, что такое «печное устье»?

...Как только телохранитель открыл дверь, оттуда вырвалось что-то большое и лохматое, с воем устремившееся прочь. Рассмотреть получше не удалось, так как темна украинская ночь.

Что-то не встречал я в здешнем бестиарии таких тварей. Кабан не воет, псевдогигант не двигается так быстро, а химера вообще ни от кого не бежит... Или это она просто не сталкивалась ещё с мистером Снупи?

Тут мистер Снупи выходит на крыльцо и машет рукой — жест вполне человеческий: всё в порядке, заходите.

В домике две комнаты — одна жилая, другая подсобка. Стол покрыт клеёнкой, и пыли на ней нет. В углах не нагажено — значит военные тут давно не ночевали. Это у них коронный номер перед уходом. Но любим мы их не за это.

Ужинали не вскладчину, как принято у сталкеров, — каждый, то есть я, ел своё. Леди Рита одной рукой кормила супруга, вливая в него разогревшийся бульон из термобанки, другой вкладывала внутрь мистера Снупи какие-то кубики. Подойти поближе и увидеть физиономию бодигарда как-то не хотелось. Может, и нету там никакой физиономии, а есть просто воронка, так что я лучше посижу себе тут, у тихому куточку, как выражается Мыло...

Вот уж Мыло не оставил бы в покое мистера Снупи — уговорил бы того саморазобраться, покритиковал дурней-конструкторов и собрал бы снова, но уже в улучшенном виде...

— Первая вахта моя, — говорю.

— В этом нет необходимости, — говорит леди Рита. — Снупи практически не нуждается в сне, так что отдыхайте спокойно, завтра будет трудный день...

Словно это она сама меня по Зоне водит! Везде эти пиндосы себя хозяевами чувствуют!

Но если представляется такая редкая возможность, сталкер засыпает мгновенно, хотя сон его чуток... Иногда слишком чуток.

Проснулся я от посторонних звуков. Звуки были знакомые, но давно забытые со студенческих времён, когда сосед по комнате под покровом ночи приводил девушку из общежития трамвайщиц — это был наш контингент. Связываться с однокурсницами считалось дурным тоном... Недвусмысленные были звуки.

Леди Рита с кем-то состояла в глубоко интимных отношениях.

Видимо, у мистера Макомбера не угасла главная мужская функция. Что ж, мужик он молодой, хоть одна радость осталась...

Я неслышно приподнялся, включил светодиодный фонарик На самую малую мощность — от спички света меньше.

Нет, мистер Макомбер сидел в своём кресле. Глаза его были открыты, и глаза эти...

Майор ВВС, герой Ирана, плакал!

Ну, тут, Печкин, у меня ум зашёл за разум и стал боязливо оттуда выглядывать.

Вряд ли леди Рита назначила свидание своему бойфренду в таком экзотическом месте для усиления чувств.

Значит, это бодигард. Значит, внедрили в него такую опцию. Модель «Железный дровосек».

Или это вообще не машина, а человек в стальной оболочке. Причём оболочка снимается...

Проверять гипотезу мне не хотелось. Вот где пригодилась бы наша общежитская комендантша Зоя Васильевна! Она всякий разврат чуяла за версту и врывалась в оскверняемую блудом комнату, вопия: «Бордель закрывается, проституция изгоняется!»

Не моё это дело. Просто моё мнение о человеческой природе слегка ухудшилось.

А может, в подсобку пробрался кровосос и, при полном попустительстве Снупи, причмокивая, досасывает миссис Элмер Макомбер. И я слышу звуки пиршества монстра. Вот насытится он и побредёт восвояси вразвалочку...

Такой финал меня бы вполне устроил.

Думаю, что мистера Макомбера тоже.

С этой счастливой мыслью я и уснул, положив под бок свой верный АКМ. И держась за рукоятку ножа. Потому что человека нужно опасаться куда больше, чем робота.

Встали на рассвете, как и собирались.

Леди сходила до ветру на улицу, как я её ни предостерегал. Обошлось, везёт ей. Потом покормила своего благоверного и прочее, на что я смотреть не стал, тоже вышел наружу.

Эх, был бы это нормальный садовый участок в нормальном садовом товариществе! Сел бы я на крылечко, полюбовался на ровненькие зелёные грядки, а потом встал бы, лучку нащипал, редиски надёргал, соседа позвал, достал бутыль прошлогоднего вина из облепихи... Было ведь, всё было!

А теперь вокруг — пейзаж после битвы. Огород зарос всякой дурниной, плетень давно сгнил, на горизонте, в стороне города Припяти — чёрный вертикальный столб дыма, от прошлой жизни осталось только пугало, пережившее всех хозяев и постояльцев...

Или это не пугало? А если пугало, то почему на нём выгоревший камуфляж и пробитая сфера? Или это кто-то из наших так пошутковал?

Усомниться толком я не успел, потому что тяжело закрипели доски крыльца. Я не оглядываюсь, и так всё понятно.

— Не стой тут, — говорю я Железному Робосеку. Или Дровокопу. — Проломишь крыльцо, доставай тебя потом...

Ничего не сказал Снупи, неустанный любовник, дорогой товарищ вибратор. Дождлся, пока выкатится коляска, бережно опустил её на землю. Приделал, значит, господину стальные рога, а теперь заботливость проявляет...

— Значит, так, — говорю. — Выходим на рубеж города. Видите дым? Там сейчас идёт какая-то заварушка. Встревать в неё нам нет никакого резону, поэтому обойдём город вдоль окраины...

— Идти через город безопасней, — говорит леди Рита. — Наши специалисты всё просчитали. Маршрут корректируется со спутника...

— Знаете, мэм, — говорю. — Выбирайте — или я вам нужен, или я вам не нужен, коли со спутника. Сильно сомневаюсь, что спутник нам поможет в случае чего лучом лазера... Да и рентген больше нахватаемся. Нормальные герои всегда идут в обход...

Да, похоже, эти парни в Америке слишком хорошо осведомлены о наших делах...

— И ещё нам нужна «электра», — говорит леди.

— Не могу обещать, — отвечаю. — Мне лично она не нужна, и чем меньше их встретится...

— Нужна «электра», — настаивает леди.

— Тогда вперёд, — говорю.

Ещё оглянулся напоследок, а не надо бы. Потому что не торчало больше в огороде пугало камуфляжное. Не было его вовсе...

Тут меня и продрало по всей спине... Впервые за наш поход... Такие вещи спроста не случаются.

Двинулись мы обычным порядком. Я впереди, Снупи замыкающим, между нами супруги Макомбер.

Будет тебе «электра». Только ты, тётушка, мне нужна живая, пока не передашь сигнал...

Кончились огороды. Никакой живности вокруг, и это тоже нехорошо. Потому что в Зоне всё нехорошо и всякая примета — к несчастью. Или к дождю, вот как сейчас. Когда великолепный украинский чернозём превращается в гнусно чавкающую массу. Железный Дровосек словно в унты обулся — столько земли налипло ему на нижние конечности.

Хорошо бы выйти на дорогу, иначе Снупи застрянет.

Хотя чего это я о нём забочусь, о долбаном киборге?

В Зоне я и вправду сильно отстал от мировой науки с её достижениями — ежегодников не читал, специальной литературы тем паче, разве что пролистывал «Популярную механику», отобранную у кого-нибудь из нашей любознательной молодёжи.

Неужели америкосы на самом деле всадили в железку человеческие мозги?

Да и не только мозги, судя по прошедшей ночи...

Ну вот наконец и дорога — бывший асфальт, раздробленный техникой до состояния щебёнки.

По шоссе здесь передвигаться не принято, и не столько из-за монстров и аномалий, сколько из-за лихих людей. Но ладно, понадемся на чудо-киборга, геронтофила Снупи. Потому что у него круговой обзор...

— Наконец-то «электра», — говорит миссис Макомбер, словно она сама её там и установила.

Смотри-ка — раньше меня углядела! Хотя аномалия слабенькая, молодая, новичок бы мог и не заметить...

— Обойдём, — говорю и направляюсь к обочине.

— Я же сказала — нам нужна «электра»! — орёт леди.

Никому не нужна, а им нужна!

— Снупи, действуй! — командует ведьма.

И тут Снупи, которого я уже считал почти человеком, делает финт руками, для человека невозможный.

Стальные лапы его гнутся в локтевом суставе в другую сторону. То есть очень удобно ему спину чесать, не то что нам.

Лапы эти извлекают из рюкзака кабельную катушку. Потом возвращаются к груди. Потом Железный Дровосек разматывает кабель и бросает его конец прямо в «электру»!

— Стой! — ору я. — Отставить!

— Замолчите, глупец! — говорит леди Рита. — Всё продумано!

И вижу я, что катушку с остатком кабеля Снупи присоединяет к самобеглой коляске майора Макомбера.

Я подумал, что инвалидное кресло станет электрическим стулом для бедняги, но ничего подобного.

Вот это да! Что значит американский прагматизм! Зачем таскать запасные аккумуляторы, когда в Зоне полно источников даровой энергии!

Да, за Зоной лучше следить со стороны, холодным взглядом наблюдателя. Почему-то наши умники на Янтаре ищут способы защиты от аномалий, причём теоретически, без риска для собственной жизни. Это когда-то в озёрном лагере были настоящие исследователи, но всех их стёрла с лица земли знаменитая атака монстров... Богатыри, не мы.

Никто из нынешних яйцеголовых не додумался даже попробовать элементарно заземлить «электру». Хотя такое могло придти в голову любому монтеру-высоковольтнику... Сделать что-то вроде дюбельного пистолета, стреляющего стальными костылями...

Но это я сейчас такой умный. А тогда...

Покончив с аккумулятором кресла, Снупи засунул свой конец кабеля в свою железную задницу, подождал, вытащил и смотал волшебный кабель на катушку, после чего вернул её прежним манером в рюкзак.

Виду меня был, несомненно, прибалделый.

— Я же сказала — мои люди всё продумали, — говорит миссис Макомбер. — Теперь ведите нас дальше.

«Электра» обиженно померкла — не на пользу пошёл ей этот энергетический вампиризм.

А кто теперь кого ведёт — непонятно.

— Мэм, — говорю. — Зачем нам идти через город? Там смерть из любого окна тарасится. Там столько зомби, что никаких патронов не хватит даже у Снупи. Там встречаются монстры и покруче.

— Мои люди утверждают, что это оптимальный маршрут, — говорит ведьма. — А они не ошибаются. Я постоянно на связи с ними...

Вот те на. А мужики-то не знают...

— Мэм, — говорю. — Мы практически дошли. И если вы хотите, чтобы я сопровождал вас до самой цели, извольте выполнить обещание, данное моему... э-э-э... боссу, немедленно. Потом у вас, уверяю, не будет времени... Надеюсь, с ним вы тоже на связи?

— Конечно. Так что вы получите от своего начальства по полной...

— А вот угрожать не надо, — говорю. — Это дурной тон.

Сколько-то ещё она поломалась, покочевряжилась. Но старый сталкер много чего страшного может порассказать про Зону — со всеми омерзительными подробностями умертвий и того, что похуже смерти.

Вижу — подействовало. Но как они там, за океаном, про наши-то скорбные дела осведомлены!

Если сменится власть в незалежной державе — так они, чего доброго, и дивизией к нам нагрянут! Пробыются к Монолиту и давай желать на всю катушку!

Может быть, увечный майор — только предлог, а на самом деле это ходовые испытания мистера Снупи?

Но финансовая сторона вопроса вроде бы улажена, если верить ведьме. Тут бы мне и раскланяться вежливенько с честной компанией, развернуться и ручкой помахать. Но, во-первых, порядочные люди так не поступают даже в Зоне (стараются по крайней мере), а во-вторых...

Наверняка я всю дорогу на прицеле у долбучего Робокопа. Вон из него сколько стволов торчит. И наверняка он не даст мне уйти. Ведь это может повредить хозяйке!

Да и майора мне всё-таки жалко, хоть и не так, как Степана Олексовича, связчика моего. Майор может до старости в своём кресле просидеть при богатой жене, а Мылу хана. Побираться ему гордость не позволит...

Но были ведь случаи исцеления у Монолита, хотя самолично я такого не наблюдал. И даже официально зафиксированные...

А что же мне самому-то пожелать, если, паче чаяния, выйдем к заветной цели? Бочку варенья и корзину печенья?

Впрочем, сначала нужно дойти. Просквозить через город безвредно, раз уж дама так настаивает.

Но повёл я их всё-таки не через центр, а проспектом Строителей. Раза два я там ходил, тьфу-тьфу-тьфу. Там есть одно нехорошее место на перекрёстке с улицей Героев Сталинграда. Магазины там разные, аптека... Зомби любят копаться в таких местах, надеются что-нибудь откопать. Даже в очередь становятся — вот что значит советские люди!

Когда я ещё на Янтаре подвизался, возникла у меня одна идея. Ежели Зону изолировать по-настоящему хотя бы на год — может, вся эта псевдобиота сама и перемрёт? Ведь не выстраивается она в пищевую цепочку, как ни крути. И человек в ней существо случайное...

Ладно, фрилансер, опять я отвлёкся. Изолировать Зону не позволили бы сильные мира сего: слишком большие деньги она приносит...

Только вышли мы на проспект — мчится на нас стая слепых собак. И не такая, от которой мы с тобой давеча отбивались. Серьёзная стая.

Ну, тут мистер Снупи и предстал во всей красе.

Искрошили его бритвочки чуть не половину этих бывших друзей человека, остальные убежали, и даже черныбыльский пёс не смог их удержать. Его киборг персонально положил чем-то вроде разрывной пули. Неплохой защитник, что и говорить. Как бы его стравить с химерой и посмотреть, что получится... Нет. Думаю, лучше не надо. Без химеры как-то спокойнее.

Хорошо идём, душа поёт, сердце радуется. И мне даже слегка обидно, что я, в сущности, такой весь ненужный. Вот сейчас бы самое время нырнуть в какой-нибудь переулочек и самым подлым образом слинять. Только вот в переулочке можно нарваться...

И навались.

Выходят на дорогу трое — все в комбезах «зет-форс» и в улучшенных шлемах.

— Это мои люди, — говорит леди Рита. — Так что не дёргайтесь, мистер Матадор. Эй, ребята, рада вас видеть!

Но я-то знаю, что миротворцев в опустевшие города не затащишь и на аркане, да и не входит в их обязанности патрулировать Зону вне пределов Периметра. Значит, это действительно её люди, другого объяснения не нахожу. Только как их сюда занесло? Что-то темнит богатая тётка, что-то скрывает от меня очень важное...

Тройка вполне интернациональная — азиат, ариец, негр. А такого не может быть, потому что и корейцев, и кенийцев сменили ещё год назад англичане и поляки. Ряженные это, стало быть... Могли бы и поаккуратнее работать...

И глаза у них такие — то ли обкурились, то ли обдолбались. А ты заметил, Печкин, что вольные сталкеры никогда наркотой не балуются?

Только хотел я высказать свои претензии ведьме — вижу, что миротворцы эти липовые поднимают стволы...

Всегда надевай броник, Печкин, это дело тут окупается. Да и не так тяжелы кевларовые броники. Своя ноша не тянет.

Меня бросило на асфальт, а чету Макомберов закрыл своим широким телом Железный Дровосек. Мне даже помстилось, что слышно, как от него пули отскакивают.

А от мнимых миротворцев пули мистера Скуби не отскочили — вошли куда надо.

Кое-как встаю, беру леди за плечико.

— Ни хрена себе — ваши люди, — говорю. — Ничего не скажешь, крепко прикрывают...

— Это недоразумение, — говорит ведьма, и физиономия у неё делается белой и растерянной.

Тут начинает у меня болеть голова, хоть я вроде бы ею не прикладывался. И отчего-то хочется мне прямо вот сейчас взять и пристрелить чету Макомберов. Очень хочется, еле сдерживаюсь.

— Контракт расторгнут, — говорю. — В империалистических разборках не участвую. Вы не предупреждали, что у вас могут здесь оказаться конкуренты...

Миссис Макомбер меня не слушает, но личико у неё все белеет и белеет, а глаза лезут на лоб.

Потому что майор Макомбер поднимается в инвалидном кресле во весь свой немалый рост и делает шаг вперёд.

— Сука, — говорит майор. — Старая сука. С каким наслаждением я сейчас прикончу тебя...

— Элмер, — говорит она дрожащим голосом. — Элмер, ты исцелился, как я и обещала... Господь наградил меня за мои старания...

Я ничего не могу понять. До Монолита ещё як до Киева рачки. А желание молодого калеки уже исполнилось, но мне всё сильнее хочется его пристрелить.

Я даже рожок отстегнул, чтобы не поддаться этому желанию.

Конечно, Монолит здесь ни при чём.

Это работа контролёра.

Сперва контролёр вёл этих самозванных миротворцев, а когда мистер Снупи их повалил, переключился на нас.

Но то ли контролёр не очень продвинутый, то ли слишком много сил он потратил, чтобы поднять парализованного Макомбера, поскольку я всё ещё сопротивляюсь воле монстра.

Кстати, где он?

— Гадина, — говорит герой Ирана. — Ты переломала всю мою жизнь. Лучше бы я умер тогда, под Тебризом. Но нет, твои коновалы вытащили меня с того света, чтобы ты наслаждалась моей беспомощностью. Ты и на ноги меня подняла единственно из-за того, чтобы...

Вряд ли контролёр заставляет парня всё это говорить. Просто он намолчался. И намерения у них совпали. Бедняга. Но вот когда тварь доберётся до мозгов мистера Снупи, если у него действительно человеческие мозги... Где же этот мерзавец...

— Снупи! — ору я. — Слева! Второй этаж, седьмое окно от угла! Ментальный монстр!

Снупи посылает гранату в указанное окно.

Мистер Макомбер разносит голову леди Рите.

Безголовая леди поворачивается ко мне и дважды стреляет из своего «дезерта».

Я пристёгиваю рожок и стреляю в майора — не знаю, по своей ли воле.

Впрочем, всё могло происходить и в обратном порядке, один хрен ничего не помню, «дезерт игл» дура серьёзная. Но как-то вот так.

А когда я открыл глаза, то увидел незнакомое лицо — это был доктор Крачковский, впоследствии Пилюлькин.

Потом слышу голос Большого:

— Бога будешь молить за этого салагу, сталкер!

— Какого салагу? — спрашиваю.

— Да того, который с Додоном пришёл... Юношу... Он-то тебя из города и вынес на закорках...

— Сильно меня повредило? — говорю.

— Кевлар пробило, — говорит доктор. — Но далеко пуля не вошла, пинцетом вытащил. А вот ты с двумя пальчиками на правой руке попрощайся...

— А где сейчас этот салага? — говорю.

— Ушёл, спешил куда-то, — говорит Большой. — Должно быть, снова кого-то спасает...

Вот так я перестал играть на гитаре и обменял два своих пальца на две ноги Мыла. И так я стал крестником Белого.

Мыло тоже стал считать себя его крестником.

А куда делся мистер Снупи, для всех загадка. Мисс Элис всё кричала, что это чрезвычайно ценный экземпляр и она сама пойдёт за ним в Зону, но я, раненый воин, убедил её поехать со мной в Испанию на корриду.

Как раз июль начался.

Кстати, мистера Снупи до сих пор ищут — и сталкеры, и вояки, и ребята из НАСА. Даже в болото лазили — правда, не все оттуда вернулись.

Потому что люди верят мне. И ты, фрилансер, верь — всё именно так и было...

Глава седьмая

Бар в Зоне — всё равно что поэт в России. То есть он больше, чем бар.

Это и гостиница, и филиал банка, и медпункт, и фактория для сбора артефактов, и клуб по интересам.

Интересы же у вольных сталкеров чрезвычайно разнообразны. Существует, например, ретро-бар «Золотая нога». Среди сталкеров имеются футбольные фанаты, но особого рода. Им дела нет до современности, они собираются для того, чтобы смотреть записи матчей прошлого, точнее, чемпионатов мира и Европы начиная с 1966 года. Причём болеют каждый за свою команду, спорят, ругаются и дерутся. И даже тотализатор у них работает, хотя результаты ристалищ уже давно и прочно вошли в историю.

Но всяк сходит с ума по-своему.

Есть свои бары у «Долга», у «Свободы», у военных, у ученых... Чужому там лучше не появляться.

И есть такие точки, где могут встречаться все и со всеми на нейтральной территории. Естественно, там господствуют вольные сталкеры, точнее — Большой. Его фотопортрет неизменно освящает красные углы подобных заведений: азиатские глазки, кавказский носяра, арийский подбородок...

Самый главный из этих баров носит название «Хардчо» — тем самым подчёркивается родство его с такими прославленными гадюшниками, как «Боржч» и «Шти». Пуленепробиваемая вывеска над входом гласит:

HURDCHO INN

Прежде всего бар славен тем, что в нём не переводится коньяк. Правда, каждый раз благородный напиток именуется по-иному: сегодня «Двин», завтра «Камю», потом «Наполеон». «Ахтамар», «Хеннесси», «Кизлярский», «Арабат», «Плиска», «Арманьяк» и Зона ещё знает как. Хотя на вкус и послевкусие они совершенно идентичны. Так ведь это и на Материке сплошь и рядом бывает.

Ветераны толкуют, что под «Хардчо» закопаны в землю несколько железнодорожных цистерн с коньячным спиртом. Якобы их бросили на станции ещё в достопамятном 1986-м, а Большой обнаружил, перетащил и собственноручно зарыл. Большому вообще приписываются нечеловеческие подвиги. Тем не менее коньяк в «Хардчо» действительно не переводился даже в самые блокадные времена, когда Зону пытались изолировать по-настоящему.

Многие посещают бар только из-за этого напитка.

Конкуренты из «Сталкера» и «100 рентген» распустили слух, что в одной из цистерн в своё время утонул бюрер, чтобы стало людям тошно и противно. Но слуху этому никто не поверил, тем более что и цена была божеская. А то некоторые взяли моду впаривать бродягам стеклоочиститель за джин «Капитан Сильвер» по полсотни евро за лилипутскую порцию!

Ещё «Хардчо» славен тем, что расположен не в Предзоне, а в самой Зоне, так что вольные сталкеры могут сдавать хабар прямо там, не рискуя нарваться на патрули и бандитов. И отдохнуть там можно, и в баньку сходить, и раны перевязать, и стриптизом утешиться, и девочку снять, и помахать в специально отведённом для этого помещении.

К сожалению, вольные сталкеры уж такой дикий народ, что до бой-зала обычно не доходят, крушат мебель и посуду на месте, и уж с этим никакому Большому не совладать. Просто счёт увеличивается.

А ещё бродячий народ обожает «Хардчо» за то, что в нём можно запросто пережить любой Выброс. Когда Выброс, в бар может зайти практически всякий, кроме «монолитчика», не рискуя немедленно получить в пятачину. Другое дело, когда Выброс кончается...

С умом, с толком возведен бар на базе административного корпуса пионерского лагеря «Светлячок», крепки его толстые кирпичные стены, обшиты они листами противорадиационной защиты, и весь он как островок безопасности в море диких стихий.

Всю жизнь можно прожить в баре «Хардчо», не выходя наружу, — если денег хватит.

Но денег всегда не хватает, и всегда покидают вольные сталкеры свой оплот в поисках артефактов, да только не всегда возвращаются.

Поэтому первый тост — «За тех, кто в Зоне», второй — «За удачу в Зоне», а третий — «За тех, кто остался в Зоне». Верно поёт местный бард Серёга Воркута:

Когда ты придёшь оттуда.
На всё поглядишь иначе,
И горьким станет веселье,
И неуместной гульба.
С хабаром вернулся — чудо,
Живой вернулся — удача.
Патрульная пуля — везенье,
А всё остальное — судьба...

...Зайдут, бывало, в бар «Хардчо» несколько ветеранов — Зоной крещённые, Зоной битые, Зоной просвеченные. Зоной повязанные, — и слышны приветствия со всех сторон:

— А, это ты, Бабай!
— Здравствуй, Козолуп!
— Откуда тебя чёрт несёт, Дисбат?
— Ты как сюда зашёл, Долото?
— Здорово, Дракула!
— Здорово, Ирокез!
— Думал ли я видеть тебя, Симпсон?
И бродяги, собравшиеся со всей Зоны, целовались взаимно, и понеслись вопросы:
— А что Кощей?
— А что Даун?
— Что Бородавка?

— Что Короед?

— Что Намбер Ван?

И слышали только в ответ ветераны, что Кощея подловил контролёр у Пристани, что с Дауна живьём сняли кожу «монолитчики», что Бородавку одолели кровососы на Чёрном хуторе, что голову у Короеда откусила химера, а оплошавшего Намбер Вана повязали менты в Предзоне и увезли в самый Киев на несправедный материковский суд.

И понурили головы ветераны, и раздумчиво говорили:

— Добрые были сталкеры!

...Жалко, что не дожил Николай наш общий Гоголь до появления Зоны — уж он бы такое написал!

Взять хотя бы бармена Арчибальда. В Зоне ведь бармен тоже больше чем бармен — он и скупщик, он и брокер, он и посредник, он и третейский судья, он и банковский клерк.

Месье Арчибальд работал барменом в «Хардчо» с первого дня — его, должно быть, Большой завёз вместе с импортным оборудованием. Возможно, что Арчибальд даже являлся частью этого оборудования, поскольку был он совсем уж не простой бармен. Не как Володя и даже не как Шашико.

Во-первых, барная стойка его была глухая — ни он выйти из-за неё в зал не может, ни к нему нельзя зайти.

Во-вторых, передвигался месье Арчибальд за стойкой как-то удивительно плавно, словно не было у него нижней половины туловища, а верхняя как бы скользила на колесиках по невидимым направляющим.

В-третьих, никто никогда не видел, чтобы бармен покидал свой пост ни на секунду — то ли памперсы носил, то ли действительно жил без нижней половины.

В-четвёртых, голова его повязана была алым платком, а борода черна как смоль.

Сталкеры Мастдай и Паганель как-то помазали за стаканом коньяка: есть у бармена ноги или он где пострадал? Для проверки спорщики инсценировали обычную драку, в ходе которой Мастдай врезал Паганелю так, что великий путаник перелетел через стойку и разгрохал все бутылки. К сожалению, Мастдай, как всегда, перестарался, и Паганель ушёл в отключку ещё не долетев до желанного места; так и не открылась ему тайна бармена Арчибальда.

Официантки Кобра и Синильга на все вопросы о своём шефе загадочно улыбались и говорили одно и то же: — А как ты сам-то думаешь?

Другой достопримечательностью бара «Хардчо» была статуя Семяцкого перед входом — так некогда гипсовый или бронзовый Ильич охранял райкомы и обкомы покойной КПСС. Толстосумы Предзона дивились расточительности Большого, потому что выписал он московского скульптора, хотя и на месте хватало умельцев — тот же Мастдай. Но статую босс заказал не простую. Уж не из гипса, не из мрамора — а вообще из ничего.

Пьедестал был настоящим, гранитным, а вот сама статуя — голографическим изображением.

Смотреть на это диво лучше было вечером, без лишнего света.

Легендарный сталкер, как живой, в домашнем халате и в тапочках покоился в совершенно мешанском кресле и держал на коленях кошку.

Иногда изображение исчезало, чтобы так же внезапно возникнуть ровно через две с половиной минуты. Таким образом художник хотел подчеркнуть дуалистическую природу Семяцкого: вот он есть, а вот его уже нет.

А кошка на коленях служила намёком для самых неграмотных, потому что всякому неучу понятно, что это — знаменитая кошка Шрёдингера, которая то ли живая, а то ли наоборот. Фифти-фифти.

И никакой это был не аттракцион, а напоминание всем сталкерам о том, сколько разнообразнейших смертей поджидает их во время вылазок...

Глава восьмая

...Уж месяц миновал, а сталкеры в разных уголках Зоны всё продолжали толковать о том, как Белый получил сам за себя выкуп и сколько при этом наварили Матадор, Мыло и Киндер.

Должно быть, немало, потому что с тех пор означенную троицу можно было чуть не каждый вечер застать в баре «Хардчо», где они широко гуляли и частенько выставляли пиво всем собравшимся. И всегда сопровождал их этот новичок, Печкин, столичный пижон.

Сегодня народа в баре было маловато — да это и понятно. Небывалая жара высушила болота, озеро Янтарь обмелело, сгинули питавшие реку Припять речушки и ручейки, открылись новые, ранее недоступные области поиска...

Конечно, ходить в такую погоду нелегко, а снаряга тяжела, и воды приходится брать больше обычного, но зато и риску меньше, потому что солнышко мутантам пришлось влом, иные еле ползают, и даже слепые собаки не гоняют одиноких бродяг, а сидят, вывесив страшные свои языки, да тяжело дышат — так, что вчуже их жалко. Может, и правы учёные люди — это сама природа решила прижечь свою Зону-болячку...

Посетителей в баре было всего-то двое: Огонёк и Техас.

Когда-то Техас и Огонёк были обычными вольными сталкерами, но с приходом Большого решили специализироваться на очистке закрытых помещений, наземных и подземных, и много в том преуспели. Их часто нанимали то одни, то другие группы — в схроне поселились зомбаки, из подвала надо выкурить бюреров...

Огонёк орудовал армейским огнёмётом, а Техас, естественно, шведской бензопилой «Husqvarna». Очень хороша бензопила супротив кровососа, очень способствует! Заказчики тоже были неподалёку, прикрывали огнём на всякий случай. Весьма хлебным оказался бизнес Огонька и Техаса.

А сейчас они сидели без дела, потому что все сталкеры ходили нынче по верхам, в норы и развалины не лазили, торопились собирать относительно лёгкий урожай, пока стоит такое ведро. — И почему в Зоне леса не горят? — сказал Техас. — Россия горит, Украина горит. Зона не хочет. Ни лес, ни трава. Камыши на болотах и то не горят... А ведь там «жарка» на «жарке»...

— А ты вообще хоть один пожар в Зоне видел? — сказал уже хороший Огонёк.

Техас напрягся и отрицательно помотал головой.

— И я не видел. Раньше потому что всё сырое было, а сейчас не знаю почему.

— Ты дерево струёй поджечь пробовал?

— Я что — идиот? Мало ли как оно отреагирует. Мало ли кто с него спрыгнет...

— А хорошо бы, — сказал Техас. — Чтобы вся мутня побежала, весь личный состав... Под пулемёты на Периметре...

— Разве раньше мутня не бегала под пулемёты перед Выбросом? Ещё как бегала. Пулемётчики с ума сходили...

— Тебе их, что ли, жалко? — сказал Техас.

— Нет, — сказал Огонёк. — Хрюли их жалеть, вояк да миротворцев. На то Белый есть, главный жалельщик... Да Болотный Доктор...

— Не говори так, — сказал Техас. — Белый хоть мутантов не спасает. А вот прижмёт нас где-нибудь в подземелье, так и Белого вспомнишь. Если повезёт, придёт за нами Белый и скажет — только одного могу вытащить. Тут я ему и сообщу, какие слова ты про него говорил...

— А Белому по барабану, — сказал Огонёк. — Он таких отморозков, бывает, выручал... А я что? Я честный сталкер-огнемётчик. Да и ходит нынче Белый с этим... С Топтыгиным. А вместе они хоть троих поднимут.

— Слушай, — сказал Техас. — А обязательно Белому человека усыплять шприцами этими стреляющими?

— Сто раз я тебе объяснял, — сказал Огонёк. — И сто раз ты понять не можешь. Вот когда утопающего спасают, а он дёргается, за руки хватается — что спасатель делает?

— По кумполу и за волосы, чтобы не мешал, — сказал Техас.
— Вот, — сказал Огонёк. — Тот самый случай. — Ну ты сравнил! — возмутился Техас. — То утопающий лох с Материка, а то опытный сталкер. Чего это я дёргаться буду, когда меня спасают?

— У тебя на лбу не написано, дёргаешься ты или смиреннько лежишь. У Белого для всех закон один. Хочешь жить — сам отключишься...

— А всё-таки нехорошо, — сказал Техас. — Будто не человек я, а собака бешеная...

— Все мы тут бешеные псы, — философски сказал Огонёк. — А бешеных, между прочим, не усыпляют. Бешеных, между прочим, просто стреляют на месте. Вот удивительно мне, что Белый этого Топтыгина взял в связчики...

— А что тут удивительного? Вон какой лоб здоровенный!

— Здоровенных тут хватает, — сказал Огонёк. — Месье Арчибальд, нам бы ещё...

— Кредит здоровью вредит, — хрипло отозвался бармен. — Будешь со счёта снимать?

— Буду со счёта снимать, — радостно согласился Огонёк.

— Смотри, — сказал Арчибальд. — Моё дело предупредить. А то от безделья всё просадите, меня Большой оставит без премии...

— Заботники наши! — воскликнул Техас. — Мамас энд папас! Что бы мы без вас делали!

Подошла Кобра с подносом — бутылка «Гвардейского» и тарелки. В «Хардчо» выпивку без закуски не подавали.

— Мальчики, вы сегодня Ниндзю не видели? — сказала она.

— Мы сегодня вообще практически никого не видели, — сказал Техас. — И ещё век бы не видели. В кои-то веки сидим как люди — тихо, без драки...

— Вам, конечно, в кайф, — сказала Кобра. — А заведению в убыток. Убить мало вашего Ниндзю...

— Странно, — сказал Техас. — Парадокс века: спит с ним она, а Ниндзя почему-то наш...

— Интересно, — тихо-тихо прошептал Огонёк, — как месье Арчибальд премию потратит?

— А как надо! — воскликнул Арчибальд. — Цены на Материке знаете какие?

— Вот же чёрт нерусский, — сказал Огонёк. — При нём и слова не скажи...

— Попрошу без националистических намёков, — сказал Арчибальд. — А то пургена в коньяк насыплю...

— Нет нынче никакого пургена, — сказал Огонёк. — Сейчас все лекарства переназвали по-другому. Чтобы цены поднять. Я належаю в больничке, знаю... Ну, давай отдельно за Белого!

Выпили за Белого; закусили салом.

— Я вот думаю, — сказал Техас, — если псевдоплоть произошла от свиньи, то почему из неё не делают псевдосало?

Огонёк подавился и долго кашлял.

— Дурак думкою богатеет, — просипел он наконец. — Вечно ты скажешь — как «ведьмин студень» размажешь...

— Мне про этого Топтыгина рассказывал Мегабайт, — сказал Техас. — Он его сразу к себе в группу припахал, не отмычкой, а в качестве тягловой силы. Отбил у наших миномётчиков, чтоб им... Ну, пошли. Мегабайт надеялся, что Топтыгин таёжник, опасно будет ходить и хищника чуют за версту, а он прёт прямо на «электру» — в упор её не видит! Представляешь — «карусель», конечно, не всякий новичок может заметить, но «электру»-то! Нет, говорит, там ничего, зато я лосёнка вижу... Представляешь — лосёнка он видит! Когда-то в Зоне лоси водились, то правда, но сейчас-то... Хватал-хватал Мегабайт своего грузчика за штаны, да и надоело ему. Иди, говорит, куда хошь. Хошь к своему лосёнку. Ну и подался паренёк к Пекинесу в бандиты...

— Зато он кабана валит пачками, — подал голос бармен. — Мясо мне таскает. Я теперь мороженое аргентинское барахло не беру, всегда со свежатиной... Сами ведь лопаєте! Это вам не крыса на прутике!

— С кабанами — да, — согласился Техас. — Это ему в плюс. Только всё равно тёмный он тип. С ним только Белый и может в связке работать...

— Гости идут, — объявил по громкой связи незримый вышибала Колчак. Колчак сидел в бронированном предбаннике и фильтровал посетителей. — Юкка-Пекка и Батюшка.

— Весело будет, — скривился Огонёк. — Два весёлых молчуна. Вот же сычи!

Конопатый Юкка-Пекка вошёл первым с большим рюкзаком, а Батюшка, как обычно, незаметно проскользнул за свой столик в самом углу, вытащил старинную книгу в переплёте с застёжками и углубился в неё, обхватив лохматую голову руками. Батюшка действительно был когда-то священником, но его оттуда попросили.

— Эй, вы чего не здорваете? — сказал Техас. — Вроде бы тут люди сидят!

Юкка-Пекка поставил на стол новенький рюкзак, снял куртку, повесил на спинку стула и только тогда сказал:

— Траттуте!

— Ну вот, не убыло от тебя, — сказал Техас. — А ты, особа духовного звания?

Батюшка бородёнку вскинул:

— Асмоеям здравия не желаю!

— Не в духе сегодня, — сказал Техас. — Опять надерёшься и обличать будешь?

— А вы не участвуйте в бесплодных делах тьмы, — сказал Батюшка. — И пью я на свои...

— Ты лучше зомбаков своих воспитывай, — сказал Огонёк. — Мы тебе помещение очистили, а ты там что развёл? Зомбарииум? А говорил — храм восстанавливаешь...

— Зомбаков-то легче обратить, чем вас, — сказал Батюшка. — Зомбаки — они те же дети...

— А, что с тобой толковать, — сказал Огонёк. — Юкка, что это я тебя давно не видел?

Блудный сын Суоми не спеша раскурил трубочку, выпустил клуб дыма и произнёс:

— Париж естил.

— Ну и как там Париж? — оживился бармен Арчибалд — что-то связывало загадочного бармена с Францией, не зря к нему обращались — «месье»...

Дезертир-миротворец ещё раз затянулся и выдохнул:

— Что нато — не купил. Что НЕ нато — купил.

— Как ты красочно излагаешь! — всплеснул ручками бармен. — Я словно на Елисейских Полях побывал! Деньги-то все ухнул на девочек?

Юкка-Пекка повернул круглую стриженую голову и важно произнёс:

— Сколько нато — не истратил. Сколько НЕ нато — истратил.

Тут к финну подбежали Кобра и Синильга, зашебетали, принялись потрошить рюкзак, доставать оттуда всякие бюстгалтеры и прочие полуграции. Юкка-Пекка смотрел на них и улыбался краешками губ, словно строгий, но добрый отец.

— Дерьма-то, — сказал Техас. — Стоило в Париж ездить. На любом китайском рынке...

— Дурак ты, Техас, — бросила Синильга. Была она метиской, в Якутии говорят — сахаляркой. Редкой красоты девушки рождаются там от смешанных браков, черноглазые, со снежно-белой кожей... Только быстро линяет в Зоне любая красота...

А Кобра — она и есть Кобра, прикинула к себе розовую комбинацию, зашипела:

— От вас вообще хрен чего дождёшься, даже китайского... Юкка не в «Самаритэн» для бедных отоваривался, он не поленился в «Галери де Лафайет» сходить... Потому что — мужчина!

И в доказательство сунула Техасу в нос яркую этикетку.

Но не пришлось официанткам примерить обновки, так как вышибала Колчак объявил:

— Ахтунг, ахтунг! Матадор с компанией! Уже хорошие!

— Это плохо, — сказал Арчибальд. — Очень плохо. Очень я не люблю, когда надираются на стороне. У нас что — коньяк прокис? Или отбивные несвежие? Я объявление повешу: «Приносить внутри себя спиртные напитки запрещается».

Но загремела тяжёлая дверь, и вломились в «Хардчо» четверо героев давешней игры «Освободите Белого».

— Месье Арчибальд! — вскричал Матадор. — Всем шампанского!

— Что за праздник? — поинтересовался бармен.

— Та в його тепер кожный день — свято, — объяснил Мыло. — Решил прогулять свою Испанию...

— Не праздник у меня, — пригорюнился Матадор. — Несчастье у меня. В Каталонии запретили корриду. Скоро и во всей стране запретят...

— Ничего, — сказал Огонёк. — С кровососами оттянешься, как все нормальные люди...

— Ты живой ещё? — изумился Матадор. — Ну так мы это дело быстро исправим...

— Солидный вроде бы человек, — сказал Арчибальд. — Сказано же — драки только в вечернее время!

Матадор посмотрел на часы:

— Так уже скоро! Чего тянуть?

Но Киндер и Дэн Майский, ныне Печкин, ухватили седого гусара за руки и силой усадили за стол подальше от чистильщиков.

— Мыло, — с упрёком сказал Арчибальд. — Это где вы так захорошели?

— Та мы трошечки, — сказал Мыло. — Нехай дивки ковбасу тащат, та вареники, та вустриц...

— Устрицы у меня сегодня особенные, — подбочился бармен. — Тасманийские. Называются *crassostrea gigas*. Знатоки ценят их за солоноватый вкус...

Электровениками забегали с подносами Кобра и Синильга, причём Кобра спрашивала у каждого, не встречал ли он Ниндзю.

Ниндзю никто не видел, только Мыло вдруг запел: «Ниндзя рыбка, Ниндзя птычка, Ниндзя гарна молодычка!»

— Хорошо в Зоне питаются, — сказал Печкин-Майский. — Разнообразно. Вчера жареная крыса, сегодня — тасманийские устрицы...

— Но! — воскликнул Киндер. — Завтра-то опять будет крыса!

— Увы! — запечалился пьяненький журналист.

Он уже немножко обвык в Зоне, сходил туда несколько раз с новыми друзьями в связке, благо погода позволяла, и совсем было начал считать себя сталкером, но жестокий Матадор каждый день указывал ему на ошибки и объяснял, каким образом столичный гусь мог погибнуть вон за тем пригорочком и вон на той тропочке...

— Выброс ночью будет, — вдруг объявил из угла Батюшка, не отрываясь от своего увлекательного чтения. Одной рукой он перелистывал страницы, другой подливал себе в стакан.

— А наука что говорит? — спросил внезапно протрезвевший Матадор.

— Это вам наука говорит, — сказал Батюшка, опрокинул стакан, выдохнул и продолжил: — А меня Господь путеводит в правде своей...

Но было до ночи ещё далеко, и думать о Выбросе никому не хотелось.

Вышибала Колчак то и дело объявлял о новых посетителях, и скоро обширный зал наполнился до отказа.

Настроение у всех было приподнятое — Зона, притихшая под палящими лучами, лютовала не сильно, артефакты снимали как с куста — не самые редкие, зато много, так что Арчибальд не успевал оценивать хабар и раскладывать его по контейнерам. А главное — все возвращались живыми... Даже Семяцкий сегодня ни разу не погиб, не сообщали об этом сталкерские наладонники...

Только безутешная Кобра всё расспрашивала гостей про своего Ниндзю.

Ниндзю никто не видел.

Тут и там поднимали тосты — и первый, и второй, и третий, и четвёртый — за Белого. Потом появился местный бард Серёга Воркута — несмотря на жару, в свитере, с гитарой, и запел в притихшем зале на мотив «Баксанской»:

Мы с тобой всегда ходили в паре.
Нам с тобою дьявольски везло.
Третий вечер коротаем в баре,
Здесь всегда уютно и тепло.
Мы всегда найдём, за что нам выпить.
Поводов немало и причин.
За Периметр и за город Припять,
И за тех, кто в звании мужчин.

Вспомни, товарищ, всё, что было встарь.
Как мы от мутантов чистили Янтарь,
Как загрохотал твой верный пулемёт,
Как мы шаг за шагом двигались вперёд...

— Слова примитивные, а душу бередают, — сказал Матадор. — Хотя о многом и вспоминать не хочется...

— Субкультура! — сказал Печкин.

...Первая у нас уже разлита.
Приступаем тут же ко второй.
Если кто дойдёт до Монолита —
Это будем точно мы с тобой.
Пожелаем, чтобы после чарки
Нам не снились страшные часы..
Ближе, чем конвойные овчарки,
Стали нам чернобыльские псы.

Вспомни, товарищ — тьма со всех сторон,
Небывалый Выброс, ненадёжный схрон,
Смерть за стеною, смерть над головой,
И собак незрячих леденящий вой...

— Недоскональна песня, — заметил Мыло. — Колы Выбрис, так уси собаки молчать...

— Ну, за Белого, — сказал Киндер. — Хотя, честно говоря, ни хрена мы его не спасли. Но! Помогли ведь завершить операцию? Помогли...

— Кто бы мог подумать, что он такой ушлый, — сказал Матадор. — Он ведь по жизни дитё совершенное...

...В те незабываемые годы
Попадали в клещи мы не раз:
На пригорке — снайперы «Свободы»,
А в низинке — натовский спецназ.
Из любой ловушки уходили,
Выживали непонятно как,
Но всегда по-честному делили
Мы хабар, патроны и табак...

— И це брэхня, — послал критику Мыло.

— Точно, — сказал Матадор и нахмурился, сжав кулаки. — Уж мы делили-делили... делили-делили...

И лицо его в седой щетине на миг сделалось страшным, как у гада.

— Так ведь автор текста, — заступился за неведомого коллегу журналист, — хотел нарисовать образ, так сказать, идеального сталкера...

...Помнишь, как в тумане сгинули враги,
Как на Радаре чуть не выжгло нам мозги,
Как в ночи химера двигалась, скользя?
Помнить неохота, да забыть нельзя...

— А что — Белый в этот бар не ходит? — сказал Печкин.

— Белый как раз именно сюда и ходит, — сказал Матадор. — Только он сейчас, должно быть, кого-то вытаскивает, раз не пришёл. В Зоне ведь и без вольных сталкеров народу хватает!

— Тем более военкеры опять нагнали салажни, — сказал Киндер. — А будут говорить, что контрактники! Но! Разговорился я давеча с одним на Милитари — точно, салага.

— Для генералов как были люди мусором, так и остались, — сказал Матадор. — Давайте за генералов — чтобы побыстрее разжаловали без пенсии!

— То им гирше, ніж смерть, будэ! — поднял стакан Мыло.

...Если же от пули не удастся
Мне уйти, так ты уж не взыщи —
Не оставь мой труп в грязи валяться,
До ближайшей «жарки» дотащи.
Проследи, чтобы сгорел я толком,
Стал золою, малым угольком —
Лишь бы не воскрес поганым снорком,
Не поднялся жалким зомбаком...
Нет, не хочу я помнить ничего.
Рядом шёл товарищ — нет теперь его.
У жизни и у смерти равные права.
Вот и пью один я, а стакана два...

Этот куплет неизменно всех повергал в уныние.

— И шо я тут з вами сиджу? — сказал Мыло. — Сиять пора...

— Кого «сиять», чудо полтавское? — сказал Матадор. — Июнь месяц на носу! Вспомнила бабка свой девичник!

— Вот бы всё лето такое простояло, — сказал Киндер. — Но! Так не бывает, чтобы всё хорошо...

— Да, — сказал Печкин. — Так не бывает...

И глубоко задумался над своей нелегкой судьбой журналиста, которая занесла его, прямо скажем, не в Калифорнию. Но покидать Зону ему отчего-то не хотелось.

— Расслабились мы, господа, разбаловались, — сказал Матадор. Он уже достиг той стадии, при которой от каждой очередной стопки только трезвеют. — Вот, помнится, в моём родном маленьком городе гаишники затеяли кампанию — чтобы водилы пропускали пешеходов на переходах. Да так настойчиво стали проводить её в жизнь, что и вправду человек, ступивший на «зебру», чувствовал себя в безопасности. И что в результате? А то в результате, что начали наши в других городах гибнуть пачками! В Москве-то никто и не подумает пропустить пешего, снесёт прямо на «зебре»! Хотели как лучше, а вышли, естественно, к Херсону...

— Ахтунг, ахтунг! — возгласил незримый вышибала. — Какой-то неизвестный перец идет — то ли гастарбайтер... Что-то он мне не нравится, не хочу я его пускать...

— Дисплей включи! — крикнул кто-то. — Может, свой...

Окон в здании «HURDCHO INN», конечно, не было, их заменяли экраны, а видеокамеры стояли на козырьке над входом. Во время Выброса они втягивались в специальные блоки и там пережидали стихию.

Снаружи уже стало темнеть.

Возле монумента Семяцкого стоял бледный худой человек в восточной одежде — в полосатом халате и плоской шапке-афганке. Борода у бледного была как у бармена Арчибальда, только длиннее.

Незнакомец внимательно осмотрел пустой каменный цоколь (голограмма как раз ушла в паузу), потрогал бронзовые буквы на граните, прищурился, пытаясь прочитать...

Тут прозвучал праздничный аккорд — и возникли на пьедестале вечно живые Семяцкий с кошкой!

Незнакомец отскочил на шаг и жалобно воскликнул:

— Шайтан, шайтан!

— А, это из «Свободы», — сказал сталкер по прозвищу Умная Маша. — Есть там у них такой электронщик — Шайтан. Только у него морда другая, без бороды...

Лицо незнакомца исказилось, он распахнул полы халата, и все собравшиеся в баре «Хардчо» с ужасом увидели, что тощее тело его обвешано трубочками да коробочками...

— Аллах акбар! — завизжал худой и зажмурился.

Страшный удар потряс здание, погасли дисплеи, сталкеры запоздало попадали на пол, причём Серёга Воркута бережно накрыл телом гитару...

Так в Зоне появился и тут же сгинул первый шахид.

Глава девятая

...Русский человек не может всерьёз относиться к злодею, которого зовут шейх Насрулла. Украинец да белорус тоже. Да и поляка таким именем не напугаешь. Засмеются славяне — надо же как родители удружили сыночку!

А вот шейх Абу Зибак — это серьёзнее.

Шейх Абу Зибак и был человек серьёзный. И очень учёный. Он весь Коран знал наизусть.

Но он не только Коран читал. Он был прославленный улем — то есть богослов. И вот этот богослов очень заинтересовался Зоной.

Во-от такую кучу материалов проштудировал Абу Зибак и пришёл к выводу, что Большой Шайтан — это не гнилые Соединённые Штаты разложившейся Америки. Какая там Америка — ткни в неё самолётиком, она и развалится. Ну, двумя самолётиками. Ну, тремя. Десятка-то наверняка хватит!

Настоящий же Большой Шайтан обитает на территории бывшего Советского Союза, в так называемой Зоне, которую неверные собаки нарочно устроили, чтобы смущать умы правоверных.

И зовут этого шайтана — Монолит. И создан сей Монолит нечестивыми гяурами как соперник Чёрного Камня Каабы. И пока гнездится в сердце Зоны это богомерзкое образование, не удастся правоверным учредить Мировой Халифат.

Значит, долг правоверного — уничтожить Монолит, пока не распространил он своё вредоносное влияние на весь белый свет. Потому что ни зомби, ни кровососов явно не удастся обратить в истинную веру. А псевдоплоть так и вообще по происхождению свинья. Сплошной харам.

Но шейх Абу Зибак — это вам не дворник-татарин.

Очень скоро собрались вокруг него верные и преданные ученики, и воодушевились они задачей, возвещённой им Учителем, — проникнуть в Зону, дойти до Монолита, да и отдать свою молодую жизнь в процессе священного джихада. Потом зато гурий будет от пуза.

Нелёгко путь к Монолиту, стерегут его не только слабые люди, но и джинны с ифритами, пусть и зовут их по-другому. Этим тоже надо уничтожать, чтобы расчистить другим шахидам путь к заветной цели...

Как звали того, первого, который оптимизировал монумент возле бара «Хардчо», никто уже не узнает. Как проникали шахиды за Периметр — тоже загадка. Неужели взятки давали неподкупным воинам Украины и России? Быть того не может...

Потом-то к шахидам в Зоне привыкли и даже стали использовать в качестве идеальных отмычек. Вреда от них было не больше, чем от Умной Маши с партизанским миномётом. А польза выходила немалая. Потому что для мученика веры на первом месте стоит Монолит, на втором — ифриты с джиннами, а людишки только на третьем. Можно людишек до поры и потерпеть, не тратить на них взрывчатку.

Джиннами шахиды считали мутантов, ифритами — аномалии, а если неверные ещё и указывают героям, где их искать, — то и большой салам за это неверным.

— Пойдём-ка со мной, Абдулла, — говорил, допустим, сталкер Вирус. — Видишь — между деревьями искорки? Это ифрит, падла. Не пускает тебя к Монолиту. Грохни его, а награда за Аллахом не заржавеет...

Бабах!

После такого взрыва любая «электра» не скоро опомнится, и можно даже большой группой пройти безвредно...

— Мухаммад, а, Мухаммад! — говорил сталкер Грибок, — знаю, где Монолит. Мне сам Большой карту нарисовал. Он в том вон домике хранится. Точняком, зуб даю! Только там джинов как грязи, но ты же всё равно в рай намылился...

Бабах!

И пойдёт сталкер Грибок по своим делам, не оставляя в тылу кучу кровососов...

И так шейх Зибак своё воинство вышколил, что ни один контролёр не смог подчинить ни одного шахида!

— Ахмед, — говорил сталкер Бацилла, почувствовав контролёвское наваждение. — На дальнем пригорочке дядька прячется. Но это не дядька, а жидяра противный. И нам они житья не дают! Даже в Зоне от них не скроешься!

Бабах!

И нет больше подлой твари, и все мутанты, ею подчинённые, разбегаются в ужасе...

Жалко даже становилось этих обманутых ребят, да пусть хоть погибнут с пользой!

...Но всё это было потом, а пока очумевшие сталкеры поднимались с пола, ощупывали себя — всё ли на месте? За компанию ощупывали и Синильгу с Коброй...

Дверь, ведущая из тамбура в бар, выдержала. Она была здорово похожа на люк в подводной лодке. А вот уличную сорвало и вбило внутрь.

— Бедный Колчак, — вздохнул кто-то.

В тамбуре было сплошное крошево из дерева и стекла.

Сталкеры, ругаясь, принялись искать своё оружие, сданное, как положено, бедному Колчаку под запись. Иные жаловались на гнутые стволы...

Крошево под ногами зашевелилось.

— Хрюли бедный, — подал голос вышибала. — Я сразу под стол залёг. Эх, вот бронестекло-то жалко. Как меня не посекло? А вообще тамбур надёжный, такие в банках ставят, я знаю...

— И Семяцкого жалко, — сказал Матадор. — От террористов он ещё не погибал...

— Большой восстановит, — уверенно сказал Киндер.

— Только чтобы он больше не мигал! — Колчак вылез из мусора. — А то хрюли он людей пугает! Чур, я тут сегодня сидеть не буду — передавали по связи, что Выброса надо ждать...

— Вот, уже передавали, правду сказал Батюшка...

— Запритесь получше, — скомандовал из-за стойки Арчибальд. — Требую продолжения банкета. Всё равно ведь придётся тут ночь коротать. Кто не жадный, в номера пойдёт, а прочие могут прямо здесь спальники разложить... Только мы ведь теперь глухие и

слепые, как в подбитом танке. Что там, снаружи, кто там... Колчак, проследи, чтобы не дрались, нынче драка уже перебор...

И понеслось — поскольку беда только что прошла мимо, а как за это не выпить. Галдели неимоверно, сдвигали столы, и Серёга Воркута запел уже не сталкерские, а материковские песни, и Батюшка, не отрываясь от своего увлекательного чтения, голосил псалмы царя Давида, и никто уже никого не слышал, как вдруг снова грянуло — хоть и послабее, чем в прошлый раз.

Это дезертир Юкка-Пекка приподнял стол и грохнул им об пол.

Мигом пала тишина.

— Тотто тферь тутитт! — объявил Юкка-Пекка.

Не зря об его охотничьей чуткости ходили легенды. Тут и все услышали, что воистину кто-то колотит в тяжёлую дверь чем-то не менее тяжёлым.

Притихшие сталкеры — зрелище редкое и жалкое. Все взоры обратились к бармену Арчибальду.

— Ну что, открывать будем? — сказал сталкер Мастдай.

— Это бюреры, — уверенно сказал сталкер Огонёк. — Отцепили нож у бульдозера и лупят... А у меня в баллоне пусто!

Тут все не по-хорошему зыркнули на Батюшку — известного заступника грязных карликов.

— Отнюдь, — сказал Батюшка. — Бюреры подчас разумнее человек, они перед Выбросом не шлятся. Там кто-то из наших. Грех на нас будет, если не откроем...

— Это Ниндзя, я знаю! — воскликнула Кобра.

— А если там химера, то она дверь на раз вынесет, — сказал сталкер Коломбо.

— Не стучат химеры, — сказал сталкер Паганель. — Они политесу не обучены...

Грохот тем временем продолжался — настойчиво, ритмично. Арчибальд в раздумье перекатылся с одного конца стойки на другой, словно мишень «бегущий кабан».

— Колчак, — сказал он наконец. — Отвори.

— Хрюли Колчак, месье, — завыл Колчак.

— Ты у меня вышибала или где?

Не нагибаясь, бармен извлёк из-под крышки стойки дробовик.

Ну, тут уж все неповреждённые стволы как по команде нацелились на дверь. Если бы вошёл кровосос, его бы разнесло на мелкие фрагменты.

В полной тишине вышибала на негнущихся ногах подошёл к сотрясаемой двери, прислонился спиной к стене и одной рукой начал крутить кремальеру.

— Осторожно, там Ниндзя, — уговаривала сталкеров бедная Кобра.

Именно она и бросилась первой в проём, когда дверь приоткрылась.

Бросилась — и разочарованно отпрянула.

Никакой там стоял не Ниндзя и даже вообще не сталкер, а неизвестный дурак в противогазе и в бледно-зелёном резиновом армейском костюме противохимической защиты. От таких здесь даже в 1986-м отказались, потому что от радиации они не спасали.

Ростом противохимический дурак был невелик, ненамного обогнал он того же Киндера, зато плечищи его туго растянули резину. Про таких говорят: «легче перепрыгнуть, чем обойти».

— Это не snork, — предупредил журналиста Печкина Матадор. — Snorkи на четвереньках... Ещё шамальнешь сдуру...

А остальные и без того видели, что не snork.

Тем более что пришелец первым делом стянул капюшон и противогазную маску. Правда, большой разницы не было: глаза круглые, нос сломан и унылый он, как у слоника. А вот взгляд у дурака был совсем не дурацкий — видел, казалось, всё насквозь.

— Почему. Не открыли. Сразу?! — рявкнул он. Именно так — каждое слово отдельно. И точно что рявкнул. Как робот в детском фильме про юных звездопроходцев.

— Ты откуда, член с бугра? — Это Колчак вспомнил, что он всё-таки вышибала в элитном клубе — дресс-код, фэйс-контроль, хрен-перец...

— Сам. Сказал. С бугра. Хрюли. Спрашивать, — продолжал незнакомец всё в том же духе. — Каргин. Всеволод Петрович. Майор милиции в отставке. Преследую. Опасного преступника. Прошу вашего. Содействия. Местного населения.

Хоть и пишется Зона с большой буквы, но и в ней неразумно с порога афишировать свою (хотя бы и прошлую) принадлежность к органам внутренних дел. Аккуратнее надо быть.

Поэтому далеко не все стволы у местного населения опустились.

Отставной майор не обратил внимания, шагами Командора проследовал сквозь невольнo раздавшихся сталкеров и остановился только у стойки. Месье Арчибалд не нашёлся, что сказать, беспомощно указывал пальцем на лицензию в рамочке. Майор повернулся спиной к бармену и обвёл присутствующих тяжёлым взглядом.

— Кто. Здесь старший, — сказал он.

— Старших здесь нет, — сказал Матадор неожиданно севшим голосом. — Мы вольные сталкеры...

— Тогда. Неформальный лидер, — не унимался майор.

Сталкеры удивлённо переглянулись, ища в своей среде неформального лидера. А пуще они удивлялись тому, что ещё не выкинули этого типа за дверь, под Выброс.

— Матадор, спроси его, хрюли ему надо. Ты у нас самый грамотный, по испаниям ездил, — сказал Техас.

— Кабальеро, хрюли тебе надо? — спросил грамотный Матадор.

— Повторяю для дураков. Преследую. Особо опасного преступника. Он ушел сюда. В запретную зону. Вооружён. Снайпер. Киллер международного класса.

— Ты бы лучше шахида словил, дядя, — сказал Матадор. — А то он нам тамбур попортил, Семенского опять же убил...

Но смутить майора было невозможно:

— Террорист. Просочился на охраняемую территорию. По вине. Патруля миротворческого контингента. Виновные. Будут наказаны. Заявление. О теракте. И. О гибели названного вами гражданина. Могу передать. В местную прокуратуру. По возвращении.

При слове «прокуратура» заскучали все.

— Кончай его, Мастдай, — сказал кто-то в толпе — все знали, что за Мастдаем хорошее дело не станет.

— Только не режь, а задави, — уточнила официантка Кобра. — А то мы потом полы не отшоркаем до утра...

Это, конечно, была чисто психическая атака — вольные сталкеры не бандюганы, но надо же как-то поставить этого майора Каргина на место!

— Вы. Не бандюганы, — сказал майор. — Скопом. Не броситесь. Предлагаю любому. Один на один. На руках.

Он выбрал стол, за которым до того пировали Техас и Огонёк, аккуратно переставил тарелки и прочее к соседям и сел, приглашающе выставив согнутую в локте правую руку. Очень среднюю, ничего особенного.

Все взоры снова обратились к Мастдаю.

Мастдай, бывший грузчик с кишинёвского винзавода, обладатель роскошных чёрных кудрей, демонстративно вытащил фирменные метательные ножи и передал своему связчику Паганелю.

— Пальчики ему не сломай, а то визгу будет, — сказал сердобольный Паганель и услужливо подставил Мастдаю стул.

Стул крякнул.

Крякнул и сам Мастдай — когда лапа его тут же влипла в кетчуп, который пролил на столешницу неряха Огонёк.

— Несчитово! — сказал Мастдай. — Я не сгруппировался. Так всегда говорят армрестлеры-дилетанты.

— Вторая попытка, — сказал беспредельный майор.

И вторая, и третья попытка закончились в том же кетчупе.

— Достаточно? — спросил страшный Каргин.

Сталкеры гордо смолчали. Потому что теперь им оставалось только действительно убить майора в отставке.

— Хочу употребить. Спиртные напитки, — потребовал пришелец. — Оплата по карточке. «Сталкербанка».

— А, так ты от Большого, так бы и сказал... — разочаровался Мастдай.

— Я не обращался. К гражданину Пак. Теодору. Аблязизовичу, — сказал майор. — Не было. Необходимости. Ага. Вот. Здоровье. Присутствующих.

Кобра, чувствуя себя виноватой, уже принесла ему на подносе бутылку коньяка, стакан и блюдо с лимоном.

Майор вопреки своему протокольному стилю общения отодвинул стакан, взял бутылку и выполнил известное гимнастическое упражнение «горнист». Потом посмотрел, сколько в бутылке осталось, досадливо хмыкнул и повторил упражнение. На лимон даже и не глянул.

Потом он поставил бутылку на стол и замер. Лицо отставного стало преобразаться таким удивительным образом, что многие подумали — мутант припёрся!

Но нет, наоборот — физиономия пришельца стала приобретать вполне человеческие черты — загорелись глаза, унылый нос принял более задорное положение, на губах показалась улыбка.

— Хорошо, — сказал он. — Мне у вас понравилось.

И все облегчённо вздохнули — человек! Всего только одна бутылка и понадобилась для преобразования!

— Господин майор, — сказал Матадор. — Для чего вы напялили на себя этот зелёный гондон? Право, я шокирован.

— А как бы я иначе. За Периметр прошёл, — сказал Каргин. — Миротворцы. Они увидели. Химзащиту и обмочились. Решили, что Зона их. Травит газом. И попрятались. Я прошёл. Теперь можно снять. Где у вас. Свободное место.

Колчак прикинул и показал на столик Батюшки:

— Вон туда садись. Поп у нас тоже отставной.

Майор всё той же твёрдой походкой проследовал на указанное место и даже спросил у Батюшки:

— Не занято?

Батюшка с сожалением оторвался от текста и сказал:

— Коньяк ты пьёшь. А в бога веруешь?

— Верую в Иисуса Христа. В четырёх евангелистов. И в двенадцать апостолов! Теперь нам можно. И даже нужно. Было распоряжение.

— Тогда садись.

Майор сначала развязал ленты на резиновых чулках, стащил их, потом выпростался из комбинезона. Трико на майоре было мокрышенько и разило потом. Но сегодня ото всех им разило, так что ничего.

Потом у столика с Батюшкой стал собираться народ, желающий глубже познать майорскую сущность.

— Кого же ты ловишь, майор? — сказал сталкер Паганель. — Уж не меня ли?

Каргин пробуровил Паганеля взглядом.

— Знакомая рожа, — сказал он. — Нет. Не тебя, Кулачков. Тебя пусть ловит. Капитан Бурево. Ты за ним. Числишься. Двенадцать угонов. А я в отставке.

— Тогда кого? — настаивал разоблачённый Паганель.

— Я уже. Доложил что. На вашу территорию ушёл. Киллер. Он должен исполнить. Кого-то из ваших.

— А тебе-то какое до него дело? — сказал Матадор. — Мы с такими сами разбираемся.

— Ничего служебного. Чисто личное, — сказал майор. — Дайте ещё коньяку. Давно не употреблял. Хороший коньяк. Утром пойду. За ним. В Зону.

Кобра принесла коньяк и бутерброд с копчёным кабаньим салом. На этот раз майор Каргин причащаться из горла не стал, а поднял стакан и сказал:

— Не хочу. Пить один. Девушка. Обслужите всех. Вот моя кредитка.

Сталкеры сегодня были при деньгах, но волю майора одобрили, только Паганель пробурчал:

— В доверие втирается мусорок...

— А хоть бы и в доверие, — сказал Огонёк. — Вот у тебя с Мастдаем даже на похмель души не допросишься.

Постепенно сталкеры подобрели, обступили стол, чокались с пришельцем, поднимали положенные тосты.

Наконец Матадор сказал:

— Майор, ты, как я понял, впервые в Зоне?

— Так точно, — сказал Каргин.

— А киллер твой — тоже впервые?

— Так точно, — сказал Каргин.

— Ну так и не ходи никуда, — сказал Матадор. — Скоро будет Выброс и снайпера этого поджарит. Да и не было бы Выброса, всё равно он не жилец. Наверное, нет уже твоего снайпера. Кто-нибудь его съел.

— Он опытный, — сказал майор. — Спецназ. Школа выживания.

Сталкеры захохотали.

— Не понял, — сказал Каргин.

— Это Зона, — сказал Матадор, и все остальные повторили чуть ли не хором:

— Это Зо-она!

— Хрюли ли ему Зона, — сказал майор. — Если он боится, только меня.

Сталкеры на этот раз не рассмеялись, а только вежливенько похихикали.

— Я его дважды. Ловил. Приказывали отпустить. С понтом он внедрённый. А теперь не прикажут. Некому. Исполнил он. Своё начальство.

— А сам-то ты как думаешь выжить? — сказал Матадор. — Наймёшь проводника?

— Никак нет, — сказал майор. — Только он и я. Дело чести.

— Тогда ты точно покойник, — сказал Мастдай. — Давай я пойду тебя прикрывать!

— Не могу. Подставлять посторонних, — сказал Каргин. — Нужно упредить.

— Чем он тебе так насолил? — сказал Матадор. — Ну, киллер. Ну, снайпер. Киллеры только по шишкам стреляют, которые профессионалы. Шлёпнет он генерала — людям праздник... Зачем ему простой сталкер?

— Профессионал, — сказал майор. — Но с приветом. Он в перерывах. Между заказами стреляет. В посторонних людей. Чтобы не терять форму. Особенно любит. Кто утром бежит трусцой. Просто так. Спорт. Хобби.

— Я слышал о таком, — сказал Печкин. — В Москве. Он убил художника Левенталья, крепкий был старик, ещё в бульдозерной выставке участвовал...

— Он в детей стрелял, — сказал майор. — Он двух моих лейтенантов положил. При задержании. Тоже почти дети. Ему не надо жить...

— Чудак, да он уже давно не живёт! Только сам дурную голову сложишь! — сказал Паганель. — Жалко, хоть ты и мусорок.

Майор Каргин не оскорбился и наполнил стакан.

— Товарищи сталкеры, — сказал он. — Выпьем. За то, чтобы завтра. Его поганая башка. Вот тут лежала!

И хлопнул по столу ладонью так, что Батюшка, который вовсе не прислушивался к разговорам, от неожиданности закрыл лицо своей книгой.

Это был роман «Жюстина» маркиза де Сада.

Глава десятая

Радионуклидов вымыли в эту ночь столько, что хватило бы на небольшой ядерный заряд ранцевого типа. Выброс благополучно все проспали, разве что месье Арчибальд оставался на своём посту, да кто ж его проверял?

Ночью журналист Печкин всё-таки нашел в себе силы подняться в номер, а вот раздеться — не нашёл. Поэтому всё тело затекло, и по мозгам тоже бегали мурашки.

— Никуда сегодня не пойду, — сказал он вслух. — Активированный день. С бодуна в жару — верный кондрат.

В глазах всё туманилось и плыло.

— Не умеешь ты, сынок, время ценить, — неожиданно бодрым был голос у Матадора, лежавшего на другой кровати. — После Выброса непременно надо идти в рейд, чтобы другие не опередили. Артефакты после Выброса — они как грибы после дождя... Эх!

Матадор вскочил с постели, как молодой, и пронёс костлявое своё тело в санузел, добавив:

— Потерпишь, фрилансер!

— Вот Фрилансером бы и прозвали! — крикнул вслед журналист. — А то Печкин, Печкин...

Он сел в кресло, обхватил голову руками и начал страдать, вспоминая, как закончилось вчерашнее веселье. Страдал он до тех пор, пока не вышел в комнату Матадор, крикая и растирая лечи полотенцем.

— Ты вчера решил снять Синильгу, — весело сказал он. — Хотя месье Арчибальд предупредил тебя, что у него не бордель, а если и бордель, то по пятницам, когда девочки приезжают. И ты даже просил меня пойти погулять. Я говорю — ну конечно, для сердечного друга и под Выбросом прогуляешься! Только Синильга с тобой не пошла, а достала баллончик с перцем...

— Ну и? — умоляюще сказал Печкин.

— Баллончик ты у неё отобрал, — сказал Матадор. — Но тут нарисовался наш доблестный майор...

— А-а! — вскричал Печкин. — Значит, это он меня по голове...

— Нет, — сказал Матадор. — Если бы это он тебя по голове, сейчас толковал бы ты с апостолом Петром, в лучшем случае — Пилюлькиным, он как раз дежурил на больничке, ибо в бар медикус не явился. Но не тронул тебя майор, а взял Синильгу под локоток и очень так деликатно повёл наверх...

— Какой позор, — простонал журналист. — Я ей, наверное, фотосессию в «Космополитэн» обещал...

— Не без этого, — кивнул Матадор. — Но Синильга — девушка гордая, салажнёй брезгует... Почему ты ещё сидишь? Умываться, жрать — и в дорогу! Сталкер должен покорять Зону в любом состоянии!

— Сам же говорил — не ходи в Зону с бодуна...

Печкин застонал, встал и пошёл умываться...

...Когда они с Матадором спустились вниз, оказалось, что в зале вовсю ещё спят на полу человек десять, Батюшка продолжает чтение, а месье Арчибальд собственноручно протирает стопки. Да ещё из тамбура доносились удары и звяканье — должно быть, Колчак пытался как-то облагородить своё рабочее место, а технарь Марконя налаживал связь.

— Мы что — первые? — сказал Матадор.

— Нет, — сказал бармен. — Майор уже давно ушёл по своим делам. И как-то без него мне спокойнее, хоть он и платит...

— Как — ушёл? Без снаряги, без ПДА и прочего? — воскликнул Матадор.

— А он всё равно не умеет с ними обращаться, — сказал Арчибальд. — Он и резину свою оставил, аккуратно так упаковал и оставил... А из оружия, наверное, один «макар» — именной, за безупречную службу...

— Что же ты его не остановил? — сказал Печкин, хоть и стал ему Каргин удачливым соперником.

— Да мы со святым отцом ему говорили... Батюшка оторвался от «Жюстины» и молвил:

— Что приборы! Тлен! Я его исповедовал, причастил, благословил на ратный подвиг. Вот ещё иконку дал ему — Никола скоровспомогательный...

— Правильно тебя из попов выгнали! — рявкнул Матадор. — Иконку... Садист проклятый!

Сталкеры начали вылезать из спальников, прислушались...

— Ну, майор зажгёт! — сказал Мастдай. — Где будем теперь кости его искать?

— Он же ничего тут не знает, — сказал Паганель.

— Может, он вчера кому что сказал? — спросил Матадор.

— Не знает он тут ничего, — повторил Паганель.

— Синильга! — осенило Техаса.

— Ага, — сказал Матадор. — В минуту полной откровенности...

Техаса и послали за официанткой в служебный номер.

Она появилась в новом французском халатике, и сопровождал девушку сияющий Киндер.

В ответ на расспросы Синильга сказала:

— Не откровенничал ваш майор со мной.

— Правильно, — сказал Огонёк. — К чему слова, когда так страстны взоры?

— Дурак, — сказала Синильга. — Он только про моральный облик говорил. Как честный мент. Насрамил, довёл до служебки — и всё...

Печкин старался не смотреть на красавицу, да и на Киндера — вот же хоббит недорезанный! Без фотосессии обошёлся!

Довольно быстро в зале собрались все вчерашние участники гульбы, кроме Серёги Воркуты — он человек ночной, творческий, ему в Зону не надо. Сталкеры жарко спорили об отчаянном майоре Каргине, о том, где его искать да как выручить, если ещё живой, покуда не охладил их Огонёк:

— А чего это вы паритесь? Он нам кто? Он нам мент...

И сталкеры устыдились — люди всегда почему-то стыдятся тех редких минут, когда бывают людьми по-настоящему...

— Он Нам Мент, — повторил Матадор. — Хорошее вьетнамское имя... Может, хоть Белый на него набредёт? Так, от фонаря, случайно, в порядке бреда...

— Ага, — сказала Синильга. — Каждый за себя, один Белый за всех...

И вдруг заплакала.

Тут зашумела дверь, и выглянул бдительный Колчак:

— Белый идёт со своим грузовиком. Оба пустые.

Со времён своего первого выхода Печкин больше не сталкивался с Белым и даже лица его не запомнил.

...На спасателе был такой же белый грязный комбез в кровавых пятнах, как тот, в который упаковал он бесчувственного Пекинеса в незабываемый день журналистского дебюта.

Да, пожалуй, и не мог Печкин запомнить его лицо — какое-то оно было... никакое. Лицо и лицо. Такие только тайным агентам носить.

А вот Топтыгина не узнать было невозможно, хоть и стало дитя тайги отпускать бороду, несмотря на жару.

— Всем привет, — сказал Белый. — Алла Мефодьевна, скажите, пожалуйста, Евдокии Викторовне, что Анатолий Петрович жив, хотя и ранен...

Синильга всплеснула руками и побежала вверх — обрадовать Кобру. Или огорчить. Но скорее обрадовать, потому что дело-то было в Зоне, где ранение приравнивается к везению!

Все вопросительно воззрились на Белого.

— В присутствии дамы неприлично пользоваться кличками, — сказал Белый.

И голос-то у него был бесцветный...

— Да мы не к тому, — сказал Техас. — Что там с Ниндзей?

— Мы с господином Топтыгиным нашли Ниндзю и ещё двоих, судя по всему, мародёров, на тропе, ведущей к Михалёвке, — сказал Белый. — Все трое подранены, именно подранены, все попадания — в ноги. По моему мнению, развлекался снайпер. Выяснять подробности было некогда — они и так потеряли много крови. Пришлось нести их до армейского госпиталя, он всё-таки поближе. Там дежурил какой-то незнакомый врач. Поначалу он не хотел принимать пострадавших, но я заявил, что не вынесу больше ни одного военсталкера, хоть и покривил при этом душой... Ногу Ниндзе спасут, двум другим не обещали...

— Правильно, — сказал Мастдай. — Пусть попрыгают мародёры. Хрюли вы этих козлов вытаскивали...

— Этот вопрос я вообще не хотел бы обсуждать, — сказал Белый. — Даже господин Топтыгин больше не спрашивает меня об этом.

— Так вояки их, поди, уже расстреляли, — мечтательно сказал Мастдай. Когда-то его, зелёного совсем, обчистили на Свалке и отобрали редкостную находку — «дедушкин ключик». Новичкам счастье, но недолго оно длилось...

— А этот вопрос и подавно вне моей компетенции, — сказал Белый.

Тут с лестницы ураганом скатилась Кобра, расцеловала на ходу Белого, легко, словно калитку, распахнула тяжёлую дверь и выскочила наружу — ловить какой-нибудь армейский транспорт до госпиталя. После Выброса движение в Зоне обычно оживлялось.

— Любовь, — презрительно сказал Огонёк. — До первого гроба...

— Помолчи, а? — сказал Техас. — Налегке девчонка помчалась, не пострадала бы...

— Силикон от радиации хорошо защищает, — сказал Огонёк.

— А у вас, я вижу, была вечеринка? — спросил Белый.

— Я тебя умоляю, — сказал Матадор. — Не произноси это гнусное слово. Есть хорошее русское понятие — пьянка. Она же гулянка.

— Господин Матадор прав, — сказал Печкин. — Омерзительное слово. В нём столько скрытого ханжества. И английское «пати» тоже не лучше...

Белый посмотрел на него с интересом:

— Неприязнь к английскому языку в московском журналисте весьма странна, господин Печкин...

— Так я и к гондонам неприязненно отношусь, — сказал Печкин. — А пользоваться приходится...

— Это должно быть смешно, — сказал Белый. — Но всё-таки — что у вас произошло? Привратник пытался мне что-то объяснить...

Тут все наперебой стали докладывать Белому про чудного майора, и все мешали друг другу.

Тем временем Топтыгин приблизился к Арчибальду и с грохотом водрузил на стойку свою медную посудину.

— Отец! — воскликнул он. — Дивья чайку-да скипятить!

И достал из-за пазухи пучок сухой травы.

— Убери эту гадость! — закричал месье Арчибальд. — В Зоне любая травинка — яд!

— Это не в Зоне, — добродушно сказал великан. — Это маманя насбирила на Усть-Курумке, ещё летось, пока закомолденька бывала...

— Всё-таки надо было тебя повесить за связь с бандитами! — сказал бармен, но заварку принял.

— Дорогой месье Арчибальд, — сказал Белый. — Кто старое помянет...

— Кстати, — сказал бармен. — В полдень обещал прийти Болотный Доктор за своими лекарствами... Вот бы и повидались!

— Не получится, — сказал Белый. — Сегодня опять не получится. Знаете, мы с ним как два поезда, которые вышли навстречу друг другу из пунктов А и Б, но не встретились. А почему? Потому что не судьба... Но куда же мог пойти ваш майор? Месье Арчибальд, вы точно не дали ему ПДА и наладонник? Или опять — «кредит здоровью вредит»?

— Как можно, — сказал бармен. — Кредитка у него в порядке. Только он сам отказался. Сказал, старого пса новым трюкам не научишь...

— Где же его теперь искать? — сказал Белый.

— Так он сам ищет своего снайпера, — сказал Мастдай. — А нашёл наверняка парочку кровососов. Или больше. Потому что любого зомбака он на куски разорвёт... А пожалуй, и псевдогиганта...

Крепко зауважал молдавский грузчик своего соперника.

— Думайте, господа сталкеры, думайте, — сказал Белый. — Нельзя вот так просто отдавать человека Зоне. И не надо мне напоминать, что у нас тут не институт благородных девиц. Время от времени необходимо становиться людьми... Убедительно прошу всех достать эти чёртовы коробочки и попробовать связаться со своими знакомцами — может, кто-нибудь что-нибудь видел...

И загудело, загомонило в зале пчелиным роем. Сталкеры неуклюжими пальцами набивали на клавиатурах свои вопросы.

— Стоп! — сказал вдруг Паганель. При других обстоятельствах никто бы к нему, вечному неудачнику, не прислушался, но сейчас был особый случай. — Джамайка сообщает. У Михалёвки подстрелили Гудвина. Тоже в ногу. Гудвин орёт, а через овраг подойти нельзя, там аномалий полно... И со стороны деревни нельзя, сразу у гада на прицеле окажешься...

— Известная тактика, — сказал Печкин. — Одного подранил — и отщёлкивай сердобольных товарищей... Видел я на Кавказе такие штучки...

— Братцы, братцы, — сказал Матадор. — Как же этот киллер Выброс пережил?

— Значит, не такой уж он новичок, — сказал Мастдай. — Есть одно надёжное местечко в окрестностях Михалёвки. И говорит мне чуйка, что это кто-то из на... то есть из здешних. Явно не новичок. Мало ли что майор сказал...

Все сразу стали предлагать возможные кандидатуры на роль окаянного снайпера. Дискуссию прекратил Матадор.

— Время, — сказал он. — Вот оптимизируем гада — и узнаем.

— Понятно, — сказал Белый. — Вот, значит, почему... Хорошо, что Ниндзя и остальные догадались отползти... Господин Топтыгин! Вы поняли?

— Ну, — сказал Топтыгин. — Не въём ему там было нас стрелить...

Он уже бросил траву в кипятик и теперь тихонько тряс медный свой сосуд — видно, надеялся, что так быстрее заварится.

— Тогда вперёд, — скомандовал Белый. — Никому за нами не ходить. Если не вернёмся... Вернёмся! Старик Станиславский никогда ещё не подводил... Ждите!

— Белый, ты у нас один, — напомнил Матадор.

— Вот именно, — сказал Белый.

Топтыгин со вздохом распрощался с мечтой о чае, только пригрозил бармену:

— Мотри! Не закасти мне посудину-да — чибышок отрежу!

И даже показал маленький ножик с полукруглым лезвием — вот она какая, оказывается, бриткая палемка!

И через миг не было уже в баре «Хардчо» ни Белого, ни его Путника.

Месье Арчибальд остался в недоумении, а на чайник поглядел с ужасом — действительно, не закастить бы его!

— Они что — всегда так у вас ходят? — вымолвил Печкин.

— Как — так? — сказал Матадор. — Без оружия, без припасов?

— Иногда и без связи, — сказал Матадор. — Белый говорит: я сам найду, кого надо...

— На то Билый, — сказал Мыло. — Вин и осилка svojого приучив... Кажет: груз-триста и так важкий! Воны и без приладив хустко по Зони мандрують...

Сталкеры разбрелись по столам — поправляться. Как-то не хотелось расходиться по своим намеченным на сегодня маршрутам, душа не лежала...

Хотя и веселья никакого не было.

— Билый казав — чекаты, то и будэмо чекаты! — подвёл итог всему Мыло. — Бо есть ричи поважнее цих клятых артефактив...

Но коньяк в горло не лез, а кусок — и подавно.

— Мне хватит, — сказал Печкин. — Скажи, Матадор, а Белый — это действительно так важно?

— Пока сам не узнаешь, не поймёшь, — сказал седой сталкер. — Это... Это как надежда на бессмертие души. Это, может быть, самая главная загадка Зоны... До него всё было так, знаешь...

Он попытался найти слова, но только рукой махнул.

— Болотный Доктор спасает наши тела, а Белый — души! — важно сказал Киндер.

— А чего ты тогда к Синильге лезешь, спасённая душа? — сказал Матадор.

Маленький сталкер смутился.

— Так Белый же с ней всё равно не спит, — сказал он и густо покраснел.

— Да, Киндер, — сказал Матадор. — Тебе ещё расти да расти. Это про тебя сказано: худое дерево в сучок идёт...

Киндер тут же, не поднимаясь, коротко ударил Матадора в подбородок.

И понеслось.

Сталкерам в такие томительные минуты непременно требуется разрядка. Мигом припомнились старые обиды...

Юкка-Пекка схватился с Мегабайтом и тут же получил в ухо от Огонька; Техасу не полюбили Мыло; Дисбат колотил Мюллера головой о столешницу, пока его не пнул сзади Идол, волк-одиночка; Дуче защищался стулом от Маугли и Коломбо; Умную Машу, Халдея и Коммуниста били все — должно быть, за меткость; дошла очередь и до Печкина...

Да, порой и хохливудским лентам случалось правду сказать...

— А мы-то с тобой чего сидим? — спросил журналиста Мастдай и вытащил беднягу из-за стола. — Люди-то все добрые делом заняты!

И отправил Печкина в полёт — сокрушать стол одинокого Батюшки. Батюшка не стал поднимать слетевшие очки, но очень сильно толкнул столичного гуся обратно к Мастдаю.

Потом поп-расстрига спас очки из-под печкинского берца, поднял свою нечестивую инкунабулу.

— Варвары, — сказал Батюшка. — Прижизненное издание! С автографом и маргиналиями маркиза! Иллюстрации Гюстава Доре!

Врёт, собака, не может такого быть, подумал Печкин и, ловко уйдя от мастдаевской плюхи, тырцнул обидчика в солнечное сплетение...

Месье Арчибальд наблюдал побоище с привычным ужасом. Вышибала Колчак недвижно стоял у двери, сложив руки на груди, словно демон какой, — ведь все финки да кинжалы бойцов лежали у него в особом ящике под замком.

Синильга убежала на лестницу — оттуда было лучше видно.

Наконец бармену надоело.

Грянул выстрел. На такой случай у месье Арчибальда имелись холостые заряды.

Драка стихла, только Матадор всё никак не мог решить, в какой угол бросить Киндера.

— Расслабились — и хватит! — прозвучал одинокий голос бармена. — Матадор, оставь ребёнка!

— Не нато трраттъя, — сказал Юкка-Пекка. — Отни турраки терруттъя...

— Об чём колотились-то? — спросил Колчак.

— Да так... Каждый о своём... — отвечали сталкеры. — Для аппетита!

Аппетит действительно проснулся у всех, даже у тех, кто лишился зуба-другого.

— Спасибо. — Мастдай улыбнулся Печкину.

— Это ещё за что? — сказал журналист.

— За то, что по яйцам не пнул, — сказал Мастдай. — А то я как раз открылся...

— Лышенько мени, — сообщил Мыло. — Голова як та чугуняка... Колысь попадётся мне Техас у поли без пыли...

— В следующий раз следи за базаром, — сказал Киндер Матадору.

— Да, реакция у меня уже не та, — грустно сознался Матадор. — А Синильгу ты всё-таки оставь!

— Да я же с Галкой, — оправдался Киндер. — А Синильга... Скучно ей тут... Извини, отец, не рассчитал. Но! Мировую пить будем?

— Будем! — пылко сказал Матадор.

Печкину уже приходилось здесь участвовать в драках, но только один на один. Пока ему везло...

— Ахтунг! — заорал Колчак. — Мазафаку черти несут!

— Не пускай! — крикнул Огонёк. — Мазафаку встретить — к несчастью!

Мазафака относился к особой категории обитателей Зоны — шаманам. Шаманами называли тех, кто шлялся по запустошённой чернобыльской земле без каких-то серьёзных намерений. Шаманы не участвовали в перестрелках, чужали аномалии без всяких приборов, как-то ладили с монстрами, иногда могли дать сталкеру добрый совет. Или недобрый, по настроению. Или вылечить. Или завести в ловушку. Но людей они, в общем, чурались. Так, толкнув иногда артефакт-другой для поддержания скромных своих запросов...

Мазафака был не простой шаман. Юродивый, можно сказать. Потому что он-то с людьми общался довольно активно — разносил местные слухи и сплетни, щедро дополняя их собственными бредовыми придумками, и отсеять зёрна от плевел было довольно затруднительно...

— Пусти, — властно сказал Матадор. — Нынче нам нужна информация.

— Ребята, — растерянно сказала прекрасная Синильга. — А у нас в подсобке дезодорант как раз кончился...

— Мазафака, стой где стоишь! — дружно замахали руками сталкеры, а Колчак даже покинул свой пост.

Торс шамана был облечён в драную-передраную косуху, которую юродивый в прошлом году снял с простреленного тела дурака-байкера, на спор прорывавшегося в Зону. А с кого он снял штаны, лучше и не представлять. Сроду Мазафака не мылся и даже не умывался; а если и умывался, то какой-нибудь росой из серной кислоты. Или, пожалуй, плавиковой, потому что очень уж походил на зомби.

— Идут, идут! — заголосил шаман высоким детским голоском. — Их много! Их ровно два миллиона семьсот тысяч сто девяносто пять!

Безумцы питают страсть к большим числам.

— Мы слушаем тебя, о мудрейший! — сказал Матадор. — Кто идёт, перечисли поимённо!

И сам испугался неуместной шутки: вдруг юрод и вправду начнёт перечислять до конца недели? Но обошлось.

— Китайцы, — сообщил Мазафака. — Ровно два миллиона...

— Пропусти, — сказал Матадор. — Где идут? Ты сам видел?

— Сам, — закивал шаман. — На блокпосту в Чапаевке.

— Много их?

— Пока всего один, — сознался Мазафака. — Только где один китаец, там и два миллиона семьсот...

— Не надо! — закричал Матадор. — Зачем он пришёл?

— Строить, — сказал Мазафака.

— Что строить? Он гастарбайтер?

— Он да, он работать пришёл... Ходит, меряет всё, в трубку глядит... Мазафака ему теодолит носил! — похвастался шаман.

— И что же он будет строить? — сказал Матадор. Остальные в разговор не лезли, потому что Матадору шаман доверял — наверное, из-за возраста. — Стену будет строить, — гордо сказал юрод. — По Периметру. Великую Чернобыльскую Стену. Высокую — до неба! И широкую — чтобы двум танкам разъехаться!

— Стену? — сказал Матадор. — Это круто. Молодец, шаман, что предупредил нас. А Белого с Топтыгиным ты по дороге не видел?

— Белый ищет, — сказал Мазафака. — А когда найдёт — тут-то всё и кончится...

— Что же он ищет?

— «Сердце ангела», — сказал Мазафака.

Сталкеры загудели. Артефакта с таким названием никто из них не видел, зато каждый знал: найди его — и больше не будет тебе нужды топтать Зону...

— «Сердце ангела» любой ищет, — сказал седой сталкер. — Хоть и не занесено оно в «Энциклопедию артефактов». Но ты же знаешь, что Белый хабаром не интересуется. Он его в руки не берёт и даже глядеть не хочет...

— И правильно делает, — добавил Батюшка.

— Не встревай, религия, — сказал Матадор. — Так что неправдычка твоя, шаман, обманываешь ты народ!

Мазафака не смутился.

— Он сам пока не знает, чего ищет. Но «сердце» и само его ищет. И когда они встретятся...

— Что будет?

— А то и будет, что ничего больше не будет, — сказал шаман. — Дяденька Арчибальд! Я гостинец тебе принёс; дай же и ты мне гостинец!

И сделал шаг вперёд.

Бесстрашные бродяги Зоны раздались по сторонам, отворачиваясь и стараясь дышать ртом.

А когда Мазафака достал откуда-то из глубины страшных своих штанов «гостинец», закричали:

— Осторожно! Бережно неси!

Потому что оказался шаманский дар «сучьей погремушкой». С виду она похожа на примятую банку из-под тушёнки, профан и не взглянет. Но если её слегка ударить...

Вот когда в квартире через стенку слышатся стук молотка, визг «болгарки» и трели электродрели, каждый скажет, что соседи затеяли евроремонт. Поворчит и будет ждать, когда звуки стихнут. Потому что завтра, может, самому придётся докучать окружающим.

При действии «погремушки» кажется, что евроремонт затеяли все соседи сразу. И шум не прекратится после 23 часов, как велит закон. Не уймётся сучий артефакт и завтра, и послезавтра — смотря какой величины.

Такого, как у шамана, может и на месяц хватить.

«Погремушки» пользовались на Материке повышенным спросом. Хотите отомстить своему врагу? Сходите к нему в гости и спрячьте перед уходом ложную банку, скажем, в ящик с инструментом. Да ещё гвоздей туда насыпьте, чтобы вражина не догадался. Правда, при этом пострадает весь дом, и чем больше здание, тем сильнее звуки. Но вам-то какое дело!

Через месяц ад закончится, но враг уже полностью деморализован, а может, и вовсе помер. Потому что никакие экстрасенсы не помогут. Не заглядывают они в «Энциклопедию артефактов».

Ну, у риэлтеров и военных свои резоны — парализовать работу неприятельского штаба, разогнать родной парламент, выкурить упрямых жильцов из старого дома ради точечной застройки...

К счастью, «погремушка» встречается редко и мало кому по карману...

...Мазафака торжественно протянул свой дар бармену. Месье Арчибальд сначала надел нитяные перчатки, потом достал специальный контейнер, наполнил его стекловатой и щипцами принял опасную псевдобанку. Контейнер он закрыл на цифровой замок и опустил куда-то под стойку.

Все с облегчением вздохнули.

Синильга вынесла из кухни коробку из-под торта — уж наверное, было в ней много вкусных вещей. Официантка подходить к Шаману не стала, а сунула коробку в руки Киндеру и кивнула — Передай, мол.

Киндер, страдая и фыркая, передал, а злоязычный Матадор заметил:

— Вот Белого она так не гоняет!

— Мир этому бару, пойдём в другую хибару! — сказал шаман, развернулся, подняв духовитую волну, и проследовал мимо Колчака на выход.

— Много ты у него узнал? — вызверился Огонёк на Матадора. — Люди сидели, кушали, никого не трогали...

Люди сидели, кушали и никого не трогали еще час, два, три...

Наскоро обсудили принесённую кем-то печальную новость с Материка. Уважаемый всеми сталкер Должок, будучи в столице по делам, решил прогуляться вдоль Старого Арбата. У какого-то кафе стоял, на горе себе, мужичок, наряженный не то цыплёнком, не то уткой по-пекински. А Должок спяну вообразил, что это детёныш псевдогиганта и монстры уже добрались до Москвы. Хорошо ещё, что у Должка не было ствола при себе — увезли сталкера в психушку с белой горячкой...

Посмеялись, хотя ничего смешного не было.

Наконец Техас сказал:

— Всё, бродяги, жданки съедены.

Печкин обрадовался, потому что сидеть и ждать было ему совестно, а голос у него пока был совещательный...

— Господа сталкеры, — сказал он. — Да как же вы не поняли, что снайпер как раз Белого и стережёт? Кто в Зоне первый приходит на помощь, вы же сами мне говорили — Белый... Кто белый комбез носит?

— Ну, в белом-то комбезе и Пекинесу щеголять пришлось, — сказал Матадор. — А ты, пожалуй, прав, коллега...

— Так ведь Билый вже там був, — сказал Мыло.

— Неужели они через балку прошли? — сказал Мастдай. — Я там сидел-сидел на краешке, когда меня патрули гоняли, а спуститься не посмел, пусть лучше бы сразу пристрелили...

— И как? — сказал Огонёк. — Пристрелили?

— Нет, — совершенно серьёзно ответил грузчик. — Они к балке даже близко не подошли.

— Тогда в путь, — сказал Матадор. — Сбор через десять минут. Мы не такие продвинутые, чтобы налегке выходить...

Те, кто ночевал в номерах, побежали за снаряжением наверх, прочие скатывали спальные, проверяли оружие...

Даже Батюшка отложил книжку, засобиравшись, приговаривая при этом:

— Иисусе, одежда веселия, одеяй мя, тленного! Иисусе, покрове радости, покрой мя, недостойного! Иисусе, источник разума, напой мя, жаждущего...

Никто над ним не подтрунивал.

Глава одиннадцатая

...Пройдёт много лет, и журналист Дэн Майский-Печкин вспомнит тот день, когда он стоял у выщербленной пулями кирпичной стены в ожидании неминуемой смерти.

...Обстановка за стенами бара изменилась. Солнце скрылось за привычными тучами, тучи нависали сверху и опускались всё ниже, словно кто-то заворачивал над головами людей невидимый пресс. Дождя, правда, ещё не было.

— Вот и кончилось короткое зональное лето, — сказал Коломбо. — Добро пожаловать в Вечную Осень!

— Недолго музыка играла, — вздохнул Паганель.

Последним выходил Батюшка, решивший, видно, приободрить товарищей:

— Утро ныне мудро: птицам на разлёт, добрым молодцам на расход...

И осёкся, увидев окаянную тяжёлую хмарь.

— А как бы добрым молодцам не в расход, — сказал Матадор. — Вы уж будьте поосторожнее. Говорил же — не стоит расслабляться...

Седой гусар подходил к каждому, объяснял, куда идти и что делать, сверял карты и часы. Потому что в Зоне строем не ходят даже военные сталкеры.

— Снайпер может залечь или тут, или тут, или на водонапорной башне, что вряд ли. Наверняка там кто-то нехороший уже обитает. Так, разобрались по группам. Одиночки, ищите временного связчика, не тот случай, чтобы по одному шляться...

— На хрен мне связчик? — взвился Идол, паренёк весьма истеричный и конфликтный. Удивительно, что в Зоне он ходил уже довольно долго.

— Всё-таки я иногда жалею, что мы не военкеры, — сказал Матадор. — Там не уговаривают. Пойдёшь с Коломбо — он такой же отлудник, зато стреляет хорошо... Печкин, с кем свяжешься — с Киндером или с Мастдаем? Паганель пойдёт с нами, есть для него дело...

— Да я с тобой привык и с Мылом, — сказал Печкин.

— Отвыкай! — сказал Матадор. — Ты уже большой... Кстати о Большом: Киндер, что слышно от твоего шефа?

— Ничего не слышно, — сказал Киндер. — Нету его нигде — ни в офисе, ни в Москве. Секретарша говорит, он где-то с генералами перетирает. Твердолаптева-то сняли, а новая метла собралась чисто мести...

— Плохо, — сказал Матадор. — Как бы опять нам с сапогами не схлестнуться... Вот же не вовремя!

— Я лучше с Мастдаем пойду, — сказал Печкин. — Он вон какой здоровый!

— Ладно, — сказал Матадор. — Значит, Киндер безработный снова с нами... Слушайся Мастдая, как меня, и даже лучше, потому что у него плюха тяжелее...

— Да уж знаю, — сказал Печкин.

— По уму, нам бы лучше отсидеться, — сказал Матадор. — Но это будет не по совести. Нарушил этот гадский снайпер всё наше хрупкое равновесие — кто стрелял? Чей стрелок? Ах, не ваш? Не выдумывайте про какого-то майора... Дуче, «долговцы» в курсе?

— В курсе-то в курсе, — сказал мордастый Дуче. — Но все равно грешат на «Свободу»... Да ещё какая-то комиссия из «Гринписа» примчалась на базу миротворцев. Расследовать, кто бедных мутантов газами травит...

— Удружил майор, — сказал Матадор. — Незаметно просочился через Периметр... Видите, бродяги, как всё смешалось в доме Облонских?

— Это которые Облонские? — встрепнулся миномётчик Умная Маша. — Это которые на хуторе Хвойная Поляна каннибализмом занимаются? Я бы им всё в доме перемешал... Дал бы бог прицелиться...

— Э, нет! — вскричал Матадор. — Партизанщину свою не берите! Хватит с нас вашего дружественного огня...

— Ладно, — сказал Умная Маша. — А я-то думал: забомбим балочку и проскочим... Была бы честь предложена...

— Ну, голова он у вас, — сказал Печкин, когда вожак миномётчиков поволок опорную плиту Колчаку на сохранение. — Как он с такой головой по Зоне ходит?

— Не у вас, а у нас, — сказал Матадор. — Привыкай. А ходит он в Зоне получше меня. Он любую «воронку» или «карусель» обойдёт без всяких гаечек. Как бы в компенсацию за умственное калечество...

Наконец разобрались, Батюшка перекрестил каждого персонально — и разошлись группы по разным намеченным маршрутам к одной Михалёвке. В Зоне прямых путей не бывает.

Печкин пошёл с Мастдаем не потому, что всерьёз обиделся на Киндера. Просто захотел усложнить себе жизнь. Надо с любым человеком уметь наладить отношения.

— До насыпи дойдём свободно, — учил Мастдай по дороге. — Не пялься на тех из наших, кто в зоне видимости. Перед насыпью остановимся...

Насыпь была свежая, как будто Его Величество Выброс взял и смял равнину громадными ручищами... Как будто игрок воспользовался редактором карт и поменял рельеф местности.

— Вот, смотри на ПДА, — сказал Мастдай. — Да не в этом режиме! Вы что, с Матадором и хохлом только водку жрали? На насыпи вроде ничего нет, зато за ней схарчит нас «вороночка»... Что значит не видно? Я сказал — есть, значит — есть. Поэтому Пройдём влево метров пятьдесят...

— С большим походом будет, — сказал Печкин, желая продемонстрировать, что он не только водку жрал со своими наставниками. — Двадцати бы хватило...

— Поход костей не ломит, — сказал Мастдай. — Топай.

За насыпью местность была открытая и пустая, только лежал полузакопанный грейдер.

— Ну вот, а ты говорил, — сказал Мастдай. — Техники всегда бойся! Там сидит штука посильнее «вороночки», и мы бы в неё прямёхонько скатились...

— Неуютно здесь как-то, — сказал Печкин. — Один как на ладони, все пули в одного...

— В Зоне уютно не бывает, — сказал Мастдай. — Но такие места я особенно не перевариваю. Поэтому постараемся проскочить как можно скорее... Не бегом!

— Вообще-то у меня ПДА прямо в шлеме, картинка перед глазами, — сказал Печкин.

Его дорогостоящая снаряга пообтрепалась, но служила исправно. Только вместо капризной швейцарской ружбайки Матадор вручил ему удобный «абакан», добавив при этом:

— Не выёживайтесь с вашим Шнитке, Иван Петрович, слушайте русскую народную песню «Валенки»!

— Так а хрюли ты молчишь? — сказал Мастдай.

— Так а хрюли выёживаться? — сказал Печкин. — Если я полный дуб по Зоне...

Шлем журналиста был предметом зависти всех вольных сталкеров. Подобные есть у военных, но только у старших офицеров, которые в Зону не ходят. Но для страховки Матадор всё же велел Печкину взять и стандартный ПДА — им-де хоть гвозди заколачивай, вещь проверенная. А со шлемом мало ли что может случиться...

— Там ещё куча опций, — сказал Печкин. — Потом Марконя мне их поотключал почти все. Там и голосовое предупреждение было — «эномэли райт», «эномэли лефт»... Но Матадор сказал-что так я ничему не научусь, а вляпаться могу... А вот SOS в случае чего передаётся автоматом...

— Хорошая штука, — сказал Мастдай. — Но я её ни за какие коврижки не напялю. Уж если куда вляпаешься, так сам виноват, а не японец, который контакт не допаял...

— Японцы уж давно ничего не паяют, — сказал Печкин. — Лазер ещё там хороший — и осветить, и ослепить...

— Хорошо, — сказал Мастдай. — А в деле-то его испытывали? Отзывы какие?

— Это опытная модель, — сознался Печкин. — Боюсь, что как раз я её и испытываю... Подарок Большого!

— Нельзя в Зоне надеяться на электронику, — сказал молдавский грузчик. — Вон она Радар-то как переделала! Может, это она, Зона, тебя и ведёт...

— Отключено всё, — сказал Печкин. — А композит шлема очень прочный...

Над пожухлой травой выставился одинокий тушканчик — тварь забавная, но зубастая, как Стич из мультфильма.

— Патроны береги, — сказал Мастдай. — Зашевелились, твари, почуяли... Эх, простояла бы ясная погода подольше — может, и передохла бы вся мутня...

— Зона родила бы новых, — сказал Печкин. — Наделала из нашей же протоплазмы...

— Так, — сказал Мастдай. — Стоп. Вон лежит опора... Что тебе картинка говорит?

— Вроде чисто, — сказал Печкин.

— Такого быть не может, — сказал Мастдай. — Опоры безнаказанно не валяются. «Электры» их любят. Видишь слева — там другая опора, стоячая, хоть и перекосилась. Значит, между ними могут оставаться провода. Их могли и мародёры оприходовать ещё в советское время, а могли они и остаться...

— И что тогда?

— А тогда они до сих пор под напряжением, — сказал Мастдай. — «Электры» по ним как бы растекаются, вот прибор и не видит... Только напруга там помощней...

Всё, что служило человеку, Зона постаралась переделать ему во вред, думал Печкин. Это надо будет подчеркнуть в сценарии. Или в романе. Нынче ведь романы так и пишут — эпизодами, экспликациями, ретроспективами да флэшбэками... Хотя и дико звучат такие слова в Зоне...

Проржавевший комбайн, почуяв человека, может начать двигаться, давить и резать. Высохшая вчистую бензозаправка может выбросить внезапный протуберанец. Из силосной ямы на центральной усадьбе колхоза «Червоный незаможник» может подняться псевдогигант. На сельском кладбище в Лубениках могут выбраться из склепа Ходкевичей вполне активные носители славной гетманской фамилии...

— А живого от зомби твой шлем отличает? — сказал Мастдай.

— Не знаю, — сказал Печкин. — Я кое-кого повидал и даже пострелял, а с зомбаками пока не сталкивался... Ты это к чему?

— А к тому, что идёт за нами кто-то, — сказал Мастдай. — Далеко, но кажется, что по следу...

Печкин оглянулся.

По далёкой насыпи двигалось нечто, вздымало пыль...

— Давай-ка живей, — сказал Мастдай. — Не хочу я сегодня встречаться с кем попало. Допустим, что проводов нет, а я тебя пугал. Но нет моих сил дожидаться. Бегом! Вон к тем развалинам! Хотя в Зоне и не бегают...

Проводов, на счастье, не оказалось, но...

— Аномалия! — крикнул Печкин. — Прямо передо мной!

— Молодец, — сказал Мастдай и ловко разбросал несколько гаек с ленточками, обозначив границы «плеши». — Теперь пошли...

Строение, судя по кирпичам, было очень старое, без крыши, с узкими окнами.

— Батюшка говорил, тут часовня была, — сказал Мастдай. — Капличка по-здешнему. Ну-ка, глянь в свою оптику — кто там по нашу душу? А я здесь осмотрюсь...

Печкин вытащил бинокль. Никто живой за ними не шёл просто пылевой вихрь мотался туда-сюда по насыпи, словно решая — стоит с неё сходить или ну его? — Это ветер, — сказал Печкин. — Ветер поднимается перед грозой...

— Ну и у меня чисто, — сказал Мастдай. — А мог бы и кровосос притыриться... Иди сюда.

— Печкин! — рывкнуло в ушах. — Вы что там, спите? Где вы?

— Прости, Матадор, — сказал Печкин. — Я про связь-то забыл...

— Где вы?

— Мы у этой... У каплички кукуем...

— Знаю, — сказал Матадор. — Подежурьте там пока, я скажу... Мастдай меня слышит?

— Теперь слышит, — сказал Печкин. — Белого нашли?

— Нашли, — сказал Матадор. — Только не Белого и не майора. Снайпера мы нашли, судя по винтовке. Как я и предполагал, в районе водокачки. Там, собственно, одна винтовка и осталась от киллера — она собакам ни к чему...

— Вот и ладно, — сказал Мастдай. — Вот только непонятно мне, почему же винтарь-то бросили...

— Так снайпера, наверное, псы порвали ещё до того, как до него майор добрался, — сказал Матадор. — Или никуда наш служака не добрался... Так что на всякий случай посидите, место тихое, если без ума не шарахаться... До связи!

— До связи, — сказал Печкин. И спросил: — Мастдай, а как же они так быстро дошли? Ну, сколько мы там двигались — полчаса от силы...

— Это Зона, — сказал Мастдай. — Тут бывает.

И рассказал о том, как сталкер Софрон, вознамерившись переночевать на хуторе Барсуки, целую неделю перебирался через город, заросший бурьяном. Он шёл и шёл, останавливался для отдыха и сна, а к дому всё никак не мог подойти.

Кончился у Софрона провиант, кончилась вода, радиофаг кончился, и двигался Софрон уже ползком, а перед глазами торчали всё те же высохшие будылья, и не было им краю. Хотя хата была уже совсем близко, и на подоконнике стоял старый патефон с раструбом, и бесконечно лился оттуда гнусавый лирический голос:

Я понапрасну ждал
Тебя в тот вечер, дорогая,
Ещё не знал я, что чужая
Ты для меня.
Мне бесконечно жаль
Твоих несбывшихся мечтаний,
И только боль воспоминаний
Гнетёт меня...
Хотелось счастье мне
С тобой найти,
Но, к сожаленью, нам
Не по пути...

И на связь не мог выйти злосчастный сталкер, потому что враз разрядились все батареи в ПДА. Он и в воздух палил в надежде привлечь хоть чьё-нибудь внимание, а потом отключился. И привели его в сознание не иные кто, как Мастдай и Дуче, ещё не рассорившиеся. И спросили, в кого же он все рожки разрядил...

— А назад он не мог повернуть? — сказал Печкин.

— Тогда ещё хуже было бы, — сказал Мастдай, но почему, уточнять не стал. — Уж такое там место. А песенка эта все мозги ему выжгла не хуже Радара...

Печкин свернул за угол по малой нужде и воскликнул:

— Ура! Здесь и покемарить можно!

Мастдай встал за его спиной, схватил за плечи:

— Назад, дебил! Оружие к бою!

Перед ними высилась куча свежих опилок. Мастдай дал по опилкам очередь.

— В башку бей!

Кого в башку, хотел спросить Печкин, но тут опилки взлетели в воздух, и метнулась к сталкерам здоровенная тварь...

«Абаканы» стреляли и стреляли, пока тварь не затихла.

Печкин ничего не соображал, а Мастдай ничего не объяснял. Он пнул облепленную опилками тушу и сказал наконец:

— Оба мы дураки. Я — потому что здание не обошёл. Ты — потому что не подумал: откуда в Зоне свежим опилкам взяться? А кровосос третий с нами дурак, хоть и говорят, что кровососы умные. Он невидимым стал, а опилки-то его обрисовали! Хорошо бы ты покемарил!

И добавил:

— Кровососа всегда бей в башку! Хрен с ними, со щупальцами! Пусть их учёные сами добывают!

Печкин был спокоен, но знал, что страх придёт позже.

— Как-то уж больно быстро мы с ним управились, — сказал он. — В кино-то поединки вон какими долгими бывают... Регенерация, говорят, и прочее...

— Мы не в кино, — сказал Мастдай. — И не в книге. Бей в башку — и вся регенерация...

— Всё равно придётся расписывать схватку на три страницы, — сказал Печкин. — А то скажут — неубедительно...

— Те, которые пишут да снимают, — сказал Мастдай, — к Зоне и близко не подходили, развлекались в Зомбилэнде по профсоюзной путёвке. Конечно, в чучело можно до посинения стрелять, а оно всё ещё рыпаться будет...

— Зато можно теперь повалиться на опилках, — сказал Печкин, но быстро спохватился: — Откуда же опилки взялись? Привезли овощеводы полный кузов из ближайшего леспромхоза — рядки мульчировать?

— Вот об этом, — сказал Мастдай, — ты и напишешь в своей книге. Что-нибудь придумаешь. Что Батюшка решил восстановить капличку, нанял Техаса с пилой...

— А где он свежий лес взял?

— Тоже придумаешь. Ты же писатель. В принципе можно с белорусской стороны пригнать хоть лесовоз. Но кому оно надо?

— Будем считать, что опилки самозародились, — сказал Печкин — Или какие-то особые древоточцы завелись...

— От шашеля опилок не бывает, — сказал Мастдай. — Одна труха. Хреновая у тебя фантазия, писатель. Вот показывал тебе Матадор новенький грузовик на автобазе в Пирожках? Все остальные ржавчина съела, а он как с конвейера.

— Показывал, — согласился Печкин. — У него ещё вроде двигатель работает до сих пор...

— Вот видишь, а ты говоришь, — сказал Мастдай. — Если мог сохраниться со времён Союза грузовик на ходу, так куча опилок и подавно...

— Вот уж нет, — сказал Печкин. — Вот уж часовню восстанавливать при советской власти никто бы не стал. Небось не памятник архитектуры...

— Давай-ка кровососа обратно в опилки запихаем, — сказал Мастдай. — Чтобы собаки не сразу учуяли, а то набегут...

— И всё-таки кровососы умные, — сказал Печкин, когда закончилась грязная работа. — Он всё правильно рассчитал. Непременно нормальный человек свежими опилками в Зоне заинтересуется, подойдёт... Идеальная ловушка!

— Нет, — сказал Мастдай. — В Зоне нормальный человек сначала очередью шарахнет, а уж только потом заинтересуется. И то не всякий...

Они присели у кирпичной стены на дождевике, который расстелил Мастдай, набили автоматные рожки, положили оружие рядом. Печкин закурил...

— А вот это ты зря делаешь, — сказал Мастдай. — Нет, ты кури, кури, но в Зоне лучше бросить табачок...

— Почему? Чтобы дым никто не почуял?

— Не-а, — сказал Мастдай. — Чтобы самому чутья не терять. Я когда бросил, так на меня столько запахов обрушилось! Двадцать лет курил и не знал, что мир на самом деле такой вонючий! Теперь ко мне никакой зомби не подкрадётся — издалека услышу...

— Так многие же тут курят, — сказал Печкин. — Практически все.

— Курят — значит меньше моего жить хотят, — сказал Мастдай.

И только тут Печкина начало колотить.

— Выпей. — Мастдай протянул ему флягу. — Это домашний коньяк.

Печкин хлебнул, выдохнул:

— Да-а...

— Вот видишь, а ты говоришь... Присылают мне из дома...

Некоторое время они сидели молча, потом Печкин спросил:

— А почему ты в Зону подался?

Вообще-то такие вопросы здесь считаются неприличными — так же, как про заработки, интимную жизнь или вероисповедание. А все журналисты почему-то задают именно такие! Но Мастдай не возмутился и сказал:

— Неохота мне было становиться румыном. Какой из меня румын?

Тут только Печкин расслышал, что говорит известный головорез с приятным таким акцентом, как цыган Будулай в сериале.

— Кто тебе коньяк присылает? Жена?

Мастдай махнул рукой.

— Дед присылает. А жена — она в румынки подалась: Штефан чел маре, Романиа маре... И дочка вся в неё... А сын — в меня... У нас ведь тоже писатели есть, вот они-то и сбили народ с толку... Потомки даков и римлян... А я считаю, что румыны — это те же итальянцы, только made in China...

Печкин рассмеялся. Мастдай всё больше ему нравился. Вот он как раз подходит для киногероя — простой, да не очень-то простой парень, семейная драма, хрен-перец...

— Ой, — спохватился он. — Я же Матадору не докладывал...

Но так и не доложил он Матадору ничего...

— Так гроза же будет, — сказал Мастдай. — Потому и трещит...

— Тогда сидим, скучаем, — сказал Печкин.

— В Зоне не соскучишься, — сказал Мастдай.

И оказался, к сожалению, прав.

Всю округу потряс такой громовый раскат, что, мерещилось, застукали друг об дружку кирпичи часовенки, намертво скреплённые хитрым раствором давно похороненных каменщиков.

— Это, кажется, не гроза, — сказал Мастдай. — Это, кажется...

— Выброс? — спросил Печкин одними губами.

— Не знаю, — сказал Мастдай. — Только капличка нас не спасёт...

— Он идёт к нам... — сказал журналист.

— Кто?

— Тот, который на насыпи...

— Мама-мама, — сказал Мастдай и добавил несколько слов по-своему. И речь его действительно походила на итальянскую.

То, что взметало вдали пыль, приближалось...

— Таких больших «воронок» не бывает, — сказал Мастдай. — И «каруселей» не бывает... Разве что специально для нас...

— Обыкновенный смерч, — сказал Печкин. — Хотя тоже ничего хорошего... Придётся укрыться за стенами. Ладно, что ему на пути ничего серьёзного не попало... Я видел торнадо в Канзасе — коровы летают, комбайны, брёвна... Коттеджи их картонные...

Огромная воронка без кавычек поднимала в воздух только выдернутую траву, мелкие камешки да тельца неудачливых тушканчиков.

— За стенами не надо, — сказал Мастдай.

— Почему?

— Нехорошо там... И мы уже не в Канзасе, Тотошка...

И Печкин снова удивился ему.

— Прёт прямо на «плешь», — сказал Мастдай. — Она его и прикончит... Схлопнет...

— А так бывает? — сказал Печкин.

— «Плешь» и «вертушку» с неба сдёрнет, если низко летела, — сказал Мастдай. — Ах ты ж... Падай!!!

Печкин выполнил команду автоматически: упал ничком, обхватив шлем руками, что было уже совсем глупо — японское чудо способно защитить голову куда надёжнее.

Но оказалось, что смерч, захваченный «комариной плешью» весит много больше, чем подхваченная им мелочь. С такой силой грохнуться о землю мог разве что знаменитый Сихотэ-Алиньский метеорит, хоть никто при этом событии и не присутствовал...

Даже несколько кирпичей не выдержали — вылетели и попадали вниз. К счастью, мимо лежащих сталкеров... Прошло секунд примерно десять.

— Крандец котёнку, — с облегчением сказал Мастдай. — Поднимайся, писатель...

Печкин попробовал встать — и не смог.

— Брюхо прилипло, — сказал он. — Ноги не отрываются...

— «Жадинка» образовалась, — сказал Мастдай. — Не вздумай руками оттолкнуться!

— Да я уже, — виновато сказал Печкин. — Но с руками всё в порядке.

— Твоё счастье, — сказал Мастдай. — Хотя, по идее, должно и руки приковать...

— Липучка оказалась быстросохнущая, — сказал журналист. — Передние лапки у мухи свободны, да хрюли толку... А ты тоже?

— За компанию, — сказал Мастдай. — Что Илья — то и я... Плохо, что не видно мне ничего, только земля... Лучше бы я руки под голову положил, да кто ж знал... Спасибо каске, что хоть мордой не впечатался... Словила нас матушка Зона.

— Тогда и руки бы приковало, — сказал Печкин.

— Толку теперь от рук, — сказал молдавский грузчик. — Вот набегут тушканчики и начнут нас объедать с филейных частей... Связь! Связь у тебя работает?

— Связь у меня постоянно работает, — сказал Печкин. — Только в эфире всё тот же шум... Но Матадор ведь знает, где мы...

— Если живой ещё Матадор, — сказал Мастдай. — Если ему Зона тоже какой хитрый бенц не устроила... Накопила зла за солнечные деньки...

— А если...

— Помолчи, — сказал Мастдай. — Поздняк метаться. И не вздумай мне тут истерики устраивать...

— Да я и не собираюсь, — обиженно сказал журналист.

Как глупо, думал он. Какой позорный конец. Не в схватке до последнего патрона, не в «электре», убивающей мгновенно. Как мотыльки в паутине. Я в детстве пробовал освобождать мотыльков. Ничего хорошего не выходило. А теперь сам вот так. Попытка бездействием. Попытка беспомощностью. Попытка ожиданием...

Смерть ведь не знает, что официально меня уже нет. Она бюрократизмом не страдает. Она живого от мёртвого всяко отличит. Вот как позорно кончается мой сценарий. Или роман. Конечно, если сценарий, то непременно после фильма надо издавать роман. А также выпускать футболки, бейсболки, значки, авторучки и флэшки с соответственной символикой. И рекламный слоган: «Он шёл в Зону за вдохновением, а нашёл смерть». Муха шла, шла, шла — и копеечку нашла... Пошлость какая... Постер с красивым героем, автомат наперевес... И косые чёрные буквы: «Остальное — судьба». Тоже претенциозное название...

— Печкин, — подал голос Мастдай. — Ты голову повернуть можешь?

— Голову могу, — сказал Печкин. — Шлем не могу. Не отрывается.

— Хреново, — сказал Мастдай. — Грош цена теперь твоему шлему. У меня-то простая маска, её не жалко. Самая дешёвая.

— Нет, — сказал Печкин. — Грош укрепляет позиции на международных валютных биржах. У меня тут наконечник есть особый, сенсорный, как у Стивена Хокинга. Управлять можно языком и зубами. Так что обзор у меня, считай, круговой. Словно экран перед глазами. Хороший гаджет. А то бы я тоже только в землю паялся. Пока всё справа чисто и даже ветер стих... А слева — стена, там смотреть не на что. Разве что на тебя. А это не способствует оптимизму...

— Если тихо — значит сейчас хлынет, — сказал Мастдай. — Это даже хорошо, когда хлынет как следует, меньше живности будет шастать, попрячется мутня... Кроме зомбаков — тем погода по барабану. Ты верующий?

Журналист подумал.

— Теперь, наверное, да, — сказал он.

Теперь такие вопросы задавать друг другу можно, сказал он себе. Момент истины. Тоже затаскали выражение до полной пошлости. Уно, уно, уно моментом... Думаем готовыми блоками, чужими словами...

А надо мыслить позитивно. Как лягушка в притче. Шалишь, лягушачья смерть!

Он ещё раз попробовал приподняться на руках и только сейчас сообразил, что...

— Мастдай! — крикнул журналист.

— Чего? — тревожно сказал сталкер.

— У нас же только комбезы прикованы! И берцы! Это не «жадинка», это что-то другое, вроде клея «Момент». Надо как-то освободиться...

— Точно, — сказал Мастдай. — Ты от природы умный или в институте хорошо учился?

— Да уж за экзамены не платил, — сказал Печкин.

Мастдай повозился, побряхтел и сказал:

— Хорошая была мысль. Только у меня все ножи на груди, не подлезешь... И комбез на правой руке прикован... Э-э-эх!

Послышался треск. Такого желанного звука Печкин давно не слышал...

— Остальное хрен оторвёшь, — сказал Мастдай. — А я-то ещё Сидоровича ругал, что старьё подсовывает! Если бы старьё!

— Мне и думать не стоит, чтобы отлепиться, — сказал Печкин. — Столько бабок впалил в снарягу! Броня крепка! Зато руки свободны, и я ножичек как-нибудь добуду...

Именно что как-нибудь — кармашек-то был на левой руке. Только бы нож не улетел далеко...

Но сумел журналист сделать всё правильно и зажал в правом кулаке кривой клиночек модели «десперадо». Очень подходит к случаю такое название...

— Ты бросишь его мне очень точно, — сказал Мастдай. — Потому что я ничего не вижу. Брось так, чтобы он коснулся моей руки, но не отскочил. Не торопись. Рассчитай всё.

Печкина пробил пот. Он никогда в жизни ни к чему не прилипал, разве что к девушкам. У него не было такого опыта. Журналист представил, что он калека. Как упомянутый Стивен Хокинг. Но этот замечательный человек держит в голове всю Вселенную. А ему нужно держать только ножичек. Тогда всё и получится...

Тогда всё и получилось.

А в фильме герой непременно бы промахнулся, думал Печкин. И тянулся бы за лезвием тщетно и долго, для пушего драматизма...

— Хорошая заточка, — сказал Мастдай. — Только за обстановкой не забывай наблюдать, чего на меня пялиться... Начнём с подбородного ремешка...

После чего затеял живую беседу с собственным комбезом, причём изъяснялся исключительно матом. Наконец дело дошло до берцев и шнурков... Потом Мастдаева глотка издала торжествующий рёв...

Печкин не выдержал, перевёл обзор вправо, повернул картинку на девяносто градусов...

Грузчик винзавода выглядел как чудом уцелевший пассажир после авиакатастрофы. Босой. В изрезанном солдатском белье, с которого свисали остатки камуфляжного комбинезона, закреплённые на плечах. Бронежилет был нараспашку, потому что сгоряча Мастдай перерезал и застёжки-липучки. На непокрытой голове сверкала залысина — пришлось отхватить и часть собственных волос. Мастдай гордился своими чёрными цыганскими кудрями и упорно не стригся под нулёвку, как прочие, хоть оно и причиняло неудобства...

— Балдеешь, падла? — сказал он. — Посмотрим, как ты-то сам предстанешь...

И прошлёпал по земле к связчику.

— Нет, — сказал он. — Не берёт твоя сталь такую кожу. Ну-ка я своим поковыряю... Тоже не берёт. Тут «ниточка» в сборке нужна, да не по карману она нашему брату. Но ты не печалься. Я тебя не брошу. Покуда край обоим не наступит... Обещаю пристрелить из твоего дамского пистолетика раньше, чем... Ну ты понял.

— Ты с детства такой гуманный или хорошо учился? — сказал Печкин. — Не возьмёт моя «беретта» этот композит, даже бронестекло у шлема не пробьёт... Девичья игрушка... Не вьём ей, как сказал бы Топтыгин...

— Тогда у нас проблема, — сказал Мастдай. — Потому что стволы тоже прикованные. Но с зачехлёнными стволами в Зоне не ходят... А гуманизму... Гуманизму меня Белый научил.

— Я идиот, — торжественно сказал Печкин. — Мне же надо просто отключить защиту. Она автоматически активизируется, когда мне опасно становится. Когда датчики сработают — ну, адреналин там и всё такое... Вот теперь попробуй...

Мастдай попробовал — совсем другое дело.

— Молодцы японцы, — сказал он.

— Умная материя, — сказал Печкин. — Сперва как сталь, потом как лёд, потом как воск, потом как мёд... Правда, это про женщину поётся, но к нашему случаю как раз в тему... Да ты не режь по живому!

— Берцы жалко, — вздохнул Мастдай. — Наверное, тоже умные?

— Увы, — вздохнул журналист.

— А эту хрень зачем таскаешь? От хулиганов защищаться?

— Это Синильга от меня хотела защититься, — сказал Печкин. — Надо ей вернуть с глубочайшими извинениями...

Потом Мастдай ухватил его за бока и вытащил, как личинку из кокона.

— Орёл и сокол, — сказал он. — Король Зоны.

— Поглядел бы ты, товарищ, на себя со стороны, — сказал Печкин. И расхохотался потому что на груди у Мастдая красовалась татуировка:

«Ars longa — vita bre...»

Ай да Мастдай!

Хотя было не до веселья. Без комбеза человек в Зоне просто голый. Без обуви — вообще покойник. Или пройдёт по радиоактивной земле, или наступит на кого-нибудь ядовитого. Воистину — «vita bre...».

Берцы пришлось долго пилить ножами. Получились странные обутки, из которых торчали пальцы.

— Как перчатки у велосипедистов, — сказал Мастдай. — Хорошо, что я с собой ношу инструмент и держу во внутренних карманах... А вот упасть бы нам на плащ, так и проблем бы не было...

Он быстро выкроил из обрезков кожи, оставшихся на Печкине, что-то вроде мысков или союзов на сапогах-бурках.

— Вот, запихай, потом пальцами прижмёт, — сказал Мастдай. — В Зоне любому ремеслу научишься, если выживешь...

Оружия у них считай что не было, ножи и «беретта» разве только против людей годились, да и то на Материке.

— Может, повезёт нам и до «Хардчо» доберемся? — сказал Печкин. — Проскочим?

— Нет, — сказал Мастдай. — Уже не проскочим. К нам собаки бегут.

Глава двенадцатая

В стае было десятка два, и при наличии автоматов большой беды стая не представляла бы...

— Может, всё-таки уйдём в часовню? — сказал Печкин.

— Там ещё хуже, — вздохнул Мастдай. — Там кровососиха рожает...

— Дядя, ты меня шутишь... А чего ты сразу не сказал?

— Не хотел расстраивать. Пока мы не войдём внутрь, она для нас безопасна. Супруг хотел её подкормить за наш счёт, но не вышло. Теперь она и разродиться не может, и двигается медленно, но когда мы войдём без оружия... Уж лучше собаки!

— Ага, — сказал Печкин. — А мы с голыми пузами, метательными ножами и пистолетиком для уик-энда...

— Ты хорошо стреляешь? — сказал Мастдай. — Ребята хвалили, — сказал журналист.

— Тогда постарайся завалить одну сразу и наверняка, — сказал Мастдай. — Остальные на неё бросятся, а я ножики стану метать в кучу малу... Может, испугаются, если с ними черномыльского пса нет...

Совершенно безумная мысль пришла в голову Печкина. А почему бы и нет?

В конце концов, собака — это собака. А собака палки боится... Она боится её уже десять тысяч лет, и за годы мутаций не мог инстинкт не сохраниться... Увидит, что человек нагибается за камнем...

Нет. Ничего она не увидит. Она слепая. Она движется на запах. У неё идеальное чутьё. Обычная дворовая шавка чует много лучше человека. Слепая собака Зоны — много лучше дворовой шавки и даже натасканной на взрывчатку и наркотики профессионалки в аэропорту. Значит...

Стая приближалась. Вот она разделилась надвое и аккуратно обежала «плешь» — то ли чуяли они опасность, то ли гравиконцентрат действительно сдох. Тогда зачем его обегать... Боже, о чём я думаю... Какие они мерзкие... Мало их академик Павлов терзал. Обнаглели тут, распустились...

И всё-таки их жалко. Когда-то они служили человеку верно, за косточку и будочку. А человек их предал, забыл, в панике убегая от незримой беды много лет назад. Им было страшно, больно и одиноко. Они подышали и они выживали. В них перемешались все породы — овчарки и доги, таксы и двортерьеры... Нет, не было среди них такс, мелких разорвали в первую очередь...

И они не лают. Им нет нужды предупреждать жертву. Проплешины на тощих боках, белая муть в глазах, белая слюна стекает из пасти... Они не лают, они только воют по ночам, тревожа чуткий сталкерский сон у костра...

В журналистской своей молодости Дэну Майскому случалось брать интервью у разных звёзд. Как правило, звёзды селились в особняках. Как правило, особняки, помимо бодигардов, охранялись собаками бойцовых пород — питбули, амстаффы, бультерьеры, фило бразильеро, мастино наполетано... Эти вообще с телёнка. Пару раз дерзкого журналогу покусали, вот он и стал носить в кармане баллончик с перцовым аэрозолем. Очень даже помогало, только потом прибегали бодигарды...

Как раз такой баллончик он и отобрал вчера у Синильги.

— Стреляй! — кричал Мастдай. — Стреляй, падла!

И совсем очумел молдавский грузчик, когда увидел, что собаки вдруг остановились, завyli жалобно, некоторые завертели на месте — и вдруг побежали назад не разбирая дороги, иные прямо через «комариную плешь» — она, оказывается, ещё действовала...

— Ты чего не стрелял-то? — по инерции спросил Мастдай.

— Не смеют они меня тронуть, — сказал Печкин. — Мы, журналисты, уж такой поганый и беспринципный народ, что благородные создания нами брезгуют... Заодно и тебя прикрыл!

— Ты шаман, — сказал Мастдай. — Точно шаман. Такого я ещё на видел...

— А ты говорил — хрень, — сказал Печкин и продемонстрировал связчику причину бегства смертоносной стаи. — Скажем спасибо Синильге... Хотя — не начал бы я к ней клинья бить, не достала бы она перец... Да здравствуют мои порочные поползновения!

Связчик всё ещё не мог прийти в себя.

— Так никто не делает, — сказал он наконец. — В Зоне так не бывает... Чтобы так просто...

— А вы пробовали? — сказал Печкин. — Вот таким же макарон в древние годы один мужик изобрёл колесо... Если у них чутьё много сильнее, чем у обычной собаки, так и перец подействует в сто раз крепче...

— Подумать только, — сказал Мастдай. — Патронов на них извели — террикон из гильз можно насыпать... Народу они погрызли... А ты пришёл — и на тебе! Вот с ними, оказывается, как можно...

— Это нам повезло, — сказал Печкин. — А вот начался бы ливень или ветер поднялся в нашу сторону... В Зоне же обычно всё время дождик, воздух сырой... Так что это одноразовый случай, как чудо. Воспроизводству не подлежит...

— Тут главное — идея, — сказал Мастдай. — Теперь наши оружейники что-нибудь придумают...

— Можно, например, пейнтбольные шарики взвесью заполнять, — сразу же, не дожидаясь оружейников, предложил Печкин.

— Хотя бы, — согласился Мастдай. — Теперь тебя во всех барах будут угощать... Кроме тех, которые на Милитари, — поспешно добавил он. — Военным мы ничего не скажем: хрен им!

— Запатентую «ноу хау», тогда и без угощений обойдусь, — сказал журналист. — Сам буду всех поить... Слушай, может, на кровососихе перец попробовать? Что-то неуютно мне жить полуобнажённому в чистом поле...

— Не стоит пробовать, — сказал Мастдай. — Кровосос не чутьём берёт... Не буди лихо, пока спит тихо. И автоматы наши... И связь... Как теперь её проверишь. Мой ПДА прилип вниз дисплеем. Его, считай, совсем нет...

— То же самое, — сказал Печкин. — И шлем не оторвать...

Не без опаски прилёг он на обрывки своего бесценного комбеза и засунул голову в шлем. И сразу же услышал:

— ...вы там, сучьи дети? Или сдохли?

— Живы, Матадор, — сказал Печкин. — Заберите нас отсюда, дяденьки. Мы голы, босы и безоружны, нас всякий может обидеть...

— Вам там есть где укрыться?

— Нет, — сказал Печкин. — Там занято. Там кровососиха рождает.

— Врёшь! Знаешь, сколько щенков кровососа стоит?

— Я к ним в акушеры не нанимался, — сказал Печкин. — А что Белый с бугаём?

— Не встретили мы Белого, — сказал Матадор, и тут снова затрещало всё и загулькало...

Печкин выждал ещё некоторое время, выпростал голову из шлема, поднялся и весело сказал Мастдаю:

— Хорошие новости! Цены на щенков кровососа повысились!

Связчик не отвечал, и Печкин вдруг с ужасом увидел, почему он не отвечает.

Там, где стоял Мастдай, улыбалась окровавленной пастью химера.

Сталкеры описывают химеру по-разному, а некоторые даже считают, что химера полагается каждому своя, персональная.

В одном они сходятся: она большая, неодолимая и не похожа ни на одно животное — как на Материке, так и в Зоне. Она слишком красива даже для зверя. Она воплощает собой расхожее выражение «Красота — страшная сила».

Вряд ли это существо было мутантом, хотя многие считали, что ухватки у химеры кошачьи. Она любит играть со своими жертвами.

Действительно, на первый взгляд можно найти в ней известное сходство с пантерой — не с настоящей, а со стилизованной скульптором-анималистом — такие чёрные литые пластмассовые фигурки украшали серванты в шестидесятые годы прошлого века. Она казалась отлитой из одного куска. И вообще — химера-пантера-Багира... По ассоциации...

И не была она чисто чёрной — по её бликующему телу непрерывно скользили радужные волны — такие цвета бегут по чешуе тайменя, выведенного на берег удачливым рыбаком. У древних римлян тоже была какая-то подобная рыба, кажется, дорада — патриции на пирах балдели, как она подыхает. У патрициев не было другой цветомузыки.

Но сама химера, видимо, балдела от того, как подыхают люди. И не столько физически подыхают, сколько морально. Как будто для неё человеческий ужас был куда привлекательней, чем людская плоть.

Иногда, наладившись лакомой пищей, она отпускала человека — без видимых причин. А то откуда было бы взяться рассказчикам.

Печкин много слышал и читал о том, что в последнюю предсмертную секунду проносится перед человеком вся-то его жизнь от первого сознательного впечатления до...

А если не проносится, думал журналист, значит — всё-таки не последняя? Потому что сейчас он не мог припомнить почти ничего из своей достаточно бурной биографии.

Химера глядела на него прекрасными золотыми немигающими очами, словно хотела что-то сказать — или, наоборот, услышать что-то от него. Один сталкер даже утверждал, что химера вошла с ним в телепатический контакт и они договорились...

Господи, думал он, пусть она уйдёт. Пусть появится Белый и прогонит её — говорят, он это умеет. Пусть то, что говорят, окажется правдой. Или пусть окажется правдой слухи о её внезапном великодушии. Отойди от меня, сатана. Ты добила своё — мне страшно. Мне так страшно, что я даже не могу обгадиться, потому что все мышцы мои стали каменными.

Господи, думал он, пусть она уйдёт. Ты ведь только что совершил маленькое чудо с собаками. Ты внушил мне мысль пристать к официантке, Ты приказан ей вытащить баллончик с перцем. Так почему бы не продолжить в том же духе? Ведь Ты зачем-то оставил меня в живых — неужели для того, чтобы это создание, явно не Твоей работы и не Твоей фантазии, меня прикончило? Или Ты потому и не можешь приказать ей, потому что — не Твоей работы?

Господи, думал он, пусть она уйдёт. Пусть я останусь жить дальше, сознавая своё полное ничтожество. Нет во мне больше гордыни, ни грамма не осталось. И достоинства не осталось. Да, я хотел бы, чтобы Мастдай остался в живых, но я же не виноват, что она начала с него. Ведь это у него наколка. Надо же. «Искусство вечно — жизнь коро...». И всё. Даже на последнее слово не хватило жизни. Может быть, никакой он не грузчик был, а режиссёр или художник.

Господи, думал он, я не знаю молитв. Так, обрывки. По верхам. И в церковь я не хожу. Но в Зоне не бывает атеистов, я уже убедился. Я всё понял. С первого раза. Только пришли мне своего Белого...

Господи, думал он, я могу только давать зарок и обеты. Я напишу книгу о Зоне и о промысле Твоём в ней. Это будет честная книга. Без стрельбы на любой странице по малейшему поводу. Без мутантов и аномалий на каждом шагу. То есть будут и стрельба, и мутанты — но не чаще, чем на самом деле. Я не стану изображать людей хуже, чем они есть. Я не буду каждую минуту погружать своих героев в беду — никакой человек такого не выдержит. Я не буду живописать пытки и мучения, чтобы избыть собственные комплексы. Я не буду то и дело рекламировать разные виды оружия — ведь я им не торгую, пусть себе закликиваются на тактико-технических данных смертоносных стволов только не служившие мажоры да подростки, да ещё те, у которых нелады по мужской части...

Прости всех нас, думал он. Правых и не правых. Пусть сумасшедшие выпрашивают милость у Монолита — нет, у монолита, много этой каменюке чести, чтобы писать её с заглавной буквы. Ну как, удачно я перед Тобой прогнулся? Или это и есть тот самый камень, который Ты можешь сотворить, да не можешь поднять?

Всё равно Ты должен нас простить. Мы все пришли сюда не от хорошей жизни. На Материке исчерпано всё. Или почти всё. Ведь зачем-то создал Ты Зону? Или мы и без неё не живём в аду?

Хорошо, внезапно подумал он. Пусть тварь откусит мне голову, и тогда я смогу лично высказать всё это Тебе...

Ему стало так спокойно, что он открыл глаза.

Перед ним стоял Белый и целился в него из своего шприцемёта.

Глава тринадцатая

— Что было, тем и зарядил, — сказал Пилюлькин. — Ветеринары не жалуются...

Пилюлькин тоже подался в сталкеры не от добра. Врач он был неплохой, просто попал под кампанию по борьбе с врачебными ошибками. Тогда в любом умертвии подозревали врачебную ошибку. Судью не смутило даже то, что усопшему пациенту доктора Крачковского было девяносто четыре года. Просто родственникам покойного, которым не обломилось ничего из наследства, нужно было на ком-то отыграться. Хоть какую-то справедливость поймечь. Судья даже изволил пошутить при этом — мол, если бы ты блатного авторитета не спас, то было бы ещё хуже...

Печкин открыл глаза и увидел над собой потолочные балки бара «Хардчо», искусственно закопчённые. Поэтому он не задал традиционного вопроса «Где я?», а сказал:

— Мастдая нашли?

— Нашли, — ответил Пилюлькин. У весёлого доктора была чеховская борода и даже пенсне — купил за дикие деньги в антикварном магазине. — Мой болотный коллега забрал его к себе. Говорит, что интересный случай. А по мне так неинтересный. Не заинтересован я в проценте умертвий. Вот пусть он Мастдая и выхаживает...

Печкин приподнялся и оглядел зал. Все было так же, как утром, разве что народу поменьше. На хлипком высоком табурете у стойки сидел Топтыгин и шумно втягивал с блюдечка желанный чай. Только блюдечко было какое-то большое: не иначе дитя тайги приспособило фаянсовую пепельницу...

— Вот он тебя и приволок, — сказал Матадор и подошёл к сдвинутым столам, на которых лежал Печкин. — Ну-ка марш отсюда! Люди на них едят, а ты...

— А... химера? — сказал журналист. — А Белый?

— Я никакой химеры не видел, — сказал Матадор. — Вот кровососиху вашу прикончили, двух щенков взяли. А Белый пошёл за майором. Мы-то его так и не нашли. Топтыгин же ни слова, куда ходили да как — так ему начальник велел... Только чаёк сёрбает, по его выражению...

Печкин соскочил на пол, подпрыгнул — вроде всё в порядке.

Его уже кто-то переодел в некое подобие больничной пижамы.

— Снаряга пропала, — сказал Печкин. — Туда ей и дорога. Шлем только жалко...

— Шлем выломал Мыло, — сказал Матадор. — Он же не допустит такого расточительства. Только бронестекло придётся поставить другое... Погоди, он тебе его ещё за новый продаст...

— То клевета, — подал голос Мыло. — Тильки за ремонт...

Печкин ещё раз оглядел зал. Батюшка сидел на своём привычном месте. Юкка-Пекка играл в шашки с Дуче, а шашками им служили стопочки с коньяком и, судя по цвету, самогоном. Техас выговаривал Огоньку за какую-то провинность...

— Никто не... того? — сказал журналист.

— Гудвина повели в госпиталь Идол и Коломбо, — сказал Матадор. — Коломбо ведь с военными вась-вась, не то что мы. Но чувствуется какая-то напряжённость. Только что вертолёт над нами пролетел... Мы ещё хлебнём с этим генералом Чипизубовым...

— А Большой? — сказал Печкин. — Что слышно?

— Может, вот Киндер знает...

— Всё по-прежнему, — сказал Киндер. Маленький сталкер сидел за столом с Синильгой, и при этом казалось, что они одного роста. — Секретарша в истерике. Какие-то типы крутятся в офисе. Но! Истерику она имитирует, а Зойка баба хитрая. Теперь им до информации не добраться. От Большого — ничего. Или она по телефону сказать не может — наверняка прослушивают. Я, наверное, съезжу туда и всё выясню...

— Сиди, — сказал Матадор. — Тебя там просто арестуют. Допрашивать начнут...

— Я ничего не знаю, — сказал Киндер, — но! Под пыткой могу выдать всё и всех...

— Теперь не пытаются, — сказал Пилюлькин. — У них нынче есть штучки покруче пентотала... А к нам нынче машина с медикаментами не пришла. Водила звонил — не пропускают. И жаловаться некому...

— То ли в России правительство поменялось, то ли у нынешнего настроение поменялось, — сказал Матадор. — Три года жили спокойно, неужели опять воевать будем?

— Вряд ли, — сказал Пилюлькин. — Просто будут нам нервы мотать да бабки качать. Так что за машину мне из больничного фонда придётся платить...

— И ни одного артефакта сегодня не принесли! — обиженно сказал месье Арчибальд, подливая дорогому гостю Топтыгину из чайника в сомнительное блюдечко. — Только и умеете, что кулаками махать. В следующий раз будем драчунам чибышки отрезать!

— Во как спелись старый да малый! — восхитился Матадор. — Колчак, у тебя конкурент обрисовался!

— Погодите, — сказал бармен. — Вот возьмут Зону опять в блокаду, так он один нас кормить будет...

— Я так мыслю, — вдруг сказал Топтыгин. — Набольшего у вас не стало, и пошла разнобоярщина...

— Устами младенца да мёд пить! — воскликнул Матадор. — Топтыгин, ты ведь ещё ни разу с людьми не выпил! Сидите с Белым где-то в схроне...

— У нас не схрон, — важно сказал Топтыгин. — У нас заимка. Добрая, тёплая, мы в Зоне-да не дикуем... Нам русская хмель не надо. Кто пьёт — с сатаной беседу ведёт. Кто курит — бога из себя турит...

— Вот и у Батюшки конкурент, — сказал Матадор.

— Ахтунг, ахтунг! — сказал Колчак из динамика. — Идол и Коломбо! Мокрые! Вы же не знаете, что дождь идёт...

— Плащи в тамбуре снимайте! — крикнула Синильга. — Не разводите лужи на полу...

Идол с порога потребовал коньяку; Коломбо ёжил, била его дрожь какая-то...

— Определили? — сказал Матадор.

— Всё нормально с Гудвином, — сказал Коломбо. — Но потерял много крови. Мы с Идолом сдавали, вот и задержались...

— Понятно, — сказал Матадор. — А я-то думаю — что это тебя так корёжит?

— Да не потому, — сказал Коломбо. Своё прозвище он получил не из-за дедуктивных способностей, а из-за некоторого сходства с актёром Питером Фальком. Конкретно — из-за косоглазия. — Просто у вояк как-то стало неуютно. Нет, не хамили, не задирали. Обращались исключительно вежливо. Только глядели на нас, как на покойников...

— Одно к одному, — вздохнул Матадор.

Раздался грохот — это Идол не усидел на высоком барном табурете.

— Вот псы, — сказал Пилюлькин. — Сколько они из него выкачали? Тысячу кубиков? Нельзя же после этого пить... И я как-то мимо ушей пропустил... Топтыгин! Неси его ко мне, капельницу будешь держать!

Топтыгин, о чудо, повиновался.

— Много они из нас нацедили, — сказал Коломбо. — Честно говоря, еле добрались...

— Вот пакостники, — сказал Матадор. — Стрелять не стреляют, а мелкими гадостями всё же занимаются. Прямо как страны Балтии. И не накормили, и шоколадку не дали?

— Спасибо, что свинцом не накормили, — сказал Коломбо. — Был бы с нами Белый...

— Ешь, Олег, — сказала Синильга. — Арчибальд велел тебе ещё клубники принести... Она не фонит, проверяли...

— Считай, двух бойцов вывели из строя, — сказал Матадор. — Да у них ведь ещё и Ниндзя с Гудвином! И Кобра, наверное! Это всё на войну похоже...

— Не посмеют, — сказал месье Арчибальд. — Кто им артефакты будет носить? Крупная буржуазия привыкла ко всяким штучкам вроде «ягодок». Их «чернобыльской виагрой» там называют... Вся нынешняя фармакология для богатых держится на хабаре нашем...

— Они всё могут сделать, — сказал Матадор. — Введут нам подразвёрстку, нормативы установят...

— Та мы разбежимось видсилля, — сказал Мыло. — Шукай тады нас по усий земли...

— Счета наши заморозят, — продолжают седой сталкер. — Большого отправят верхонки шить...

— Ахтунг! Машина! — крикнул Колчак и открыл дверь тамбура.

Сталкеры, трезвые и не очень, мигом порасхватили автоматы или что уж у кого было.

Но оказалось, что это миротворцы привезли Кобру, после чего немедленно отъехали.

— Ну, одной бедой меньше, — сказал Матадор. Кобра сбросила чужую офицерскую плащ-палатку и разрыдалась. К ней подбежала Синильга, начала уговаривать, чтобы выпила немножко...

Кобра поведала сквозь слёзы, что ей бы точно не уйти с российской военной базы, если бы не голубые каски. Майор Дюпре оказался настолько любезен, что его самого чуть было

не арестовали, но за ним был французский взвод сопровождения, а устраивать войну ещё и с миротворцами было опасно...

— Рауль может, — сказал месье Арчибальд. — Он не дипломат, он в Уганде реально воевал, выводил европейцев...

— Ну да, — сказал Матадор. — Теперь он будет считаться самым отважным офицером «зет-форс», если осмелился так углубиться в Зону...

— А Толик там остался, — сказала Кобра. — Правда, Рауль обещал приглядеть, да я ещё Толиковым родителям в Москву позвонила. У него очень крутые предки. Я уж врала-врала его мамаше, ведь не скажешь же ей, что я простая официантка...

— Так и она не из графьёв, — утешил её Матадор. — И ты, Дуся, не простая официантка. Ты не гастролёрша, ты одна из нас. Мы все это помним. А кто забудет — напомним...

И выразительно посмотрел на Огонька.

Тем временем мастер Марконя наладил своё хозяйство, и включились окна-дисплеи, только смотреть было уже не на что — за пределами бара стояла обычная дождливая ночь.

Печкин, которого сморил не коньяк, а сегодняшний жуткий день, уже уронил голову на стол, но его разбудил восторженный рёв сталкеров:

— Белый! Белый! Белый!

Журналист поднял голову и увидел, что майор Каргин жив, здоров и ничего не соображает, а Белый тяжело дышит и вытирает капли с лица.

— Заберите у него... это, — сказал наконец Белый. — Я не смог. Вцепился как клещ...

Майор крепко держал в кулаке горловину чёрного пластикового пакета с эмблемой какого-то рок-фестиваля.

Подошёл вразвалочку Топтыгин, попытался разжать пальцы, потом попросту рванул пакет так, что пластик лопнул, и какой-то круглый предмет вылетел — и упал на стол, за которым сидел Батюшка в компании распутного маркиза.

Расстрига вскочил и шарахнулся в сторону.

Это была отрезанная человеческая голова.

— Горох, — сказал пораженный Матадор. — Вот и встретились...

— Пацан сказал — пацан сделал. — У Техаса был такой вид, словно он и сам причастен к этому деянию.

— Соттона перкеле, — сказал Юкка-Пекка и поднял с пола свою трубочку — оказывается, и его можно было удивить.

— Добрый сталкер будэ, — сказал Мыло. — Наш хлопец. Майору даже кличку придумывать не пришлось.

Павел Бару по прозвищу Мастдай, 35 лет

Спасибо что навестил, Печкин. Видишь — не залежался я у Болотного Доктора, в нормальную больничку перевели. А у айболита болотного в палате страх один. Потому что на соседнем топчане лежит псевдогигант и стонет, жалуется, что ему брюхо нафаршировали картечью. А я лежу и боюсь — вдруг Доктору вздумается перелить мне кровь от монстра? Для интереса? И в ассистентах у него зомби ходит. Там не выздоровеешь — помрёшь от жалости к себе.

Нет, на Болотного Доктора я не в обиде. Спас он меня, сделал самое главное. А уж Пилюлькин как-нибудь выходит.

Значит, Белый тебя интересуется... Он всех интересуется. А к журналистам я привык с детства. Про деда в газетах писали. Про отца писали. И даже про меня писали, когда я школьником ещё занял первое место на конкурсе молодых талантов.

Дед мой был известный виноградарь, отец — известный винодел, а я — неизвестный грузчик с Кишинёвского винзавода.

Такова новейшая история Молдавии.

А вообще-то я скульптор по образованию. Строгановка. И уже получил я первый заказ — композицию «Материнская слава» сваять, и хорошие деньги маячили, только тут стало нашей державе не до статуэток. А я уже семейный человек, заметь, у нас рано женятся.

Ничего, думаю. Обойдусь пока кладбищенскими памятниками над могилами бандитов. Бандитов много объявилось. Воюют между собой. Говорят, что в Москве наш брат скульптор — нарасхват. Хоронят авторитетов каждый день да через день...

Только вот беда: в свободной суверенной Молдавии даже бандюганы бедные. На роскошные памятники не тратятся. Не дождался я заказов.

Ничего, думаю. Потаскаю бутылки, не надорвусь. Фамилия наша знаменитая, знакомых на винзаводе полно. Но все непыльные места уже распределены по нужным людям. Таскаю ящики, потому что силой не обижен, в нашей профессии без крепкой мышцы нельзя.

Сын родился, дочь вдогонку. Денег не хватает, хотя дед и помогает, надёжный у меня дед. Каждый день с бабой ругаюсь. Потому что она женщина эмансипированная и помешалась на идее Великой Румынии. Надо было на крестьянке жениться, а мне интеллектуальный уровень подавай: как же, сам Неизвестный мои работы хвалил!

И я теперь тоже скульптор неизвестный — только с маленькой буквы.

А тут ещё Россия перестала наши вина покупать из политических соображений...

И подался я в Москву. Место, можно сказать, родное и знакомое, не пропаду. Но чуть не пропал — всех друзей как корова языком слизнула. Кто уехал, а кто забурел. Один, правда, в архитектурном управлении нашёлся, но и он смог мне предложить разве что место в бригаде каменщиков.

Ну, как живут гастарбайтеры в белокаменной, ты знаешь. Труд от зари до зари, корейская лапша, облава, высылка. Если скинхеды раньше не подсуеются.

В бригаде моей одни узбеки и таджики, русского, считай, не знают, только один Умар говорит почти свободно, да и то потому что он в прошлом преподаватель русского языка и литературы. Я среди этой братии выглядел как свой, потому что чёрный. Ну, меня и замели в очередной облаве за компанию. Трудно доказать московскому менту, что Молдавия не в Средней Азии. И паспорт мой объявляют недействительным, потому что в чёрном молдавском паспорте нет графы «отчество». Ну нет её, что я могу поделывать?

Сидим и скучаем в каком-то бараке в районе Капотни. Жрать нечего. Высылка откладывается, потому что нету денег. А денег нету потому, что турок-субподрядчик куда-то исчез. Обычная история.

И не заплатили нам, естественно, ни хрена. Рабским трудом строится новая Москва...

Да если бы и заплатили, так возле каждого отделения «Инкомбанка» дежурят менты, и если придёт работничек туда, чтобы перевести деньги голодной родне, то его тут же и облегчат. Иди жалуйся, если хочешь!

Вдруг объявляется мужичок. Как уж он с московским начальством договорился — не знаю, только вербует он нас всей бригадой на какую-то денежную шабашку. Документов, заметь, не спрашивает. Ну да и я не говорю, что я белый человек. Проканал успешно за узбека, по-русски в упор не понимаю. И Умар, вижу, тоже не бравирует знанием русского.

Сажают нас в автобус, десять голов, и везут на Киевский вокзал. Суют в какой-то товарный вагон и велят сидеть тихо. Сидим. Поезд тронулся. Едем на Украину. Или в Украину. Ладно, думаю, хоть к дому поближе и бесплатно.

Хотя и странно — шабашить в Украине, когда люди сами оттуда уезжают в Россию на заработки.

Дед всегда говорит, когда меня ругает: «Капа маре — минти наре». Это значит — башка большая, а мозгов нету. Правильно говорит. Иначе сбежал бы я на первом же полустанке.

Я тогда, Печкин, про Зону знал очень мало. Не потому что тёмный, а так — была она вне круга моих интересов. Для меня что сталкеры, что геологи, что полярники были один хрен. И уж тем более не предполагал, что там найдётся работа для гастарбайтеров.

А мужичок-то этот был от Жареного, как впоследствии оказалось.

Из вагона перегрузили нас в старенький «пазик» с затонированными стёклами, хотя и так уже ночь стояла. Везли долго, с поворотами и ухабами. Потом остановились прямо в чистом поле.

Встречают нас трое парней в камуфляже и при оружии. За спиной рюкзаки, словно это диверсионная группа в тылу врага.

— Это для охраны вашей, — сказал вербовщик. — Здесь много диких кабанов.

Хорошо что не диких обезьян, думаю.

И погнали нас гуртом в сторону леска. Заметь, Печкин, что под проволоку мы не лезли — значит КПП где-то проехали без проверки. У Жареного везде были свои люди.

Остановились примерно через час возле каких-то живописных руин. Тут нас ждали полевая кухня и армейская палатка. Основательно подготовились!

Накормили хорошо, от пуза, и спать уложили на новенькие нары — даже с матрацами. Впервые за много дней дали отоспаться как следует.

А мне не спится. Что это за работа, думаю, такая секретная? Уж не на органы ли нас собираются пустить? И почему нас заставляли идти по лесу след в след? И что за огоньки мерцали в этом лесу? И чего наши охранники опасались всю дорогу?

Но всё-таки заснул.

И разбудили нас не в самую рань. Хотя в Зоне насчёт времени суток трудно определить. Посмотрел на часы — а на дисплее каша какая-то. Тогда я не знал, что кварцевые часы здесь не носят.

Умыться было негде — ну да узбеки и не претендовали, и я от коллектива не оторвался. Пахоть можно и неумытому. Бери больше, кидай дальше...

Построили нас в одну шеренгу. Вот-вот определяют фронт работ и выдадут инструмент...

Однако вербовщик сказал:

— Сейчас двинемся дальше к месту работы. Из строя выходить можно только по моей команде. Останавливаться по моей команде. Оправляться по моей команде...

Ну и матом — чтобы без перевода было понятно.

Переоделся наш вербовщик, тоже в камуфляже и при «калаше», на голове каска, на боку противогазная сумка, воевать собрался...

А с ним ещё один человек — тоже камуфлированный, но без оружия, а в руках у него видеокамера, но не маленькая, как у туристов, а солидная, профессиональная. Маленькая же камера закреплена на шлеме, я видел такие штучки. Кино про нас собрался снимать, что ли? Ну да, и физиономия самая творческая — из-под шлема торчат длинные патлы, борода мушкетёрская... Молодой оператор, словом.

— Его слушаться как меня, — сказал вербовщик и показал на оператора.

Я тебе, Печкин, хочу передать то, что тогда понимал и чувствовал. Теперь-то я знаю, где мы находились, а тогда...

Шли через лесок, и всё я удивлялся, что листьев нет и хвоя пожухлая. Ясно — большая химия постаралась. Так такое повсеместно бывает...

Никакого Чернобыля тогда у меня и в мыслях не было. Ну не мог я предположить такой подляны. Я-то думал, что нормальные люди от этих мест шарахаются...

Посмотрел на Умара, Умар на меня. Учитель покачал головой и показал на пальцах, что надо бы отсюда мотать, и в темпе. И ясно нам, что не от кабанов нас защищают, да и не защищают вовсе, а стерегут, чтобы не разбежались...

Шли, шли — остановились у какой-то деревни. Нас посадили на землю, раздали какие-то таблетки. Вербовщик сказал, что от поноса. Думаю теперь, что и вправду от поноса — кто бы на нас ценный радиофаг тратил!

Ну подумаешь — брошенная деревня! Мало ли таких нынче! Все уехали в Москву на заработки, вплоть до стариков и младенцев...

Поднял вербовщик одного немолодого узбека, взял за руку и повёл в сторону деревни. Оператор и один из автоматчиков за ними пошли.

Ты, конечно, спросишь, почему мы сидели, как покорные бараны? И ты бы сидел как миленький. Ах, побывал в заложниках? И не сидел, как баран? Ну, значит, ты герой, а мы люди маленькие. И не предполагали мы себя в заложниках, потому что ни с нас, ни с родни нашей ничего не возьмёшь, а люди мы тут чужие...

Только там я понял, как это один немецкий солдат мог целый батальон пленных красноармейцев конвоировать.

Вот так и мог.

Стая много глупее любого её представителя.

Один из камуфляжников достал из рюкзака бумбокс и включил на полную мощность хэви метал. Старый — «Джудас прист». А фриц играл бы на губной гармошке «Фор дер казерне фор дер гроссен тор»...

Потом вернулись трое, без узбека. Оператор довольный, смеётся, вербовщика похлопывает по плечу, у конвоира же морда переменная... Он даже бумбокс пинком заглушил от огорчения...

Узбеки спросили, где, мол, Абдулло-устод? Он у них вроде мастера был.

— В деревне, — сказал вербовщик. — Объясняет местным, как правильно плов готовить, мы обедать туда пойдём...

Выходит, не пустая деревня. Так зачем же туда с охранником идти? И оператор — он что, приготовление плова снимал?

— Не увидим мы больше деда, — еле-еле слышно сказал я Умару.

— Похоже на то, — шепнул учитель. — Что делать будем?

— У них четыре ствола, — сказал я.

В рабство деда, что ли, продали? Так это не Кавказ, да и не слышал я, чтобы в Украине такое происходило...

У них четыре ствола, а у нас только ножи — не сочли нужным даже обыскать нас. Ножи хорошие, восточные, настоящие пчаки... Но что ножи против автоматов?

Вербовщик между тем выбрал ещё одного парня, на этот раз самого молодого, Фарика. А Фарик происходил из какого-то горного кишлака, который даже по восточным понятиям считался Тмутараканью, и русского он вообще не понимал.

— Пусть сушняк заготовит, — сказал вербовщик. — Мы проводим его до места...

За сушняком с видеокамерой? Интересно. Что же эти ребята с людьми делают? Куда уводят?

Да ещё под двойным конвоем, потому что давешний «десантник» наотрез отказался идти в одиночку, припахали второго. С нами только один остался...

Прошло минут десять, и услышали мы сперва очередь, а потом долгий такой, высокий, нечеловеческий крик.

Мы повскакивали на ноги, схватились за ножи...

— Сесть на корточки! Руки за голову! — заорал конвоир и дал очередь поверх голов.

Ну, мы и присели, как заключённые на этапе, откуда что и взялось. Фильмов насмотрелись, что ли?

Но всё равно было видно, что парень растерялся — произошло что-то непредвиденное...

Первым вернулся вербовщик, увидел, что происходит, и сказал:

— Вы чего всполошились? Ну, кабан выскочил. Ну, пристрелили его. Не бойтесь, свининой не накормим... Сейчас ребята его разделают, не пропадать же добру...

Наконец выбежали двое конвоиров — белее белого. И кричат на бегу:

— На него не действует! На него не действует!

Что на кого не действует? Чего они так испугались?

Потом вышел из леска оператор, и не по-хорошему вышел — его сзади держал за шкуру человек в белом комбинезоне — такие носят во всяких стерильных лабораториях. И шлем со стеклянным щитком.

И крикнул человек:

— Негодяи! Что вы с людьми вытворяете? Стволы на землю, а то я вашего Феллини к праотцам отправлю!

Высоким штилем изъяснялся Белый... А оператор орал только:

— Вы за это ответите! Вы за это ответите! Он меня убьёт! Вас накажут! Делайте как он говорит!

Они же, гады, не знали, что Белый ходит без оружия. Он, должно быть, палец приставил к спине оператора, а тот и поверил...

Тут вербовщик сделал знак рукой — и охранники подскочили нам, каждый выбрал узбека и приставил к его голове ствол. Один ствол из трёх молдаванину достался.

— Всех положу, — сказал вербовщик. — Отпусти человека по-хорошему...

— И это — человек?! — закричал Белый. — Перепуганного мальчишку бросили на гравиконцентрат, а этот снимал, как его там корёжит!

Я ничего, разумеется, не понял. И про гравиконцентрат услышал впервые. Я понял только, что этот парень в белом вышел один против четверых вооружённых людей, и ради кого? Ради нас, чурок черножопых?

Автоматы наши охранники носили на шее, как эсэсовцы в кино. Так что не сталкеры это были, как ты понял. И мой личный гад, чтобы приставить ствол к моему кудрявому черепу, слегка наклонился...

Выстрелить он не успел — полетел через мою голову, когда я перехватил ствол и дёрнул. Неопытный был парнишка, зря он подписался на это дело. Ну и получил пулю от своего же, а меня прикрыл...

Как я решился на такое — не знаю. Минти наре, конечно, зато силушкой бог не обидел...

Узбеки вскочили как по команде (а может, Умар им чего и крикнул, не знаю), бросились на оставшихся двоих автоматчиков. Подробностей не помню. Трёх гастарбайтеров успели положить бандиты, прежде чем узбеки их пошинковали. Вербовщика оставили в живых — пока. Оператора тоже.

Белый не дал их прикончить. Если бы мог, он бы и конвоиров отмазал, добрая душа, но искрошили уже конвоиров на кебаб. А этих двоих потом, конечно, повесили, но уже после сталкерского суда и под наблюдением врача.

Вот так и получилось, что Белый меня спас. Точнее, человека во мне спас. Теперь, выходит, я дважды его крестник.

Потом был большой шум, и вся Зона узнала, что Жареный принял заказ на съёмку от одной московской фирмы. Очень заказчикам хотелось посмотреть, что аномалия с живым человеком может сделать, — то ли в научных целях, то ли так, для развлечения пресыщенной публики. Абдулло-устада в «жарке» сожгли, Фарика по земле размазало...

Тут Большой Жареного и прихлопнул. Не сам, конечно, — свои же прикончили.

Сталкеры скинулись на обратную дорогу уцелевшим узбекам, а мы с Умаром остались. Он ещё потом меня учил ножи метать. Только был учитель-словесник уже не Умар, а Басмач — ты о нём наверняка слышал. Сейчас он на родине, очередную дочку выдаёт замуж. Но вернётся обязательно, потому что дочка не последняя.

И я тебя с ним непременно познакомлю. Будете про великую русскую литературу тереть.

Часть вторая. Где всё по-другому...

...Я же, покуда вы спите, подвергну сомнению древние книги, воспевающие вас. Следом за тем я подвергну сомнению подвиги ваши и важность любого из них.

После чего, разумеется, я и самих вас подвергну сомнению; а заодно уж, конечно, и воинов ваших, и даже ни в чём не повинных слуг и собак.

И, наконец, я подвергну сомнению сомнение своё и себя самого вместе с ним.

Глава первая

...Потом последовали печально известные события, которые Дэн Майский описал в своём нон-фикшн сочинении «Три недели в августе и ещё один день». Книга была отпечатана большим тиражом, но весь тираж был тут же арестован и разошёлся исключительно из-под полы по десятикратной цене. Так что арест скорее всего был свинской и жульнической рекламной кампанией.

Разумеется, степень документализма в этом опусе была ограниченной — там не указывались подлинные имена вольных сталкеров и даже прозвища обозначались только первой буквой: так, Матадор там был М-1, Мыло — М-2, Киндер — К-1 и так далее. Но читающие сталкеры узнавали себя и других без труда, только Мыло возмущался своим вторым номером — он же пришёл в Зону пораньше Матадора! Но на всех не угодишь.

Зато имена, звания и должности военных и политиков указывались полностью, потому что они лица официальные и должны нести ответственность. Чтобы всем людям доброй воли стало понятно, на какой тонкой ниточке висел тогда мир и что для человечества значит Зона.

Конечно, там не велись полноценные боевые действия, прежде всего потому, что в Зоне нельзя ничего планировать — ни оборону, ни наступление, ни окружение, ни прорыв. Чем многочисленнее было подразделение, тем уязвимее оказывалось перед Зоной.

Генерал Чипизубов как человек новый понял это не сразу. Зона представлялась ему обычным театром военных действий по наведению конституционного порядка. Какая конституция при этом подразумевалась — российская, украинская или белорусская, — так и оставалось непонятным.

Но нет на Земле места, более не подходящего для войны, чем Зона. Потому что там всегда присутствует третья сторона, которая по определению не может быть союзником или партнёром для переговоров. Хотя иногда может...

Украинский генерал Омелько на всякий случай взял на себя ответственность за охрану особо важных объектов и распределил свою технику и хлопцев только в Предзоне — возле складов, почт, банков, готелей и торговых точек до табачного киоска включительно. Генерал Омелько оказался таким умным потому, что у него был младший брат, известный как вольный сталкер Мегабайт. Мегабайт с помощью водки «Хортыця» сумел объяснить своему старшему, что такое Зона и трэба ли с ней жартуваты. У генерала Чипизубова братьев и сестёр не было.

Генерал «зет-форс» Диего Кинтанилья, по обычаю своих предшественников, сам ни во что не вмешивался и подчинённым не велел, а только дивился тому, как много его люди сжирают провианта, почему они тратят столько боеприпасов, отчего так быстро выходит у них оружие из строя, куда безвозвратно уезжают транспортные средства и чему смеётся генерал Омелько в пьяной компании ооновских интендантов.

По окончании боевых действий в Совете Безопасности Организации Объединённых Наций был большой скандал.

Храбрый же генерал Чипизубов никак не мог отнестись к Зоне с надлежащим уважением. «Эдак дичал-да, что матушку Зону осердил!» — мог бы сказать о нём сталкер Топтыгин. Но не сказал, потому что был Топтыгин необычный сталкер...

Много погибло в те дни солдат, да и офицеров — хотя среди них и было немало настоящих сталкеров в погонах. И пропадали люди чаще всего не от вольной пули, а от монстров и аномалий, потому что слишком верил генерал Чипизубов в силу боевого приказа и здравого (по армейским меркам) смысла. Каковой смысл не желал мириться ни с изменениями рельефа, ни с особенностями артефактов и аномалий пространственно-временного действия («бумеранг», «петля Мёбиуса» и т. д.). «Вы мне тут сказки Венского леса не рассказывайте!» — любил приговаривать он, распекая подчинённых.

Вольные сталкеры своих военных коллег и ненавидели, и жалели. Они-то вели партизанскую войну и всегда могли в случае Выброса укрыться в хорошо укреплённых

зданиях баров, в схронах, в знакомых и очищенных от мутантов подземных сооружениях. При всех условиях военкеры всё-таки хуже знали Зону и правила поведения в ней — срочники и контрактники всё время менялись, да и офицеры старались не задерживаться. Обжётся «жгучим пухом» — и ступай в отпуск для лечения, а то и в отставку. Никто не докажет, что ты туда нарочно вляпался; а шрамы и рубцы воина только украшают...

Редели и ряды вольных сталкеров. «Долг» до последнего старался сохранять нейтралитет, но генерал Чипизубов приказом объявил всех членов группировки дезертирами, и поступать с ними стали соответственно — а ведь это была, по сути, военная организация, и «долговский» квад стоил взвода контрактников. Их базу попросту стёрли с корявого лица Зоны ракетным обстрелом...

Отомстить за группировку «Долг» сочли святой обязанностью даже те бродяги, у которых имелись к ней кровные счёты, даже извечные враги из клана «Свобода». Формула «враг моего врага» тут не проканала.

Это была война на склоне действующего вулкана, среди языков раскалённой лавы, в клубах смертельного пара и под падающими с неба огромными булыжниками.

Она продолжалась двадцать два дня.

О ней мало кто знал на Материке — до поры. Но много ли знает средний обыватель, например, о событиях в бывшей Югославии? Да ни хрена он не знает. И не надо ему знать.

Кое в чём война даже была на пользу — к примеру. Зону спешно покинули бандиты с мародёрами и перекупщики-одиночки — один Сидорович остался, чтобы посмотреть, чем это всё кончится. Да ещё истребитель, пилоту которого выжгло мозги, врезался прямо в Радар. Одной бякой меньше. Ну и мутантов немало перемолола война, как уж они ни прятались. Всё-таки человек — царь природы и её окрестностей.

Потом, как и предвидел месье Арчибальд, на Материке заметили нехватку артефактов. Некогда было сталкерам их собирать. Особенно возмущало сильных мира сего отсутствие ставших уже необходимыми «ягодок» и «очков моей бабушки», от которых, как пелось в сталкерской частушке, «член стоит, как Монолит, но усиленно фонит». Жить полноценной жизнью хотелось даже старенькому Джорджу Соросу. Этот Мафусаил финансового мира и стал инициатором саммита в верхах.

Саммит устроили в Киеве, чтобы продемонстрировать, какие отважные у нас, человечества, руководители и вожди, как близко они могут подойти к страшной Зоне и ни капельки не убояться. Не учли только, что майдан Незалежности очень большой и может вместить столько антиглобалистов, сколько их сроду не собиралось нигде в мире. Украинские власти были уже учёные, они знали, сколько понадобится полевых кухонь и биотуалетов для такой орды.

Анархисты разных народов моментально освоили выкрик «Ганьба!», и звучал этот выкрик двадцать четыре часа в сутки. Крикуны сменяли друг друга строго по графику, получали гривны и лечили охрипшие глотки горилкой.

Работать стало невозможно, и президентов со всеми бодигардами и бебехами тихонько вывезли в Зомбилэнд, где был уже приготовлен ангар для конференций. Экзотика заставила мириться с неудобствами, хотя под проволоку вожди и не лазили.

Итальянский премьер так до конца жизни и думал, что побывал в настоящей Зоне.

В перерывах между заседаниями президенты фотографировались с «гауссовкой» в руках и поставив ногу на латексный труп кровососа, в обнимку с псевдогигантом из чёрной резины, в окружении живых бюреров, предоставленных Киевской киностудией. Бюреры при этом благоухали дешёвым дезодорантом. «Гринпис» очень возмущался.

Горилку в псевдосталкерском псевдобаре «Миллион миллибэр» закусывали салом в шоколаде — в меню это блюдо именовалось «печень химеры».

Даже на традиционном общем снимке, когда гостей переодели в свитки, папахи и алые шаровары шириной с Чёрное море, в ногах властелинов мира сидит с гитарой главный бард Зоны Серёга Воркута — так полюбились высокопоставленным иноземцам песни вольных сталкеров. Серёге с его тремя аккордами тут же предложили мировое турне.

Под шумок вытащили из-за швейной машинки в пермской колонии наскоро помилованного Т. А. Пака. От помилования Большой отказался, хоть грехи за собой и знал — но не те, за которые был осуждён. Пришлось его вчистую реабилитировать, поскольку он был единственным системообразующим элементом Зоны.

Военные действия было решено немедленно прекратить, Зону официально переименовать в Свободный анклав Чернобыль (но никакого статуса этому анклаву не давать!), генерала Чипизубова подвергнуть благодетельному воздействию международного трибунала в Гааге.

Российское руководство охотно согласилось — понимало, что никакие гаагские следователи в Зону не сунутся, а до поры направило злосчастного генерала на Дальний Восток, с глаз подальше.

Но есть справедливость на земле.

Адъютант зашел в генеральский кабинет, чтобы деликатно прервать послеобеденный сон начальства вызовом из округа. Молодой лейтенант с удивлением отметил, что никакого начальства нет, а ковры чем-то загажены. Он возмущённо кликнул дневальных, но тут же с ужасом понял, что ходит непосредственно по генералу Чипизубову, раскатанному в блин! Действительно, блин! Видно, Зона настигла храброго вояку на другом конце Евразии, потому что ничем, кроме как действием гравиконцентра, это явление объяснить нельзя — никакие мстители не смогут запятить на четвёртый этаж ни асфальтовый каток, ни прокатный стан. Вероятно, не тот артефакт подсунули подчинённые Чипизубову на прощание в качестве сувенира...

Можно, конечно, усомниться в документальной точности книги Дэна Майского. Но лучше не сомневаться.

Про Зону что ни сочини — всё окажется святой правдой.

Глава вторая

...Осень в послевоенной Зоне установилась привычная, вечная, разве что зимой должно было стать похолодней, и после внезапного почти тропического лета пришёл черёд полумрака, дождя и раскисшей земли.

Но оказалось, что наша упрямая планета, не сумев уничтожить свою опухоль Зону ультрафиолетом, решила прижечь её жидким азотом — как выводят безобразные бородавки.

Уже в ноябре большими хлопьями пошёл снег — и не растаял, как обычно, а покрыл собою всё внутри Периметра: и покинутые города, и деревни, и развалины, и останки техники, и могилы безымянных сталкеров...

Обычно при таком снеге холодно не бывает, а тут ударил лютейший сибирский морозище, каких Украина не знала со времён Богдана-Зиновия Хмеля, которого снова было велено числить не предателем, а вполне себе героем.

Река Припять покрылась толстым льдом, хоть на танке катайся. Озеро Янтарь промёрзло до дна.

Свободной от снега оставалась только АЭС, там продолжали идти неведомые процессы, зато окружившая её проталина по краям тоже превратилась в ледяную корку — в дополнение к прочим трудностям передвижения.

Многие мутанты не сумели или не успели приспособиться к таким жёстким условиям. Сотни собак замёрзли, псевдоплоти сбивались в кучу и грели друг друга. Псевдогиганты пропали — залегли в берлоги. Кровососы попрятались — возможно, тоже лежали в пустых домах и подвалах кучами для сохранения тепла. Одни зомбаки бродили по сугробам без всякой цели и смысла...

Впрочем, изучали все перемены, произошедшие с фауной Зоны, только специалисты с Янтая. Теперь можно было притащить в лабораторию закоченевшего кровососа, поместить его в холодильник и по кусочкам исследовать в своё удовольствие.

Вольные и военные сталкеры никакого удовольствия в этом не находили. Если попадались замёрзшие мутанты — их старались тут же расколотить в мелкие дребезги, чтобы не восстали весной. В том, что так и будет, никто не сомневался. Это миллиардер, завещавший заморозить своё тело в надежде на медицину и жизнь будущего века, никогда не воскреснет, а поганый снарк по весне обязательно запрыгает!

Вроде бы создавались все условия для охоты за хабаром — на снегу видно все следы, все аномалии. Теперь они обозначивались дырами и проталинами там, где были «плеши» и «жарки». «Трамплины» непрерывно подбрасывали падающие хлопья, так что неподалёку возникала снежная гора, постепенно погребаящая под собой гравитационную аномалию.

Зато и артефакты все лежали теперь под снегом!

Ничего, это до первого Выброса, говорили оптимисты. Но оказалось, что мороз энергию Выброса сильно снижает, так что снег, успевший растаять, тут же застывал, а наледь снова покрывалась снегом, и ходить было совершенно невозможно. И артефакты, которые вновь образовывались, были заморожены в лёд и присыпаны новыми сугробами.

Да и не больно-то погуляешь по Зоне в такой холод! Термо-бельё есть не у всех, тулуп сковывает движения, а бронетулуп и вообще немыслимое явление. Вот и оказались сталкеры как немцы под Москвой или наполеоновская Великая Армия при отступлении. Валенками не запаслись, а заказывать снегоходы было накладно, и привезут ведь их как раз тогда, когда надобность отпадёт...

Катать пимы умел только Топтыгин. Смастерил он себе и широкие деревянные лыжи, а подбить их было нечем: плешивая собачья шерсть не заменит оленьего камуса. Но всё-таки удавалось ему подстрелить и кабана — тем был мороз не страшен, и убивал их не холод, а голод.

И что интересно: за пределами Периметра, уже в Предзонье, зима была нормальная, умеренная, и Днепр вольно и плавно мчал сквозь леса и горы полные воды свои именно туда, куда велел ему писатель Гоголь.

Жизнь и деятельность в Зоне потеряли смысл.

Большой думал-думал — и обратился из своего московского офиса к вольным сталкерам с речью, которую транслировали во всех барах, вытащив из кладовых телевизоры.

— Господа сталкеры, — сказал он. — Сами видите, что получается. Надо разбежаться до весны, как делали викинги. У кого есть семьи — по домам извольте, а то дети растут как сорная трава. Если встретите на Материке кого из наших — объясните, что до весны возвращаться не надо. Кому некуда идти — я купил пансионат под Киевом, называется «Пролисок». Там ништяк, только мебель не ломайте. Снять всё со счетов вам не удастся, но по кредитке будете каждый месяц получать свой вэлфер. С голоду не помрёте. Потому что каждый зимний день приносит нам большой убыток, а банк и так потрепали. Но мы выстоим. Не такие зароды метали. У кого заначены артефакты, прошу сдать. И даже настаиваю. Они сейчас в хорошей цене и послужат нам всем большим подспорьем. Я вас, падлы, построил, цивилизовал, и я вам, козлам, не дам превратиться в прежний сброд. Я вас не пугаю, а предупреждаю: вход — рупь, выход — два! С оружейниками и другими технарями будет особый разговор в Предзонье, приеду лично...

Вот так и получилось, что в этот декабрьский вечер сидели в баре «Хардчо» только Матадор, Мыло, Киндер и Печкин, да ещё Батюшка.

Поп-расстрига переместился из-за своего стола поближе к конному дисплею и с тоской вглядывался в хлопья снега, вырывавшиеся из тьмы под луч прожектора на крыше.

— Сказано: аз есмь Мгла, — торжественно произнёс он. — Мгла егда на землю падёт и покроет ю, тогда вси звери от ловцов целы бывают, никто тех зверев ловити возможе... Мы и суть те звери. И таковых нас зверев постигают различные ловцы. Но дерзаем — имеем бо Мглу, покрывающую нас...

Он даже книгу свою настольную поменял. Теперь это было советское душеспасительное сочинение для юношества «Васёк Трубачёв и его товарищи»...

— Прибыль мне принесла война, как оружейному барону, — сказал Печкин. — Нажился на чужих смертях... Ехать мне в Москву, не ехать — так и не решил...

— Что так? — сказал Матадор.

— Меня издатель вызывает на презентацию, — сказал Печкин. — По случаю английского перевода. Но кто же презентацию устраивает перед Новым годом? А потом вообще две недели мертвые... Нет, опять возьмут меня за шкварник. Не доверяю я им. Там опасней, чем в Зоне... Улыбаться будут, когда меня поведут под белы руки: «Старик, ты же всё понимаешь, ничего личного, это государственное дело...»

— Колы державна рич — то гаплык, — сказал Мыло.

Скучно ему было, он сидел, уставившись на стойку, где кружилась, звеня, маленькая ёлочка.

Матадор тоже посмотрел туда и сказал:

— Ах да. Сегодня же сочельник. Месье Арчибальд, так ты у нас католик?

Месье Арчибальд откликнулся:

— Конечно. Франция — любимая дочь католической церкви...

— Ну да, — сказал Матадор. — А Польша — Христос народов.

Мыло встал и прошёл на кухню — поваров теперь не было, все в отпуску.

— Всю горилку в борщ не лей! — наказал вслед ему бармен.

— А он-то что не едет? — сказал Печкин.

— Не пускают его в хату, — сказал Киндер.

— Кто?

— Жинка молодая да сын родной, — сказал маленький сталкер.

— Там такое дело, что царь Эдип отдыхает, — сказал Матадор. — Вот какие страсти кипят в простом народе! Это вам не гнилая интеллигенция...

— Я ему предлагал, — сказал Киндер. — Пройду вперёд, да и поучу сыночка, как положено уважать батьку. Но! Он же ради своего Богдасика...

— Более доброго и сердечного человека, чем Степан Олексович, — сказал Матадор, — я и на Материке не встречал. Потому и хожу с ним в связке столько лет... И руки тоже золотые...

— Вот на таких добрых воду и возят, — сказал Киндер. — Он и деньги им переводит, и всё прочее...

— Я тоже перевожу, — сказал Печкин. — Теперь вот племянник пожелал в Британии учиться. У меня-то не было богатого дядюшки!

— Что семьи, — сказал Матадор. — Весь мировой хай-тек держится на Зоне. И в один злосчастный день изобретут они такое, что мы им больше не понадобится. Наделают армию мистеров Снупи. И тогда сама Зона не сможет нас защитить.

— Да она и не будет, — сказал Печкин. — Хороший сюжет: возвращается сталкер домой, а там...

— Есть такая книжка! «Одиссея» называется, — сказал Матадор. — Гомер — всем рапсодам пример!

— Нет, — сказал журналист. — «Одиссея» будет следующей. Под названием «В поисках Белого Сталкера». Поэтому им и занимаюсь. Как, например, объяснить читателю, почему Белый всюду поспевает? Почему он спасаемого непременно вырубает? Только не надо мне про утопленника рассказывать... Да, и почему Топтыгина выбрал в связчики?

— Лет пять назад, — сказал Киндер, — покойный Паганель залез к Белому в рюкзак...

— Вот же козёл, — сказал Печкин. — Ворюга и есть ворюга. Сколь волка ни корми. Повесить его надо было...

— Паганель думал, что у него какой-то особый артефакт имеется, — продолжал седой сталкер. — А там только продукты, хорошая аптечка и старый офицерский планшет со старыми же картами. Все здешние места. Карты отличные, даже двухвёрстки есть. И из атласа автомобильных дорог страницы выданные...

— Ну и вывод? — сказал Печкин.

— Вот ты и делай вывод, — сказал Матадор. — Ты же на физика учился. А Паганель, хоть и ворюга, сложил голову за общее дело. Его надо помянуть.

Вернулся Мыло. За ним шла Синильга с подносом, на котором благоухала кастрюля с борщом. Мыло принял кастрюлю, водрузил её на стол и разлил содержимое по тарелкам.

— Нема цыбули — нема смаку, — виновато сказал он.

— Зато чеснока не пожалел, — сказал Киндер. — Печкин, а вдруг с чесноком у тебя получится так же хорошо, как с собаками? Вдруг он кровососов отпугивает? Они же вампиры...

— Сам пробуй, — сказал Печкин. — Дневной свет им нипочем, осинового кола никто не применял... И девиц истеричных кровососы не обольщают... — Он закашлялся. — Мыло, ты что, вправду туда горилки набуровил?

— То козацкий мудрый борщ, — сказал Мыло.

— Коньяк пьём, — сказал журналист, — горячей горилкой закусываем... Запорожское сакэ!

— Здоровее будем, — сказал Матадор. — Ну, за тех, кто остался в Зоне по людской злой воле, а не по её ужасным чудесам...

Глава третья

Умилительное зрелище, если глянуть со стороны: утонул в сугробах хорошенький домик, яркий свет льётся из фонаря, установленного на крыше рядом с расчехлённым «эрликоном», свет манит усталого и замёрзшего путника туда, где приготовлены для него и добрая чарка, и лучший кусок, и протопленная банька, и чистая постель. Ласково потрескивают дрова в камине — завозные дрова, здешними топить нельзя, рентгенов много. Но — в такой вечер можно себе позволить...

Словно и не затаилась под снегами чужая враждебная жизнь, словно и не было её никогда, словно почудилась она путнику в кошмарном сне на привале...

— Ахтунг, ахтунг! — сказал из динамика Колчак. Ему полагалось блюсти бар весь мёртвый сезон. — Майор и... точно, шахид! Вон как замёрз, бедолага! Впустить?

— В такую погоду, — сказал месье Арчибальд, — и в такой день — это долг каждого доброго христианина. Майору же лучше вообще не препятствовать...

— Будем считать, что у шахидов тоже бывают активированные дни, — сказал Матадор. — Только пусть снимет пояс. Он на такие морозы не рассчитан, мало ли что...

— Ага, — сказал Колчак. — Вы будете там сидеть спокойненько, а пояс у меня отогреется и рванёт... Дай-ка я сам сниму, нерусь теплолюбивая, а то у тебя руки как палки...

На шахиде было дорогое длинное кашемировое пальто, на голове — несерьёзная кепка с наушниками, хорошо хоть обуться он догадался в «луноходы». Майора же защищали от холода необъятная камуфляжная куртка миссии «Deep Impact», пушистая шапка, ватные штаны и унты.

— Водки ему, — скомандовал Майор. — Аллах простит. Или не заметит.

Синильга принесла горилку, и Майор самолично залил её в глотку мученика веры, несмотря на его сопротивление. Сопротивление, впрочем, было пассивное, так как руки и ноги не слушались беднягу, он только пытался выплюнуть обжигающую влагу и крутил головой.

— Где ты его взял? — сказал Матадор.

— По дороге нашёл, — сказал Майор. — Смотрю. Идёт. То есть он думает. Что идёт. Внутри сугроба. Его на блокпосту. Пропустили для смеха. Шутники. Оставь мне. Присосался!

— Белого не бачив? — сказал Мыло.

— Ну. Ты спросил, — сказал Майор. — Кто же Белого. Увидит на белом.

Он усадил шахиду в кресло у стены, а сам принялся раздеваться, приговаривая:

— Унты. Два раза хороши бывают. Когда обуваешь. И когда снимаешь.

Шахид угрелся и вдруг начал горячо говорить.

Месье Арчибальд послушал и сказал:
— Он алжирец. Зовут Кемаль. Ох ты, он ещё и бакалавр!
— Так и объясни бакалавру, что сегодня канун Рождества пророка Исы, — сказал Матадор. — И что положено его отмечать в кругу родных и друзей, а не на задании...
Бармен объяснил, а бакалавр Кемаль только кивал головой.
— Синильга, — сказал бармен. — Поищи на кухне консервы с арабскими буквами. А то вдруг ему других блюд не полагается...
— А Синильга-то почему осталась? — спросил Печкин, сразу утратив всякий интерес к шахиду.
— Из-за Белого, — сказал Матадор. — Не из-за Киндера же.
— Я же сто раз говорил, — возмутился Киндер. — Ничего не было! Я что — не понимаю разве?
— Не было, — сказал Матадор. — Потому что я ситуацию держу под контролем. Официантка подошла к столу, словно догадавшись, что говорят о ней.
— На зимовку устроилась? — сказал Матадор. — За двойной оклад?
— А кто Белого кормить будет? — вызывающе сказала она. — Кто обстирает? Он же как ребёнок...
— Ты книжку мою прочитала про Настасью Филипповну? — строго, как учитель, сказал Матадор. — Тогда бы всё про него поняла...
— Больно толстая книжка, — сказала Синильга. — И всё про неправду грузит. А меня не надо грузить. Я бы деньги в печку не кинула. Сто тысяч рублей — тоже сумма.
— Тогда рубли были намного дороже, — сказал Матадор.
— Тем более, — сказала Синильга и ушла.
Со стуком выпали из рук сомлевшего смертника банка с дозволенной Кораном пищей и ложка.
— Кохання, — сказал Мыло. — Це тобі не смишки...
— Никак не пойму их отношений, — сказал Печкин. — Чайльд Гарольд и девушка из таверны. «Мне было довольно того, что твой плащ висел на гвозде».
— Правильно подметил, — сказал Матадор. — Шарахается Белый от неё. Ему Гюрзы хватило...
— Первый раз слышу, — сказал Печкин.
— До Синильги тут работала, — сказал Матадор. — Ещё все смеялись — кормят нас Гюрза та Кобра, це дуже нэдобро...
— И она ему изменила, — догадался Печкин.
— Хуже, — сказал Матадор. — Она у него кредитку забрала и с голландцем из «зет-форс» слиняла. Пока Белый болел. Он в тот раз много рентген схватил. Это я к тому, что он якобы неуязвимый. Всё равно беречься надо! Вот тогда он и разуверился в женщинах. Я же говорю — ребёнок...
— Ну, я в романе любовную линию почётче проведу, — сказал Печкин. — Читатель не поймёт, если герой кому-нибудь не впиндюрит... Хотя и не заточен русский язык под крутую эротику! Тут и Бунин не справился!
— Значит, про Белого будет твоя книжка? — сказал Киндер с некоторой завистью.
— Значит, про Белого, — сказал Печкин. — Только я, к сожалению, слишком мало его знаю. Буду рассказывать только о том, что видел сам и слышал от людей. А его внутреннего мира даже не рискну касаться. Я Топтыгина-то расколоть не могу! Его и подпоить невозможно! Личарда верный!
— Обязательно напиши, — с какой-то тоской сказал Матадор. — Может, хоть что-то от нас останется...
— Это в каком смысле? — сказал Киндер.
— А в таком, что всё-таки будет в Зоне конец всему, — сказал Матадор. — Вирус какой-нибудь образуется... Тут нас и прихлопнут ядерным зарядом, чтобы не разошлась зараза по всей планете.

— Наконец-то, — сказал Колчак у себя в тамбуре. — А то уже мне гости весь предбанник выморозили...

Вошли Белый и Топтыгин, оживленные, дыша холодом — даже, кажется, Новым годом повеяло, ёлкой, пирогами и мандаринами детства.

— Ну, всё, — сказал Матадор. — Все в сборе. Все, кому некуда и незачем идти...

— Я вижу спящего незнакомца, одетого не по сезону, — сказал Белый.

— А, это к нам шахид приبلудился, — сказал Киндер. — Бакалавр из Алжира...

— Из Марселя, — поправил месье Арчибальд. — Неужели и сегодня вы кого-то спасали?

— Из казармы сбежал молодой солдат, — сказал Белый. — Хотел застрелиться... Едва не замёрз...

— А вы его обратно в казарму, на расправу, — сказал Печкин. — Представляю...

— Я попросил господина Топтыгина провести беседу с другими военнослужащими, — сказал Белый. — Рассказать им об аморальности неуставных отношений...

Раздался такой громовой хохот, что вздрогнул даже спящий шахид, а месье Арчибальд задёргался у себя за стойкой.

— Перебаял я с имя, — сказал Топтыгин. — Схожая братья, а не войско. Сперва на горло пошли, базлают лихоматом. А мне даром. Напечатлел имя синявиц под очи, чтоб заглумок не давали... Теперь далеко думать станут! Вольно диким туловам поползят тиранить...

И выставил свой медный чайник.

— Нет, — сказал бармен и хохотнул по инерции. — Это уж ты точно местных травок засушил...

— Верь чести — то максимов корень! Я не мармазон какой...

С лестницы сошёл Майор — рожа красная.

— Хороший пар, — сказал он. — А веника нету.

— Здешними вениками париться нет резона, — сказал Матадор. — Себе дороже.

— Белый, — подала голос Синильга. — Пойдём наверх, у меня есть веник. Настоящий, берёзовый, с Материка...

Белый смутился.

— Иди-иди, — сказал Матадор. — Все свои.

Торжествующая Синильга взяла Белого под руку и повела к лестнице.

— Если у кого возникла остроумная шутка юмора насчёт веника, — сказал Матадор, — обращайтесь к Топтыгину. Он вам живо напечатлит синявиц...

— Да я молчу, — обиделся Киндер.

Печкин завистливо вздохнул, но враз вылетела у него всякая Синильга из головы — Мыло, покончив с борщом, разложил на столе перед собой пояс шахиды и увлечённо в нём ковырялся...

— Прекрати сейчас же! Колчак, куда ты смотришь? — Матадор тоже вскочил из-за стола, а Киндер вообще оказался за креслом, в котором спал шахид — видимо, думал, что за спиной хозяина взрывного устройства будет безопаснее.

Мыло, не поднимая головы, сказал:

— У дану мить прилада беспечна. Ох и погано ж зроблено! Пидведёт вона хлопця... Кия бы в гирло тому майстру, хто ей смайстрував...

Матадор не без опаски сел.

— Ты бы хоть предупредил... Колчак, почему снова закон нарушаешь?

— Так Мыло же свой, — оправдался Колчак. — А у меня ему тесно...

— Господа сталкеры, — сказал Печкин. — Всё-таки сегодня Сочельник, хоть и католический. Семейный праздник...

Батюшка, всё ещё глядящий в «окно», сказал:

— Неправильный праздник. Игналище Антихристово. А вон и он сам...

На снегу под прожектором стоял человек в чёрном комбезе, чёрном пилотском шлеме и, кажется, без оружия.

— «Монолитчик»... — растерянно сказал Колчак.

Найти психически нормального сталкера невозможно. Любой с хорошими прибабахами, иначе его тут бы не было. Но клан (вернее, секта) «Монолит» состоял из каких-то совсем уж немыслимых изуверов. И вольные, и военные сталкеры при встречах с ними всегда стреляли первыми, если успевали... Живыми «монолитчики» не сдавались, да никто особенно и не старался брать их живыми...

— Я сейчас поднимусь на крышу и полью его из пулемёта, — сказал Киндер.

— А если во «владе» хваленая твоя криосмазка замёрзла? — сказал Матадор. — Не верю я рекламе... Не знают они наших морозов...

— Тогда гранатой, — не растерялся Киндер.

— Послушайте, — сказал Печкин. — А зачем вообще его убивать?

— А зачем баб трахают? — сказал Матадор. — Естественный процесс...

— Кто-нибудь с ними контактировал?

— Того нэ трэба, — сказал Мыло. — Нэ трэба розмовляты з цим байстручиною. Бо воны морок наводють...

— Мало они тебя в Дроньках гоняли? — сказал Матадор Печкину. — Если бы не Маугли, ты бы попал к ним в плен. И принесли бы тебя в жертву Монолиту по всем правилам: восемь часов непрерывной агонии...

— А чем мы рискуем? — сказал Печкин. — Нас много. И не шахид же он, в конце концов...

— Профессиональное любопытство, — сказал Матадор. — Интервью с религиозным фанатиком...

— Надо попросить Топтыгина выйти и отрезать гаду чибышок, — сказал бармен Арчибальд. — Вместе с головой...

— Мне даром, — сказал Топтыгин. — Палемка бриткая...

— Хрен вам, — сказал Батюшка и перекрестился, вспомнив голову бандита Гороха на своём столе. — Благословляю на сокрушение зла традиционным путём обычного отстрела!

Пришелец тем временем спокойно стоял у входной двери — не стучался, не кричал, только вздел руки вверх. То ли сдавался, то ли взывал к милосердию...

— Пусть стоит, пока не замёрзнет, — сказал Матадор. — Как думаешь, милиция?

Майор оторвался от мудрого борща и сказал:

— Под оставление. В опасности. Подпадаем. Совершенное группой лиц. С заранее обдуманной жестокостью. Предлагаю впустить. Произведу лично. Задержание и арест. Потом передам военным. Всё по закону.

— Да мы ведь сами живём не по закону, — сказал Матадор. — Мёрзни, мёрзни, волчий хвост...

— Не даст он нам ни поесть спокойно, ни выпить, — сказал Печкин. — Маячить будет живым укором...

— Ты прав, — нехотя согласился Матадор. — А ведь как без него хорошо было! Даже шахид, и то славный попался — никакой с ним заботушки. Вон как хорошо спит, пузыри пускает... Колчак! Отворяй гаду, чего там... Только ствол в руке держи!

— Сам и отворяй, — сказал Колчак, появившись из-за внутренней двери. — Может, за ним ещё десяток убийц вломятся... И стрелять в тамбуре — сам понимаешь...

— Тогда я мачете из твоего сейфа возьму, — сказал Матадор и поднялся. — Мачете хоть наточен?

— Маугли сам точил, — сказал Колчак.

— Я подстрахую, — сказал Киндер.

— Семяцкого страхуй, спортсмен...

С этими словами седой сталкер прошел к двери, а Колчак закрыл её. Минуты две стояла напряжённая тишина.

— Он без оружия, — раздался голос Матадора. — Не агрессивен. В случае чего выпущу ему кишки...

Вышибала открутил кремальеру. Дверь отворилась. «Монолитчик» вошёл в зал.

— Ноль вам, — сказал он совершенно бесцветным голосом — настолько бесцветным, что не мог принадлежать он ни мужчине, ни женщине, ни старику, ни ребёнку.

Это был голос вообще. Голос как понятие.

И Печкин сразу сообразил, что именно так разговаривает Белый. Да пришелец и лицом походил на Белого — насколько могут быть похожими лица, лишённые индивидуальности.

И вдруг стало Печкину так тревожно, словно открыл он консервную банку, а там изготовился к удару скорпион в томате.

— Что значит — ноль? — сказал он.

— Ноль значит, что нет мира, но нет и войны, — сказал «монолитчик».

Матадор вышел из-за его спины, сходил за креслом, поставил его на середину зала и жестом предложил пришельцу сесть. Всё это время чёрная фигура находилась под прицелом бармена, Киндера и Майора.

— Зачем пришёл? — сказал Матадор.

Пришелец снял шлем. Казалось, он нисколько не замёрз, даже румянец не затронул щёк, да и невозможно было на этом лице представить румянец. Как «пацифик», нарисованный на стене Министерства обороны.

— Я пришёл не к вам, — сказал «монолитчик». — Ни к кому из вас. Мне нужен мой другой.

— Ну так ты опоздал, — сказал Матадор. — Другие все в разъездах. Мёртвый сезон.

— Нельзя шутить такими словами, — сказал пришелец.

— Ах да, ты же из «Монолита», — сказал Матадор. — И какие настроения сейчас в «Монолите»? Что велел сказать Верховный жрец или как там он у вас называется?

— Я не принёс вам вести, — сказал пришелец. — И я не из «Монолита».

— Ну да, — сказал Матадор. — Ты не из «Монолита», ты только форму напялил...

— Одежду я взял там, — сказал пришелец. — Снаружи. Владелец долго не хотел её отдавать. Я дал хорошую цену, и он согласился.

— И запрыгал по снегу нагишом, — сказал Матадор. — Допустим, мы поверили. Дальше что?

— Дальше ждать, — сказал пришелец. — Ждать, когда будет мой другой.

— Да ты прямо Чингачгук какой-то, — сказал Печкин. — Так не пойдёт. Скажи хоть, как к тебе обращаться.

— Вам не нужно ко мне обращаться, — сказал незнакомец. Голова у него была выбрита наголо. — Ко мне обратится мой другой. Я подожду.

И закрыл глаза. На кресле в другом конце зала точно так же спал алжирский бакалавр-самоубийца.

— Жрать хочешь? — сказал Матадор.

Ответа не было. Незнакомец уснул.

— Понты гнал, — сказал Киндер и спрятал наган. — Типа мороз ему не страшен... Вон как его сморило.

— Нет, — сказал Матадор. — На нём снега не было. Ни снежиночки. Видите — даже с обуви не натекло. А ведь простоял он там...

— Отак сама Зона жартует, — сказал Мыло. Он уже закончил ремонтировать пояс шахида и прикидывал его на себя. — То не людына. Його вбыты трэба поскорийше...

— Посла не душат, посредника не убивают, — сказал пришелец, не открывая глаз.

— Вот, Печкин, и таинственный незнакомец тебе в роман, — сказал Матадор. — В финале окажется, что он — побочный сын Большого, в детстве украденный цыганами...

— У Большого не стыришь, — сказал Киндер. — Он сам у любого цыгана коня уведёт...

— Я же не «мыльную оперу» пишу, — обиделся Печкин. Но творческая мысль его уже помчалась стремительным домкратом: братья-антагонисты, разлучённые во младенчестве, борьба противоположностей; но, с другой стороны, зачем им враждовать, если они друг друга не знали? Нестыковочка получается...

Бармену надоела гнетущая тишина, он включил музыкальный центр, и запел Серёга Воркута, лично отсутствующий по причине записи альбома в знаменитой лондонской студии «Эбби роуд».

...Звенит на столах посуда.
Бармен, не надо сдачи!
Всеобщее восхищенье,
Всеобщая похвальба...
Осталась надежда — чудо,
Осталась вода — удача,
Остались патроны — везенье,
А всё остальное — судьба...

А кому нужна моя книга, подумал Печкин. Нет, раскрутить-то её раскрутят, но прибавится ли от неё в мире добра? Наверное, я слишком старомоден, раз думаю об этом. И даже смешон. Но ведь с появлением Белого в Зоне что-то изменилось. Конечно, бросить связчика и раньше считалось западло; но ведь нынче, случается, и чужих спасают! И даже гордятся: я Белого опередил! И собачатся между собой меньше! Это все ветераны отмечают. А Большой только уловил тенденцию и творчески развил... Превращает, так сказать, культуру отношений в цивилизацию...

...Нетронутых писем груда.
Нехитрый уют бродячий,
Предельное напряжение:
Выдержит ли резьба?
Выжил под Выбросом — чудо.
Вышел в Предзонье — удача,
Дожил до рассвета — везенье,
А всё остальное — судьба...

Опус мой забудут на следующий день. Против лома нет приёма: в одно ухо влетает, в другое вылетает. Но я всё-таки буду писать об этом, об этих простых вещах. Снова и снова. О чести, о совести, о милосердии. «А я всё твержу им, как дурачок: да не надо, люди, бояться!» Белого тоже дурачком считали, а он вытаскивал, кого возможно, из лап Зоны и не обращал внимания. Белый же смог. Значит, и я смогу. И любой нормальный человек сможет, если перестанет стесняться своей человечности перед жлобами и вырожденками...

— С лёгким паром! — сказал Киндер.

Печкин оторвался от возвышенных своих мыслей и поднял голову.

По лестнице спускались Белый и Синильга. Они смущённо улыбались, как нашкодившие дети. Сахалярочка куталась в махровый парижский халатище, спасатель был в белоснежном тренировочном костюме — только надписи «СССР» на груди не хватало...

Вдруг его счастливое лицо окаменело.

Пришелец открыл глаза и посмотрел на Белого.

Белый жестом отослал Синильгу наверх, и она подчинилась.

Белый развёл руки, показывая, что лучше бы всем присутствующим разойтись к стеночкам, — и сталкеры подчинились. Только Топтыгин возле стойки хотел что-то сказать, но Белый прижал палец к губам...

Пришелец встал и скрестил руки над головой.

Белый повторил его движение — или приветствие?

Никто из них не принял боевую стойку, но всем стало понятно, что сейчас начнется поединок. Без единого слова. Без угрозы. Без ритуала.

Печкин почувствовал, что не выйдет у него не только встать — вообще пошевелиться. Как тогда, перед химерой. Надо будет спросить у Белого, как вышло с химерой, почему она

сгинула. Боже, о чём я думаю... Мыло прав — этот лжесектант не человек. Человек не может так быстро... Значит, и Белый — тоже?

Противники раскинули руки и пошли по кругу, как в греческом танце сиртаки — только двое из полагающегося хора, другие участники как бы подразумевались. Танцоры двигались всё быстрее и быстрее, пока не образовалась чёрно-белая лента, как в стробоскопе. По этой ленте ползли какие-то изображения. Змея, проглотившая собственный хвост? Монада Лейбница? Спираль ДНК? Партитура музыки Прокофьева к «Гамлету»? Именно эти железные аккорды звучали сейчас в голове журналиста. Интересно, все остальные тоже их слышат? Или каждому своё?

Страшный хор из двух танцоров стал сужаться к центру. Сейчас бойкие поселянки сойдутся — и с весёлым визгом отхлынут назад, отбивая свои дроботушки... Нет, при такой скорости стёрлись бы не только каблуки... Кто побеждает в этом вихре? И что считается победой? Мелькание чёрных и белых полос не позволяло отвести взгляд. Закольцованный штрих-код. В итоге кольцо должно стать серым... Примерно через вечность-другую...

Подняться Печкин не мог, но его страшно тянуло включиться в безумную круговорот, так ребёнку хочется сунуть пальчик в лопасти вентилятора — остановится или нет? Думалось журналисту, что именно там откроются ему все тайны и загадки Зоны, Именно там станет он самим собой...

И вдруг разом всё кончилось — и хор, и аккорды, и поединок.

Участники его лежали замертво на тех же местах, с которых начали движение. Только возле головы пришельца валялся медный чайник, и лицо незнакомца в чёрном было багровым — ошпарило его топтыгинским чайком-да...

А у Белого и лицо стало белым...

— Ништо, — сказал таёжник. — Они живут. Имя только паморки отшибло...

— Синильга, нашатырь и скотч, — скомандовал Матадор. — Не рыдай, всё в порядке. Киндер, когда ленту принесут — упакуй этого затейника... Мыло, взрыватель на поясе нажимной или дистанционный?

— Ще й таймер е, — сказал Мыло. — Три смерти у единому флакони... Ты шо — у хати його будэш?

— Нет, конечно, — сказал седой сталкер. — Теперь отсоедини взрыватель и засунь ему в штаны. Надеюсь, взрывателя дяденьке хватит...

— Эй, — сказал месье Арчибальд. — Вы мне всё заведение разнесёте... Кишками уделаете...

Синильга тем временем хлопотала над Белым, совала вату. Печкин помог ей усадить Белого в кресло.

Усадили в кресло и ошпаренного незнакомца — примотали руки-ноги-талию.

— Месье Арчибальд, — сказал Матадор. — А лучше будет, если он во что-нибудь превратится? Помнишь ведь перевоплощение Душмана? Тогда вообще весь интерьер менять пришлось...

— Белый в себя приходит, — сказал Печкин.

— Эх, — сказал Киндер. — Сейчас начнётся: не мучайте его, мы и так в аду... Ты бы ему объяснил, Батюшка, что с антихристами не церемонятся...

— Так антихрист и смерти не боится, — сказал Батюшка.

— А ладно бы его с полотенцем спросить, — сказал Топтыгин. — Тогда и не нагрезим в избе...

— Как — с полотенцем? — сказал Матадор.

— А так, — сказал Топтыгин. — Палка да полотенце округ башки. И заворачивать, пока истоку не узнаем... Кара ему падёт нестерпимая, он и ответит про всё...

— Ага! — понял Матадор. — «Не сдавливай мне голову при помощи палки и верёвочной петли, о великий Ходжа Насреддин!» Гуманисты у нас в тайге живут, однако...

— Всё правильно сказал, — заметил бармен. — Нечего грязь разводить...

— Может, его в тамбуре закрыть... — сказал Матадор. — Чтобы не рисковать...

— Не-ет! — заревел из тамбура Колчак. — Мы и так с Марконеё елѣ восстановили всё! И опять! Выкиньте его на мороз — сам назад запросится! Мы и то околели!

— Вы с ума сошли! Освободите его!

Все переглянулись и с облегчением поняли, что это говорит Белый.

Тут и пленник заговорил так, что все притихли. Из ошпаренных уст таинственного посланца Тьмы пошёл косяком отборнейший мат, уж никак не приличествующий его прежнему статусу:

— ...вы что... вашу... честного человека... на свои... бутылку обещали... фашисты... за моё доверие... волки позорные... не имеете такого права...

На каждое слово с информацией приходился десяток слов с интонацией, как и положено при хорошем разговоре.

— Вот видите, — сказал Белый. — Отпустите...

— Он машкарат, — сказал Топтыгин. — Подменный... То карацкие слова говорил, по-тамошни баял, а то экое некраснословье развёл! Срам слушать, как сатану тешил! Двоедушный он...

Плача и захлебываясь, незнакомец поведал сорванным голосом, что зовут его Паша Черентай, что от хозяина он год как откинулся, потому и лежал себе спокойно в скверике при железнодорожной станции и спал, и тут приступил к нему человек и пообещал бутылку, он и пошёл, и ничего больше не помнит... Зачем вы мне башку побрили? Зачем в морду кипятком плеснули? За что связали? Что я натворил? Я трезвый был, только с бодунища...

— Развяжите, — напомнил Белый.

— Белый, — сказал Матадор. — Он же в любую минуту снова может перекинуться в этого... Не знаю кого... Опять танец нам устроите... Данс макабр...

— Ничего не понимаю, — сказал Белый. — Какой танец?

— Какой танец? — спросил и Паша Черентай.

У него и лицо изменилось, словно кипяток смыл толстый слой грима. Вместо зловещего аскета с незапоминающимися чертами физиономии (мечта разведчика) перед ними сидел средних лет бомжик, испитой, небритый, морщинистый...

— Погодите. — К пленнику подошёл Майор. Он не давал о себе знать с той самой поры, когда незнакомца впустили, — сидел за своим столом да хлебал борщ, ни во что не вступая. — Надо выяснить. Личность. Это моя компетенция.

— Да освободите же его поскорей! — сказал Белый.

— Ты что, правда не помнишь, как вы тут скакали? — сказал Печкин.

— Помню, как сошёл с лестницы... Или я упал с лестницы? — сказал Белый.

— Вы не упали, — сказал Майор. — Вы производили. Совместно с этим. Определённые действия невыясненного назначения. Но я прошу. Провести дознание. Я сделаю это лучше. Чем вы. Потом можно будет расконвоировать. По результату. Учесть сотрудничество со следствием...

— Во-во, — обрадовался Паша Черентай. — Давай, начальник. Эти психи мне морду кипятком ошпарили... Без профилактической беседы...

— Не урочи, — сказал Топтыгин. — Кипятком... Елѣ тёпленький уже был чаёк-да! А вот посудину ты мне погнул своей башкой! Ответишь!

— Имя. Фамилия. Отчество, — сказал Майор.

— Черентаев Паша... То есть Павел Эмильевич, — сказал бывший незнакомец.

— Ка-ак? — не поверил своим ушам Матадор.

Майор поглядел на сталкера укоризненно: не мешай!

— Эмильевич, — повторил Черентай. — А вам что — тоже смешно? Ничего смешного...

— Год и место рождения, — сказал Майор.

— Одна тысяча девятьсот... семьдесят... нет, восемьдесят... Восемьдесят второй, вот! Город Челябинск!

— Постоянное место жительства?

— А вот этого не имею, — огорчился Черентай. — Я сезонник.

— Семейное положение?

— Я же говорю — сезонник... Одно время подженился в Ростове — но не срослось...

— Имя, фамилия сожительницы?

— Татьяна... Не, Люба. Татьяна в Перми осталась. Не поехала на калым. А Танька меня кавказонам и продала. Нет, Любка. Я у их в рабстве был...

— Не похоже, — сказал Майор. — Руки. Грязные, да. Но не рабочие. По карманам щипал. Углы на бану вертел. Лохотронил.

— Да уж где уж, — вздохнул бомжик. — Так, по мелочи.

Все обитатели бара «Хардчо» с интересом наблюдали, как на их глазах в тяжких муках рождается истина. Только Белый сказал:

— При чём всё это? Не мучайте человека, мы и так...

— Прошу не оказывать, — сказал Майор. — Давления. На следствие. Последнее место. Жительства.

— Так Ростов же! Нет, Стерлитамак...

— Документы. Какие-нибудь. Справка.

— Может, и были документы, гражданин следователь, только этот демон их у меня и забрал.

Печкин наострил уши. Вот уже и демоны объявились в романе... Мистика нарисовалась...

— Имя, фамилия демона.

— Кто же у демонов фамилии спрашивает? — удивился Черентай. — И не в том я был положении, чтобы спрашивать...

— В каком. Положении. Вы были.

— Так в горизонтальном же! — обрадовался бомжик. — Я же говорю — в скверике лежал. Около вокзала. А меня этот демон и поднял — пнул по рёбрам. Я думал — это мент, то есть, извиняюсь, сотрудник ко мне вежливо обращается, а это, оказывается, он...

— Почему. Вы подумали. Что это демон, — сказал Майор.

Черентай смутился.

— Ну, демон не в смысле демон, — сказал он наконец. — А демон в смысле неизвестно кто.

— Значит. Неизвестный человек, — сказал Майор. — Особые приметы. Неизвестного.

— Костюм серый, хороший... Галстук серый, хороший... Шляпа серая, хорошая... Ботинки коричневые, но тоже хорошие...

— Врёт он всё вам, — подал голос Батюшка. — Которые демонов видели, так они по-другому поют...

— Прошу не оказывать, — бесстрастно сказал Майор. — О чём. Он с вами говорил.

— Работу предложил, — сказал Паша Черентай. — Непыльную, сказал. Типа сторож...

— Дальше.

— А дальше я ничего не помню, — развёл руками бомжик. — А потом вы мне в морду кипятком и плеснули и голову чуть не проломил...

— Одежду где взял, — сказал Майор. — Берцы где взял.

— Не моё! — страстно воскликнул Черентай. — Без суда не имеете права в тюремное одевать!

— Чего ж ты. Павлиан бесхвостый. Ваньку перед нами валял?! — рявкнул наконец-то Майор.

Паша Черентай сжался в кресле — насколько путы позволили.

— Ничего я не валял, — пробормотал он. — Я даже не знаю, что вы за люди...

— А кто. Здесь цирк устроил. На пару с потерпевшим.

— Да я не потерпевший, — виновато сказал Белый. — Я тоже ничего не помню. Отпустите его...

— Вот! — обрадовался бомж. — И товарищ тоже...

Печкин не выдержал.

— Так не годится, — сказал он. — Только что мы столкнулись со сверхъестественным явлением. И вдруг оказывается, что его виновник — обыкновенный бичара. Так не бывает. Человек не может так резко измениться. То он был прямо Посланец Чёрного Властелина, а то вдруг Паша Черентай. Читатель не поверит... То есть... Я имею в виду...

— Вы закончили, — не спросил, а констатировал Майор. — Продолжаю. Вы сознаёте. Где находитесь.

— Где, где... В Кзыл-Орде! Да в том же городе поганом, которая станция...

— Название станции.

— Так я же там спал! Я на название не смотрел! Меня с поезда выкинули... То есть с электрички...

Майор выразительно посмотрел на Топтыгина.

— Полотенце, — сказал он. — Жалко. Что не знал такого способа. Теперь знаю. Это лучше. Чем «слоник». Никаких следов.

— Нет! — закричал Паша Черентай. — Я вспомнил! Станция Кошкин! Город Кошкин! Там я спал! На лавочке!

— Ну да, — сказал молчавший дотоле Матадор. — В ночь перед Рождеством он спал на лавочке. Девочка со спичками. Это не показания у нас получаются, а святочный рассказ...

— Какое Рождество? — сказал Паша. — Тепло было — июнь же месяц на дворе... В декабре я бы точно себе подвальчик надыбал...

— Июнь, — сказал Майор. — Какого года?

Черентай ответил.

— Хотя бы год. Совпадает, — сказал Майор. — Ну и где же. Ты мотался. Столько лет. Прежде чем. Пришёл сюда. Цирк нам устраивать.

— К-какие столько лет? Я что — в полной отключке был?

— Получается да, — сказал Майор. — По-твоему. Месье Арчибальд. Чистое длинное полотенце.

— Постойте! — закричал Белый. — Всё совпадает! Город Кошкин! Так и должно быть. Он не лжёт. Именно этот город.

— Никогда не слышал, — сказал Матадор.

— Это город, — сказал Белый, — в котором я появился на свет семь лет назад.

Глава четвёртая

Когда майора Каргина с треском уволили из внутренних органов за грубость и бестактность (уложил при облаве в ночном клубе мордой в паркет известного визажиста), он решил стать частным детективом.

В напарники к Каргину пойти никто из коллег не пожелал — «Хороший ты мужик, Сева, в деле, но характер у тебя по жизни тяжёлый». Из-за этого характера он и семью потерял.

Первый же клиент, начальственного вида мужчина, пожаловался:

— Видите ли, я подозреваю, что супруга моя, Ланочка, не верна мне...

Майор посмотрел исподлобья и сказал:

— Хрюли там. Подозревать. Ты на себя. В зеркало. Глянь. Тебе рога. Не прилепить. Это женщине. Себя не уважать. Моя ставка. Пять кусков в день. Плюс текущие.

Клиент вылетел из офисной клетушки с возмущённым визгом, а Каргин вздохнул:

— Ну не умею я. С такими людьми.

Вообще-то он ни с какими людьми не умел, кроме бандитов. Зато уж с этими он умел хорошо.

Вот и не вышло из него ни Пуаро, ни даже Майка Хаммера, а ведь на что грубый был мужчина Майк Хаммер с быстрым револьвером.

Вот и устроился Каргин обычным охранником в районном филиале московского «Сталкербанка» — сутки через трое. Потом вырос до старшего инкассатора. Несмотря на

профиль банка, не интересовался ни Зоной, ни тамошними делами. Стражник в офисе «Лукойла» тоже, поди, не буровой мастер...

А про киллера Гороха позвонил Картину бывший сослуживец:

— Объявился твой снайпер. Из Киева сообщили. Только они сказали, что ловить не будут, потому что он ушёл в Зону...

Майор скоропалительно уволился и поехал в Киев...

...Когда Белый в тот вечер перед Рождеством предложил ему и Печкину особого рода расследование, Майор сразу согласился. Не то чтобы Зона ему надоела — просто там он постоянно чувствовал, что занимается не своим делом. Да и слишком легко там: увидел врага — стреляй, а не беги к прокурору за ордером. И объяснений писать не нужно. Как-то несерьёзно...

И Печкин согласился — в конце концов, ему пришлось бы придумывать герою какую-нибудь биографию. А тут появился шанс установить подлинную...

Хоть и невелик был этот шанс.

Ничего о себе не знал Белый. Даже имени своего не знал.

— Поедем, — сказал Майору в тот вечер Печкин. — Сразу после Нового года и поедем. Что мы теряем? Зима так и так пропащая. К тому же работа по специальности: журналистское расследование, подкреплённое милицейскими методами... И народ по случаю праздника расслабленный, на разговоры податливый...

— Поедем, — согласился Майор. — Только вот. Ты меня. Поучи как. А то я действительно. С людьми. Как-то разучился. Может. И не умел.

— Делай как я! — махнул рукой журналист. — К тому же клиент платит...

— Мы с тобой, — сказал Майор. — Его крестники. Мы теперь обязаны. Дело чести. Не говори «клиент». Про Белого. А то. Тяжкие телесные.

— Гуманизация ментовского менталитета, урок первый, — сказал Печкин. — Никакой разговор не следует начинать с угрозы. Это может насторожить собеседника... Вот ещё не помешала бы нам легализация...

— У хорошего мента, — сказал Майор. — Ксив должно быть до черта. И они есть. Фотографии. Мыло клеит.

— Вот, гуманизируешься помаленьку, — сказал Печкин. — И ещё. Мы возьмём туда с собой Черентая...

— Соображаешь, — сказал Майор. — На живца. Только почему. Ты уверен. Что его «демон». До сих пор. Там ошивается.

— А потому что некуда нам больше ехать, кроме как в город Кошкин, — сказал Печкин. — Я и не знал, что есть в России такой город — Кошкин...

— Я тоже, — сказал Майор. — Надо пробить.

— Если существует в России город Мышкин, — сказал Печкин, — то должен где-то быть и Кошкин. Это диалектика, Ватсон.

— Но для начала, — сказал Майор. — Следует опросить. Тех, кто в Зоне. Начиная с Белого. Поехали.

Неизвестный по прозвищу Белый, возраст примерно 30 лет

Право, я затрудняюсь, с чего начать. Осознавать себя я начал там, в санатории «Глубокий сон». То есть сначала я не знал, что это санаторий.

Говорят, что в первые дни я был как младенец, но быстро начал повторять слова за людьми, а потом и связывать эти слова в предложения и фразы.

Каждый день я вспоминал всё новые и новые слова. И не только русские. Я прекрасно понимал, что нахожусь в России, на планете Земля. Я знал, что такое частная нервная клиника. Я понимал, что «Глубокий сон» — клиника дорогая, из чего сделал поспешный вывод, что являлся состоятельным человеком или имел состоятельных родственников.

Профессор Сметанич назвал моё заболевание лакунарной амнезией.

— Ваша память превратилась в кружево, дорогой мой, — сказал профессор. — Но не сплетённое, а вырезное — как вырезают из многократно сложенного листа бумаги снежинки. Не представляю, как можно столь выборочно стирать память. Как в кинокомедии про жуликов: «Вот тут помню, а вот тут не помню». Интересный случай, дорогой мой! Если я пойму, как именно обработали ваши мозги, — все спецслужбы мира поставят мне памятник. Нам с вами... Уж очень вы не похожи на обычных «потеряшек»...

Потом он показал мне видеофильм. В нём рассказывалось о том, как в начале века в России то и дело стали объявляться (чаще всего на вокзалах) люди (главным образом мужского пола, хотя попадались и женщины), совершенно потерявшие память. А также деньги и документы.

Поэтов покидает Муза. А «потеряшек» покинула Мнемозина. Оказывается, я прекрасно знал и эти мифологические имена, и многие другие.

Не знал только своего имени. Не знал имён отца и матери, родственников, названия города или городов, в которых я жил.

Те несчастные, в фильме, иногда находились — либо сами начинали что-то вспоминать, либо родственники и знакомые откликались на объявления в газетах или по телевидению. Но нередко оставались пациентами клиник до конца жизни.

Авторы фильма намекали, что «потеряшки» — жертвы бесчеловечных экспериментов различных спецслужб. После перемен, произошедших в стране (я, оказывается, знал и об этом!), власть утратила контроль над разными секретными лабораториями, поскольку прекратила их финансировать и вообще разогнала. Но некоторые, видимо, сохранились и продолжили свою зловещую деятельность...

Всё это вздор, сказал профессор Сметанич. Причина проста. Умные люди не советуют выпивать в дороге со случайными попутчиками, и они совершенно правы. Клофелин, добавленный в водку, может и вообще убить — но уж память повредит наверняка. И зачастую необратимо... Нам не надо никаких секретных лабораторий, мы и сами управимся...

Но и под эту категорию я не попадаю.

— А во что я был одет? — спросил я.

— Так, ничего особенного, — сказал профессор. — Среднестатистический костюм. Не фабрика «Большевичка», конечно, — хороший Китай. Нам это ничего не дало. Равно как и фотография по телевизору. Никто не откликнулся. Похоже, никто и не мог откликнуться...

— Почему? — спросил я.

— Потому что ваше лицо изменено пластической хирургией, — сказал Сметанич. — И операция была виртуозной, я консультировался со специалистами. Запрос в МВД тоже ничего не дал — вероятно, вы получали документы до обязательной дактилоскопии или как-то уклонились от неё...

— Выходит, я преступник какой-то?

— Дорогой мой, вы можете оказаться кем угодно. Впрочем, я не думаю, что вы преступник. Скорее жертва... Мы будем тесно сотрудничать и докапаемся до истины — рано или поздно...

Не очень-то он старался. Быстро охладел к моей особе. Иногда только вызывал в кабинет и спрашивал, не припомнил ли я чего-либо.

Занималась мной в основном библиотекарь Кира Петровна. В клинике «Глубокий сон» была неплохая библиотека.

Кира Петровна была пожилая дама гренадерского роста и выправки, с породистым лицом греческой статуи. Всю жизнь она работала с книгами и среди книг, а когда в городе Кошкине оптимизировали библиотечное дело, перебралась сюда, в клинику. Профессор Сметанич старался, чтобы у него работали культурные люди. Там и санитары не зверствовали и вообще не позволяли себе лишнего — у профессора с такими разговор был короткий, а найти другую работу в Кошкине просто невозможно.

Клиника «Глубокий сон» практически была градообразующим предприятием...

Итак, занималась мной только Кира Петровна. И подозреваю, что исключительно по собственной инициативе. Потому что она была идеалистка. Праправнучка декабриста Мошкова. Её семья вовремя переехала из Ленинграда в тихий Кошкин — на всякий случай. Но и тут не зажились родители, не дали им такой возможности...

Вот ведь как странно: я прекрасно помнил и знал историю своей страны — и совершенно не ведал собственной истории...

Кира Петровна, собственно, и воспитала меня. Потому что вся информация, сохранившаяся в моём изуродованном мозгу, не несла в себе никаких нравственных установок. Я был никем. Всё, что заложено в моём нынешнем поведении, получено мной исключительно от замечательной моей наставницы. Потому, должно быть, и кажусь старомодным... Это ведь её была поговорка: «Вы не мучайте друг друга, мы и так живём в аду».

Меня она звала просто — Юноша. Она не считала себя вправе дать мне имя, хотя стала фактически матерью для несчастного потеряшки.

Какое счастье, что я встретил её раньше, чем Сильвера! Страшно подумать, в какое чудовище он мог бы меня превратить!

Хотя нет, не превратил бы. Я был нужен ему именно таким — наивным, честным, милосердным, почитающим старших...

Пациенты в клинике казались мне скучными. Богатые маразматики, эстрадные звёзды, страдающие наркоманией и алкоголизмом, бизнесмены, надорвавшиеся на работе, какие-то подозрительные личности, явно отсиживающиеся в роскошных палатах «Глубокого сна» до лучших времён.

Не лезь в их тёмные дела, не уставала повторять мне Кира Петровна, не пытайся их воспитывать, общайся с ними как можно меньше, доброму они не научат...

Сильвер не походил ни на кого из них.

Моего соседа по палате, дёрганого юношу, наследника нефтяного семейства, выписали, к моему удовольствию — он постоянно рассказывал идиотские анекдоты, причём я почему-то эти анекдоты уже знал. И его место занял Сильвер.

Позже-то я понял, в чём состояло его показное безумие. И почему оно было показное.

К извечным пациентам психиатрических лечебных заведений, то есть к Наполеонам, фараонам, товарищам Сталиным, генеральным конструкторам Королёвым и посланцам планеты Криптон прибавились сталкеры. Хотя что это я — Наполеонов давно уже не водится...

Что интересно, ведь наверняка были среди них и настоящие — пребывание в Зоне очень легко поражает психику. Правда, со снесённой крышей здесь не погуляешь. Но иногда и безумцам удавалось выжить. Вадим Иосифович — ну, Пилюлькин — рассказывал мне, что сам отправил двоих таких на излечение.

В большинстве же случаев это были люди, повернувшиеся на теме Зоны под воздействием фильмов, компьютерных игр, книжек и, представьте, детских игрушек. Оказывается, продаётся даже особый набор для подростков — «Юный сталкер».

В нашей клинике сталкеров не было — ни настоящих, ни воображаемых. Для них это слишком дорогое удовольствие. Сильвер явился исключением. Как он туда попал... Но не буду забегать вперёд.

Он вошёл, прихрамывая, в палату — и принёс с собой жизнь. Не выморочное существование гламурных психопатов или финансовых неврастеников, а настоящую — в которой бушуют Выбросы, стреляют гауссовки, прыгают кровососы, ковыляют зомби, но настоящие мужчины их не боятся, а смело устремляются на поиски сокровищ...

Погоди, парень, говорил он, вот придёт время — и мы пойдём туда с тобой искать «сердце ангела».

Очень ему шла эта кличка — Сильвер (потом я узнал, что в Зоне его звали по-другому). Обаятельнейшая была личность. Лысый, с мощной шеей, постоянно в хорошем настроении, которое тут же передавалось окружающим...

— Что ты у своей ботанички торчишь, юнга? — говорил он за обедом. — Пойдём в парк побегаем. Пусть в Зоне и не бегают, но форму держать надо...

И хотя правую ногу Сильверу заменял протез, я еле за ним поспевал. И в спортзале он меня гонял как надо — за что я, по идее, должен бы его благодарить. Но я не буду его благодарить.

— Физические упражнения — это прекрасно, — говорила мне Кира Петровна. — Это я всецело одобряю. Только не верь его рассказам. Не зря же он себя называет Сильвером... Заклинаю тебя — ничему не верь!

И на миг показалось мне, что находимся мы не среди книжных полок, а в пещере у каменного алтаря, и седая чародейка меня действительно заклинает...

Ведь когда человека заклинают — его и заклинивает. Язык невозможно обмануть.

Тогда мне казалось — ревнует старушка своего питомца. Обычное дело.

Шли дни, и всё чаще говорил Сильвер о грядущем нашем походе, о будущем богатстве, о прекрасной новой жизни.

— Только ты там не бойся ничего, — говорил он. — Если я тебе скажу — иди вон туда, то туда и иди. Плохого не будет, юнга. «Сердце ангела» может взять только человек с чистой душой и совестью, а чище твоих где же взять? Вот подожди, станет потеплее...

И рассказывал о том, как мы купим замок где-нибудь в Пиринеях или в пойме Луары, заживём там на славу, я женюсь на кинозвезде, а он будет наших деток нянчить и настоящих людей из них растить.

— И ботаничку свою заберёшь, если хочешь, — говорил он. — Будет мальцов учить грамоте...

Я хитро ухмыльнулся, припомнив историю с Аладдином и дядюшкой-магрибинцем. В конечном счёте выиграл Аладдин.

Однажды я застал Киру Петровну сильно озабоченной и даже мрачной.

— Юноша, — сказала она. — Кажется, плохо дело. Сегодня приезжал какой-то человек. И немаленький — судя по всему. Профессор ему тебя показывал, когда вы с этим хромым бесом гуляли по парку. Именно тебя, а не хромого — кому мы, старики, нужны. И этот человек мне нравится ещё меньше твоего Сильвера. Знаю я, откуда этот посетитель. Догадываюсь. Насмотрелась на эту братию невидимого фронта... Ничего хорошего тебя не ждёт. Тебе надо бежать... А я, старая дура, и не позаботилась на такой случай. Хотя толку-то? Документы подделывать я не умею, подкопы рыть тоже...

— Кира Петровна, — вдохновенно сказал я, — да ведь у нас уже всё готово!

И простодушно изложил ей наш план побега. Она потемнела.

— Ну, Сильвер проходимец ещё тот, — сказала она. — Так что ты постарайся сбежать от него при первой возможности. Как юный Джим Хокинс. Тем более что он сокровища сулит. Понял — при первой же возможности! В первом же большом городе!

Я пообещал. Я ещё не знал, что старый пират потащит меня на верёвке, свитой из крови...

С таким же простодушием рассказал я Сильверу о подозрительном профессорском госте.

Сильвер тоже помрачнел.

— Эх, — сказал он. — Не всё я приготовил, но тут уж ничего не поделаешь. Одежду гражданскую, правда, достал, а документы... По дороге добудем. Уходить будем в полночь. А пока давай-ка выпьем немного рому — за ветер добычи, за ветер удачи... Я с обеда заначил!

Ромом у нас называлось обычное столовое вино. Хотя и не очень обычное, всё-таки заведение было элитарным.

Да, не очень-то обычным оказалось вино...

Сильвер действительно растолкал меня среди ночи. Было темно, только дежурная лампочка чуть светила в коридоре. Потому что находились мы уже не в палате, и был я одет в какое-то чужое тряпье. И всего меня колотило...

— Ну ты маньяк, юнга, — сказал Сильвер. — Теперь, поди, будешь говорить, что ничего не помнишь... Я за тебя отвечать не собираюсь. Я на мокрое не подписывался...

Глава пятая

Вагон электрички был старый, дребезжащий всеми составными частями. Даже двери в тамбуре были не на пневматике — можно сесть на приступочек и ножки свесить, наблюдая за проплывающим пейзажем. Электричка с такими вагонами в народе называлась почему-то «передача».

Но сейчас сидеть, свесив ножки, ни у кого желания не было. За стенами вагона стояла зима — не такая лютая, как в Зоне, но всё-таки. Нормальная среднерусская зима...

— Ты почему такой вагон выбрал? — донимал Майора Печкин. — Щель на щели. Другие люди едут как люди, а мы...

— А вдруг, — сказал Майор. — Он опять начнёт. Перевоплощаться. В этого. Как ты сказал. Чёрного Посланца. Тогда мы его. Выкинем из вагона. Без проблем. А потом. Сам понимаешь.

— Так ведь я могу... — сказал Печкин.

— Не можешь, — сказал Майор. — Побереги до последней крайности.

Черентай сидел напротив Печкина с Майором, дрожал от холода и шевельнуться лишний раз боялся: на нём был пояс шахида, а пульт с кнопкой — у Майора. На всякий случай. Бомба для бомбы. Правда, искусник Мыло замаскировал всё смертоносное хозяйство так, что выглядела сбруйка словно обыкновенный ортопедический бандаж из собачьей шерсти — для тепла.

А вот как раз тепла Паше Черентаю явно не хватало, хоть и подогревал его Майор время от времени из фляжечки. Держать этого типа в трезвости он опасался. Паша завистливо поглядывал на роскошную шапку журналиста.

— Не понимаю я твой план, — сказал Печкин. — Ну, приедем мы. Ну, выйдем. Что дальше? Снова положим Пашу в скверике и будем ждать «демона»? До весны?

— Может быть, — сказал майор. — Не исключаю. Главное — засветить его. Да и себя.

— А не засветим?

— Тогда план Бэ. Ведём клиента в ту самую дурку. Пытаемся сдать. Заявление от родственников есть. Накорябал.

— Не прохонже, — жалобно сказал Паша. — Там не простая дурка. Туда на зиму хорошо бы! Только платить, как в пятизвёздочном отеле...

— Главное — в дурку попасть, — сказал Майор. — Дальше по обстоятельствам.

— Авантюра, — сказал Печкин. — Без легенды, без подготовки, без... Без концепции, наконец!

— Не в книжке, — сказал Майор. — Это жизнь. Импровизировать надо. Писатель. Вот и придумывай. У тебя на то. Калган заточен.

Неважно заточен, подумал Печкин. Не складывается у меня легенда. Кто там чего помнит? Сколько лет прошло, а память нынче у людей оперативная. Долговременная мало у кого есть. А документы посмотреть нам никто не даст по-хорошему. Придётся по-плохому...

Тут хлопнула тамбурная дверь, и сквозь вагон промчалась стая трудных подростков — человек пять.

— Проверка, — сказал Майор. — Черентай. Помалкивай. Иначе сам знаешь. Нам терять. Нечего.

И действительно, вскоре в холодный вагон проследовали трое — контролёр (обычный, обычный!) и двое милицеских во главе с сержантом. Сержант был уже немолод — такому туфту не впарить...

Ну, билеты-то у них были, и контролёр трижды щёлкнул своими щипчиками. Сержант жестом отослал его дальше и критически оглядел всех троих. Одеты хорошо; пьяны в меру; чего же это они в таком дискомфорте путешествуют?

Потом всмотрелся в Черентая...

— Все странствуешь? Опять за старое взялся? — сказал сержант. — Вы, граждане, проверьте-ка у себя деньги и документы. Заодно и мне покажите... В смысле документы...

Документы у них тоже были. И очень серьезные — для сержантского уровня. А к солидным людям, при аппаратуре соответствующей, с такой фуфловой ксивотой лучше было не соваться...

А сержант отковырял, и напарник его то же самое.

— Сержант Милюков, рядовой Баумгарт... Ступай, рядовой, продолжай проверку, а я с товарищами из Москвы посоветуюсь...

— Слушаю вас, — сказал Майор, когда рядовой Баумгарт удалился.

— Товарищ полковник, я этого типа знаю. Его вся железнодорожная милиция знает. Он по вагонам работает, только засыпается всякий раз по пьяни. Жалкая личность. Перекатипole...

— Ну и, — сказал Майор.

— Ну и вот... Докладываю... — неуверенно сказал сержант. — Чтобы вы... В курсе...

— Органы в курсе, — сказал Майор.

— У вас, я извиняюсь, что — следственный эксперимент?

— Если я, — сказал Майор. — Тебе скажу. Тогда мне придётся. Тебя убить. А потом напарник. Убьёт меня. А потом себя. Уровень секретности. Понял.

— Понял, — сказал сержант Милюков. — А Черентай?

Мысль о том, что презренный Черентай один останется наслаждаться своей никчёмной жизнью, глубоко потрясла сержанта Милюкова.

— Шучу, — милостиво сказал Майор. — Давно ты видел. Черентаева Павла Эмильевича. В последний раз.

— Так тем самым летом, — сказал Милюков. — Его не забудешь. Как раз на этой ветке. Я его в Кошкине посадил. По-хорошему его надо было в район доставить, но тогда в вагоне поздние дембеля дрались, не до него...

Майор понимающе кивнул, потому что поздние, прямо с гауптвахты, дембеля — это серьезно.

— А то убили бы его дембеля-то, — добавил сержант. — По ним даже пришлось оружие правомерно применить...

— Вот видишь, урка с мыльного завода, — сказал Печкин, обращаясь к Паше, — а ты ментов парафинишь всю дорогу. Он тебя, урода, спас...

Сержант благодарно кивнул журналисту, явно подозревая в нём сотрудника госбезопасности.

— А вы с ним... в Кошкин? — сказал он.

— Туда, — сказал Печкин. — Для выяснения.

— Так это из-за него было столько шума? — сказал сержант.

— В смысле, — сказал Майор с полковничьим удостоверением.

— Ну, тогда... Тем летом... Стрельба эта вся... Даже нас поснимали с дороги — и в оцепление. Это его на самом деле ловили?

— Его-его, — сказал Печкин и выразительно глянул на Майора: видишь, импровизирую, легенду творю...

— Подробнее, — сказал Майор. Его манера говорить сильно впечатлила сержанта: большой человек, матёрый опер!

И Милюков рассказал, что семь лет назад в Кошкине, судя по ориентировке, схлестнулись две какие-то банды. И как-то связано было это побоище с местным санаторием для психов. И с какой-то шикарной иномаркой, брошенной на дороге. И были пострадавшие. Но толком простым ментам так ничего и не объяснили — кто, кого, чего, зачем...

— А ты сам кошкинский? — сказал Печкин.

Сержант Милюков оторопел, словно спросили сержанта, не участвовал ли он в мюнхенском гей-параде ещё при Гитлере.

— Н-нет, слава богу, — выдохнул он.

— А приятели там есть? — сказал журналист. — Ну, родня, знакомые... Баба, наконец...

— Тьфу на вас, — сказал сержант, но тут же убоялся своей дерзости: — В смысле да что вы! Кошкинские все с приездом. Они ведь при санатории работают — кто в обслуге, кто в охране, кто где. Там личного состава больше, чем больных! А кто с психами работает, тот сам психом становится. Потому что шизофрения передаётся вирусным путём. Британские учёные сказали.

— А менты там что — тоже психи?

— Ещё какие! — со страстью сказал Милюков. — Городишко маленький, депрессивный... Все друг друга знают. Скучно им. От такой службы без всякого вируса спятишь... Мне и вашего подследственного пришлось там высадить, а на сердце тревога, но делать-то нечего было! Хорошо он живой остался!

— Молодец, — сказал Печкин. — Хвалю. Про наш разговор никому ни слова. Вот, выпей с друзьями за успех нашего безнадёжного дела...

И протянул сержанту крупную купюру.

Милюков откозырял, развернулся — и пошёл по вагону в ту же сторону, откуда пришёл.

— Зачем, — сказал сталкер Майор.

— Чтобы засветиться, — сказал сталкер Печкин.

Глава шестая

Марк Давидович Штерн по прозвищу Матадор, 52 года

Белого я впервые увидел, когда мы с Мылом ходили на хутор Журавли — есть там одно перспективное местечко. Сразу скажу, что не мы одни про это местечко знали. Поэтому без стрельбы не обошлось. Но повезло нам — бандюки много патронов извели на собак. Так среди собачьих тел мы их и положили. Извините, в благородство не играли, право первого выстрела врагу не уступили. Не французы, чай, в битве при Мальплаке.

Обыскали бандюков — и дальше движемся. А надо вам знать, что кратчайший путь к хутору Журавли лежит через Костяное поле. В Зоне вообще кости везде валяются, но такое уж это было проклятое место. Нет, аномалий там не водилось, но что-то жуткое присутствовало. Проверять, что именно, никому не хотелось. Там все вперемешку лежат — и люди, и монстры. Поэтому обходили мы это поле за три версты, тоже рискуя изрядно — там в лесочке снайперов полно. И до сих пор обходим. Но всё это ненужные подробности.

Прежде чем крюка давать через лесочек, мы сделали привал. Сыро, костра не разведёшь, да и не надо бы там сидеть, но Мыло настоял. Голодное брюхо — не наш метод.

Вдруг видим — через это Костяное поле кто-то тащится. Ну, стволы наизготовку, ждём-с. Мы его хорошо видим, а он нас вряд ли — опытный сталкер выбирать место для отдыха умеет.

Это зомбак, говорит Мыло. Вон как его култыхает. Да он один к тому же. Нечего на него отвлекаться.

А я смотрю — нет, не зомби. Зомби с рюкзаками не ходят, да ещё с такими здоровенными, что руками придерживать приходится.

Это человек, говорю я. И он другого человека несёт. Так что сразу стрелять не будем. И почему-то нас несколько не удивляет, что так смело шагает этот тип со своей ношей по такому опасному месту. Вот, думаю, сейчас этого альтруиста и накроет. Заодно и мы узнаем, что за беда там таится, на Костяном поле...

Ближе, ближе — вот уже рассмотреть можно. Тот, который несёт, в простой гражданской одежде, зато несомый — в камуфляжном комбезе, и рожа его поганая мне хорошо знакома...

— Стой, — говорю. — Клади его на землю.

Он остановился — и бережно так тело на землю опустил. Потом головой замотал — ищет, кто его окликнул.

— Нам нужна помощь, — говорит альтруист. — Где можно найти врача?

— А ты кто такой? — говорю.

— Не знаю, — говорит альтруист. — Только господину Сильверу срочно нужна помощь. Он потерял много крови.

Ну, тут я не выдержал, встал, Мылу показал — прикрой если что — и подхожу поближе. Смотрю — совсем мальчишка, глаза ввалились, дышит тяжело, поскольку ноша ещё та...

Кличка у этого типа была Додон. Это парнишке он Сильвером представился — не иначе для романтики. Расклад ясен — осмелился вернуться в Зону старый мерзавец, отмычку притащил... Значит, где-то у Додона схрон имеется, и важные вещи там хранятся, если не побоялся вернуться.

— В санатории меня все звали — Юноша, — говорит альтруист.

Ага! Вот, значит, где Додон отсиживался! То-то его ребята на Материке замучились искать. А у них и средства были, и финансы... Крутой, видать, санаторий! И догадываюсь, от чего там больных пользовали!

— Отойди-ка, Юноша, — говорю. Вытаскиваю ствол, наворачиваю глушитель — зачем лишний раз привлекать ненужное внимание?

Юноша бросается ко мне.

— Не смейте! — кричит. — Он ранен! Это подло!

М-да. Давно я в Зоне таких слов не слышал и не употреблял. Точнее — никогда. Я всю романтику ещё на Материке оставил.

Так вот Додон. Какой только мрази в Зоне я не встречал, а с Додоном никто не сравнится. Он и у вольных, и у кланов, и у военных, и даже у бандюков с мародёрами имел такой же статус, как «монолитчики», — клади его сразу, и все тебе спасибо скажут.

Для сталкера главное — заработок, что бы ни говорили вам про романтику и про желание испытать себя. А уж когда речь идёт о наличке, и подавно. Потому что артефакты дело ненадёжное и опасное. Артефакт сперва надо найти. Потом положить в контейнер. Это если штучка тебя сходу не прикончит — такое бывает. Потом уберечь от посягательств. Потом найти перекупщика и загнать за бесценюк. Потом пропить этот бесценюк. Порочный круг.

Вот поэтому сталкеры и нанимаются проводниками, как на сафари. К богатым бездельникам, к учёным, к агентам многочисленных спецслужб, к психопатам, вообразившим, что они с помощью волшебных предметов могут излечиться сами или спасти своих родных и любимых. Последним даже сочувствуют и стараются сберечь — если впереди маячит основная часть награды.

Впрочем, об этом я уже рассказывал, как проводником-то ходил...

Додон тоже был проводником. Только мы не сразу сообразили, кого он водит в Зону и для чего.

Смерть в Зоне — обычное дело. Сгорел, перекутило, сплющило, заколбасило, разорвали, высосали, откусили голову, пристрелили, зарезали... Прейскурант обширный.

А тут стали замечать мы, что процент умертвим от огнестрельных ран заметно повысился. И все погибают внезапно — не в перестрелке, не в поединке. В одиночку гибнут и парами. Если группа идёт — всё нормально. Не трогают группу... Хотя был случай, когда положили «долговский» квад на привале. А это надо сильно постараться. Или взять обманом, на что указывали обстоятельства.

Военных, однако, не трогают. И учёных — потому что военкеры их охраняют.

Но не такое у нас ремесло, чтобы рассекать в Зоне повзводно и поротно. Вольные сталкеры по определению индивидуалисты. К тому же было всё это до того, как Большой развернул свою деятельность.

Так что приходим мы в состояние тихой паники. Хотя все друг перед другом храбрятся.

Теперь понятно, почему все дружно поднялись, когда Майор известие про своего киллера принёс? Вот потому.

Ну, про то, как мы с этим разобрались, как юный совсем Киндер подсадной уткой работал в коротких штанишках — это отдельная песня, и петь её надо в подробностях, со всеми куплетами и припевом. Короче, накрыли мы группу этих экстремалов. Люди богатые, знатные, даже сенатор от штата Оклахома был.

А охотились они на людей. И самой доступной добычей определили вольных сталкеров. Приедут, пройдут Периметр без проблем, пощёлкают нашего брата — и по домам, вершить судьбы. Такое скоротечное сафари. Почувствуй себя мужчиной.

Вот Додон их и водил.

Даже в бандюках патриотизм проснулся: как это пиндосы наших, родных славян безнаказанно отстреливают? Да хотя бы и чурок.

Пиндосов мы торжественно передали бюроерам на поругание, хоть бандюки и ворчали, что надо бы выкуп взять. Бандюки не умеют масштабно мыслить. Дикий вой подняла бы мировая закулиса! Какой уж там выкуп!

В общем, наказали мы втихушку пиндосов, а Додон ушёл. Точнее, ускакал на одной ноге. Вторую ему Кит отстрелил, светлая ему память. Слишком хорошо знал Додон Зону. Может быть, лучше всех.

Долго его на Материке искали. Подняли даже тех сталкеров, которые благополучно ушли на покой, а среди них и влиятельные люди были. Никаких следов. Кто бы мог подумать, что он в психлечебнице спрятался!

Всё это в двух словах я объяснил тогда странному Юноше. Вижу, что ничего он не понимает, да и не больно-то мне верит.

Ладно, говорю, поломаем мы себе маршрут, отволокем твоего протеже к людям. Там ему и первую помощь окажут, и всё, что полагается.

Даже Мыло со мной согласился, потому что очень уж нам этот парень пришёлся по душе. Давно таких не встречали. Да и вообще про Степана Олексовича я тебе всё сказал.

Пока я Юношу просвещал, пришёл в себя Додон. Протез у него в щепки, от второй ноги осталась одна кость. Перепугался, когда нас узнал. И понёс такое, что у нас с Мылом уши прогнулись под тяжестью горячей лапши. Что он, Додон, ни в чём не виноват, что его заставили, что Юноша этот не простой, что Юноша может сквозь «жарку» пройти и не заметить, что он, Додон, открыл этот выдающийся феномен для всенародного блага.

Чего только человек не придумает, когда впереди маячит виселица!

Ну, про виселицу Юноше мы тогда не сказали, поберегли его повреждённую психику. Он-то всерьёз был болен.

Большинство сталкерских маршрутов проходит мимо Свалки. Такое бойкое место.

Там и стояла виселица. Про неё тоже можно отдельную книгу написать.

Стали посылать народу сообщения: Додона поймали. Ради такого случая вольные стали туда подтягиваться. Очень большой счёт у многих был к Додону.

Додон всю дорогу повторял то же самое, что нам впаривал, а потом заорал, что один болтаться не собирается, что Юношу тоже повесить мало: он двух санитаров зарезал в психушке и одну библиотечкашу, божьего одуванчика...

Нет, говорим, божий одуванчик — это на Материке, это тамошние дела и нас не касаются. Сами мы парня в ментовку не повезём, пусть органы за ним приезжают, если осмелятся. А вот ты, Додон, грешил в Зоне; хоть и трудно в Зоне согрешить, а ты всё-таки умудрился...

Повесили, конечно, Додона всем в науку, хоть Юноша то кричал про бессудную расправу, то требовал действительно повесить его рядом. Псих, что с него взять... Убежал он тогда со Свалки в направлении Припяти, и все вздохнули: если парень действительно виноват, так сам себе кару и выбрал... Если повезёт, шаманом станет...

Но не стал он шаманом. И спас он меня, хоть я ничего тогда и не помнил. Да я рассказывал.

А второй раз я увидел его, когда он, уже в белом комбезе, притащил пораненного кровососом Мегабайта...

Но Мегабайт тоже ничего не помнил и рассказать ничего не мог.

Глава седьмая

...Если и была кошkinsкая милиция поражена безумием, то было это безумие особого рода, в чём Печкин с Майором очень скоро и убедились.

Конечно, ждать на привокзальной лавочке они никого не стали, а пошли искать оплот здешних органов правопорядка.

Долго колотились они в закрытую дверь отдела внутренних дел. Располагался он в старинных торговых рядах — не добрались до города Кошкина ни иностранные инвесторы, ни столичные застройщики. Одни китайцы добрались со своими товарами, одинаковыми от Берлина до Мадагаскара. Китайцы и указали на искомое, а вывеска подтвердила.

Хорошо устроились кошkinsкие менты, не приходилось им далеко ходить за данью.

Наконец лязгнул засов, и на пороге нарисовался совершенно заспанный лейтенант. Видимо, дежурный.

— Хрюли надо? — зевнул он. — До поезда ещё... Долго ещё до поезда...

И то ли завыл, то ли зевнул. Майор сунул ему в нос удостоверение.

Никакого потрясения лейтенант не выказал, не представился, жестом пригласил войти внутрь и удалился за перегородку. Там он уселся за стол, украшенный искусственной ёлочкой, подложил под голову маленькую подушку-думку и обхватил голову руками, отгораживая её от внешнего мира с его бурями и треволениями.

— Ничего себе, — сказал Печкин. — Хоть бы нахамил, что ли... А то как-то невежливо получается...

— Встать, — сказал Майор очень громко, изо всех сил сказал. Но не закричал, заметьте.

Лейтенант убрал одну руку, глянул на пришельцев мутным, но сардоническим глазом. Потом, видимо, узрел Черентая.

— Сам и оформляй, полкан, — сказал дежурный. — Не наш клиент. На железке своя ментовка.

— Начальник отдела, — сказал Майор. — Тоже спит.

— Нет, — сказал дежурный и оторвал голову от думки. — Он на поминках. Все на поминках гуляют. У Андроповны. Может, уже спят. Хрюли дёргаться? Все там будем...

— А кто умер? — сказал Печкин.

— Так Андроповна, — сказал лейтенант и закрыл глаза. Поражённый Майор даже не попытался тряхнуть дежурного за грудки. Он сказал только:

— Адрес Андроповны.

Дежурный посмотрел на посетителя с изумлением: как это можно, дослужившись аж до полковника, не знать таких элементарных вещей?

— Сразу за Домкультуры, — сказал он. — Там увидите.

— Ну пошли тогда, — сказал Печкин. — От этого толку не добиться. Видимо, он уже отсидел своё на поминках...

— А не пахнет, — сказал Майор и повернул Черентая к выходу.

Дверь за собой они не затворили сознательно и даже некоторое время постояли на крыльце в ожидании — поднимется ли дежурный, чтобы запереть, или уснёт не замкнувшись.

Но так и не дождались.

Печкину приходилось в своей журналистской практике попадать в самые разные места. Например, в деревеньки, где по случаю престольного праздника были пьяны все поголовно — от начальства до младенцев, где недоенные коровы обречённо мычали, но не могли

заглушить звуки вечного застольного гимна — песни «Виновата ли я». Но Кошкин всё-таки числился городом...

С большим трудом удалось выяснить у китайцев, где находится Дом здешней культуры.

Здание сильно обветшало, и даже колонны у входа стояли сикось-накось, зато на полусгнившей доске объявлений красовался новенький постер фильма Ларса фон Триера «Босиком в голове».

— Надо сходить, — сказал Печкин. — А то я в Москве его так и не поймал...

— Не надо, — сказал Майор. — Ты мне на поминках. Нужен. Там вся ментура. В сборе. Вот и будем. Тактично расспрашивать.

В городе Кошкине запросто можно было бы снимать фильмы о бедной послевоенной жизни. Потому что за Домом культуры стоял самый обыкновенный барак. Из полуоткрытых, несмотря на зиму, окон доносилось довольно унылое пение. Правда, песня была другая — «Напилася я пьяна, не дойти мне до дому».

— Новый год совершенно естественным образом перешёл в поминки, — сказал Печкин.

— На поминки ходят без приглашения, — напомнил Паша Черентай и очень оживился.

Воистину, никто не удивился их приходу — просто потеснились на разложенных вдоль длинного стола досках, налили без разговора. Несколько человек действительно были в милицейской форме. Определить принадлежность остальных было трудновато: кто в хорошем костюме, кто в ватнике, кто в пушистой шапке, кто в сером полушалке...

Майор высмотрел человека с капитанскими звёздочками. Тот как раз говорил тост:

— Андроповна была... и осталась... единственным нормальным человеком... Царство ей небесное по самое не могу! Андроповна! Ты всегда с нами!

Все выпили и закусили квашеной капустой из тазиков, расставленных по столу. А вот ложками при этом пользовались не все...

— Товарищ капитан, — сказал Майор, когда тостующий вытер пальцы об мундир. — Можно вас. На два слова.

И показал удостоверение.

Капитан, как и давешний дежурный, почтения не выразил, но всё же неохотно вылез из-за стола. Печкин прошёл с ним и с Майором в угол, а Черентай остался поминать чужую Андроповну — не вытаскивать же его со скандалом!

— Ну чего ещё, — сказал капитан. — Всё ездите и ездите, никак не наездитесь...

— Предписание Генеральной прокуратуры, — сказал Майор. — Я человек маленький.

— А я ещё меньше, — сказал капитан. — Вы по поводу той платформы с вагонкой?

— Нет, — сказал Печкин. — Мы по поводу событий, произошедших несколько лет назад. Когда здесь задержали неизвестного в состоянии амнезии...

— Это ещё до меня было, — поспешно сказал капитан, вытер усы рукавом и даже попытался застегнуть мундир. — То есть не я был начальник, а майор Щербатых. Товарищ полковник, и вы, товарищ, — он покосился на Печкина, — вы бы лучше уехали. Нам неприятностей не надо. Начнут вас отстреливать — могут и в нас ненароком попасть...

— Кто. Будет нас. Отстреливать, — сказал Майор.

— Эти... Диверсанты. Как тем летом.

— Какие. Диверсанты.

— Нам не доводили, — сказал капитан. — Ими ваши занимались, московские. А у нас преступность нулевая. Практически. Некому беспорядки нарушать. А что пьём — так это потому что депрессивный район...

— Завтра. Поговорим. По-другому, — сказал Майор. — Погоны сниму.

— А хоть сейчас, — сказал капитан и даже сам попытался оторвать один погон, только пальцы не слушались.

— Он тебе и завтра то же самое скажет, — вздохнул Печкин. — Заговор молчания. Пошли. Пусть проспятся.

— Боюсь, — сказал Майор. — Это надолго. Вытаскивай этого. Нечего ему. Пошли ночлег искать.

Печкин вытащил из-за стола упиравшегося Черентая — но никто не обратил на это внимания. Только песню сменили — «Стою на полустаночке».

Они вытащили воришку на крыльцо. Было уже совсем темно — единственный фонарь торчал у барака, да светился огонёк на станции.

Последнее, что они слышали, был голос капитана:

— Андроповна! Наливай — ты здесь хозяйка!

Неужели Семенский не один такой в этом мире?

Но возвращаться в барак для проверки что-то не хотелось...

Глава восьмая

Кто бы знал, кто бы ведал, как тоскливо командированному вот в таком маленьком городке зимой, без друга и приюта, когда оказывается, что никто тебя тут не ждёт и приехал ты сюда по ошибке, и некуда тебе пойти, автобус только завтра вечером, и в Доме колхозника всего одна комната на десять коек, и делить её тебе придётся с командой, приехавшей на межрайонные соревнования по домино, и команда продолжает тренировки, отчаянно желая хоть напоследок повысить класс...

И никакие перемены в стране не могут этого изменить. Разве что изметелят приезжего не зареченские, а чечены. А может, и те, и другие...

Но сначала следовало найти Дом колхозника. Да и компания у Печкина всё-таки имелаась.

— Какая-то власть. Должна быть, — сказал Майор.

— Только не в это время, — сказал Печкин. — Паша, есть тут гостиница?

— Есть, — сказал Черентай. — Но нам туда нельзя. Я там пасечника одного обнёс. Только у меня банка в руках раскололась, вот они меня и вычислили...

— Ах ты мой сладкий, — сказал Печкин. — Нам туда можно. За истечением срока давности. Так что веди.

Двухэтажную гостиницу нельзя было спутать ни с каким другим заведением, потому что над входом висела большая вывеска: «Гостиница».

А чего выдумывать, если она одна?

Внизу сидела не то дежурная, не то администраторша, а то и портье — пожилая недовольная женщина в мохнатой кофте: было холодновато. Она с порога спросила:

— Баб водить не будете?

— Ни в коем случае, — сказал Печкин.

— Голубые, что ли? — нахмурилась женщина-портье.

— Двухместный люкс. С диваном, — сказал Майор.

— Дивана нет — есть раскладушка, — сказала портье. — Будете?

— Будем, — сказал Печкин. — А перекусить тут можно?

— Повариха всё унесла, — сказала женщина. — Даже посуду унесла.

— На поминки к Андроповне? — догадался Печкин.

— Ну. А вы откуда знаете?

— Нам по должности положено всё знать, — сказал Печкин. — Зря, значит, мы там не подкормились...

— Вот пельмени у меня есть, — сказала портье. — Только они холодные и в тазике.

Видно, только такую посуду и признавали в городе Кошкине.

— Сойдёт, — вылез Черентай и тут же поплатился.

— Вы кого это с собой приташили? А я-то думала — приличные люди...

— Мы над ним следственный эксперимент проводим, — сказал Печкин. — Можно заполнять анкеты?

— Да какие там анкеты, — сказала портье. — Идите уж, завтра оформлю. Документы только оставьте.

— Видать, немного у вас гостей, — сказал Печкин.

— Ну, — согласилась хозяйка. — Откуда много-то? У нас не Золотое Кольцо...

Тащить тазик с пельменями доверили Черентаю.

— Может, хоть плитка есть? — сказал Печкин.

— Есть, — сказала хозяйка. — Только она у меня в ногах стоит, а то артрит. Прохладно у нас, так что не сильно раздевайтесь...

— Уголок Дурова, — сказал Майор.

— У нас летом хорошо, — сказала портье. — Или если шары залить. Тоже ничего. Да, с прошедшим вас!

— И вас также, — откликнулся журналист.

Люкс оказался таким аскетическим, что полулюкс трудно было себе даже представить. Единственным его украшением была висевшая на стене литография. Она изображала бескрайнюю тундру и аборигена в парке, ведущего под уздцы оленя. Мелкое холодное солнце стояло у самого горизонта — не иначе наступала полярная ночь, не иначе прощался абориген со светилом на полгода...

И окна затянул мороз...

Печкин поставил сумку прямо на стол и сказал:

— Почему-то картинка эта преследует меня во всех гостиницах мира. Даже на Кубе, представляете? Но при гаванской жаре она была даже очень уместна, а здесь усугубляет...

— Хорошо бы утром, — сказал Майор. — Проснуться. И узнать. Что никакой Зоны нет. И не было. Чтобы диктор. По телевизору. Так и объявил. От имени партии и правительства.

Он даже включил телевизор — не последует ли такое заявление? Но телевизор был то ли чёрно-белый, то ли неисправный, и показывал экран какую-то порнографию.

— «Пять немок в Афганистане», — определил Печкин. — Выключи, а то дополнительно платить придётся, это же явно кабельное вещание...

Две другие программы тоже не порадовали — на одной актёры готовили пищу, на второй уныло врал какой-то чиновник.

— А одному-то здесь вообще впору застрелиться, — сказал журналист.

— Пельмени съедобные, — констатировал Майор. — По стакану. Закусить. И спать. Оружие проверить. Под подушку. Черентай. Без фокусов. Не вздумай. Снять пояс. Самостоятельно.

Так и сделали. Пельмени и вправду оказались вкусные, домашние, хоть и холодные. А говорить ни о чём не хотелось.

Печкин лежал и думал, что вот живёт в России город Кошкин, и никому в этом городе нет дела, что где-то существует Зона и что в этой Зоне существуют большие проблемы... Нет, значит, всё-таки есть кому-то дело, если отстреливают любопытных...

Чем же всё это закончится, думал он. Чем же всё это должно закончиться у меня в сценарии? Ведь в жизни не бывает ярких, Ударных, эффектных финалов. Если победа — так она достигнута с такими потерями и разрушениями, которые обесценивают результаты. А если нет потерь — так в основе победы лежит какая-нибудь подляна, и это не хитрый ход всезнающего героя, а подкуп, предательство или уж такое преимущество в средствах, что опять-таки грош цена такой победе... А чаще всего коллизия никак не разрешается, она попросту сходит на нет со смертью кого-нибудь из участников... Или просто за давностью лет...

Может, вообще стоило бы выстраивать собственную жизнь как роман. И постоянно себя контролировать. Если данный эпизод будет неинтересен читателю — значит и тебе самому он не очень-то полезен по жизни, надо проскочить, проговорить, прописать его как можно скорее. Этак впору целую философию создать или даже религию...

Что мы рассчитываем найти? Историю болезни? Может быть, вещи, изъятые у пациента? Но если бы можно было идентифицировать его личность по вещам, это давно бы сделали... Или нет? Или Белого кто-то спрятал в этом санатории? Зачем? Нежелательный

свидетель? Наследник несметных богатств? Вряд ли. Тогда бы его попросту оптимизировали, как сейчас принято выражаться. И не только выражаться. Заказал же кто-то Белого этому снайперу... Нет, сначала его хотели похитить... А когда не вышло...

Зачем мы ввязались в эту авантюру? Трах, бах — поехали! Поехали ни по что, вернемся ни с чем... Семь лет в наше время долгий срок, почти вечность. Все усилия отважных разведчиков могут захлебнуться в провинциальном хмельном киселе. Уже, считай, захлебнулись...

И зачем мы бомжа этого с собой потащили? Он-то при чём? Ну, загипнотизировал его кто-то... Хотя кой чёрт загипнотизировал? А этот безумный стробоскоп в баре? И неизвестно, чем бы ещё кончилось сумасшедшее кружение, если бы не Топтыгин с медным чайником... А не будь чайник медным? Может, на Посланца Чёрного Властелина только медь действует? Или кипяток? Или оба элемента в сочетании? Какой вздор лезет в голову. Точно, Зона сводит с ума, и стоило бы мне полежать в санатории «Глубокий сон», полечиться... Вот получу гонорар и лягу...

Нет, для чего-то он здесь нужен, Паша Эмильевич.

И пояс на него напялили — зачем? Принёс же чёрт не вовремя этого шахида-бакалавра! Шахид должен появляться только в самый ответственный момент, как ружьё в третьем акте...

Пояс нужно снять с бомжа. В конце концов, Посланца я сам себе придумал. Кто мы такие, чтобы распоряжаться чужими жизнями? Здесь не Зона, и нечего тащить с собой тамошние порядки... Мы ведь, по сути дела, похитили человека, и давешние менты с поминок вправе нас арестовать. Сталкеров недоделанных.

А Майору тоже надо бы полечиться. Когда я спросил его, зачем он Гороху голову отпилил. Майор сказал, что киллера уже дважды хоронили — на Кипре и в Ванкувере, и без головы никто бы ему не поверил... А так ушла посылочка в самые высокие московские кабинеты, покатила голова убийцы по ковровым дорожкам, как при Иване свет Васильевиче... Вот оно, новое средневековье во всей красе... И мы сами его укрепляем делишками своими скорбными... Вместо того чтобы опомниться и спросить себя: зачем? Потому что в очередной раз вышла перемена вечным ценностям?

Печкин решительно поднялся и зажёл лампу.

На раскладушке Паши Черентая снова лежал Посланец Чёрного Властелина — гладкое, стёртое, нечеловеческое лицо, сомкнутые веки с какими-то иероглифами...

— Видишь, — прошептал Майор.

В одной руке его был пистолет, в другой — пульт взрывателя.

— У него бывает. Когда спит, — сказал Майор. — Я это ещё там. Заметил. Прорезается. Иначе давно бы уже. Денег дал. Ксиву. И пинка. Чтобы летел до Владивостока.

— Чего не спишь? — только и сумел сказать Печкин. — Если бы он хотел, он сам бы уж давно... Ещё в поезде или даже раньше...

— Я долго могу. Не спать, — сказал Майор. — Теперь ты. Постереги. Пистолетними. С предохранителя. А то вы вечно.

Печкин выключил лампу, проследовал к постели, залез под одеяло и свернулся калачиком, чтобы согреться. Потом вспомнил, извлёк из-под подушки «беретту», но снимать с предохранителя всё-таки не стал — он был штатским человеком, ещё отстрелишь себе чего-нибудь...

В такие зимние ночи кажется, что рассвет не наступит никогда. В теле просыпаются всякие скрытые болезни, начинает саднить горло, ноют суставы и бурчит в животе. И сама жизнь представляется лишённой всякого смысла... Тем более что так оно и есть...

Час Быка. Свирепая тоска перед рассветом.

Вдруг журналист понял, что мешало ему заснуть.

Тишина. Большой город никогда не смолкает. Зона никогда не смолкает. А тут так тихо, что слышен даже ход наручных часов.

Тишина.

Не даёт уснуть.

Тишина.
Не спать.
Да и нельзя ведь спать...

Глава девятая

Кончилась их авантюра просто, буднично и безнадежно. Майор поднялся раньше всех и растолкал часового Печкина:

— Вставай. Страж неусыпный. Одевайся.

Печкин поднялся и не знал, куда глаза девать от стыда. Паша Черентай сидел за столом и питался оставшимися пельменями — прежний бомжик-воришка.

Майор тоже был одет и смотрел на журналиста с жалостью.

— Если бы в Зоне. Нас бы уже давно. Расстрелять бы тебя. На воротах. Из поганого ружья.

— Да я как-то неожиданно, — сказал Печкин.

— Нет, — сказал Майор. — Так всегда бывает. С некоторыми. Теперь бы кофе. Крепкого. Мужского рода.

И тут же раздался стук в дверь:

— Артур Иванович! Игорь Моисеевич! Завтракать будете?

— Смотри-ка — имена запомнила! — сказал Печкин. — А я всё никак не привыкну... За что ты меня Моисеичем оформил?

— За дело, — сказал Майор. — Открывай.

Печкин натянул штаны, прошлёпал по ледяным половицам к двери, повернул ключ — и впечатался в стену затылком.

Через две секунды всё было кончено.

Как положено — каски-маски-«абаканы», наручники, шестеро омовцев и один в гражданском чёрном пальто — самый главный.

Печкин покосился на Майора — дескать, что же ты? Или ты только с бандитами храбрый да умелый? А на своего брата-мента не стоит?

Майор пожал плечами. А на Пашу Эмильевича и смотреть было незачем. Он тут никто. На него и омовцы не смотрели — заковали и усадили на стул, охранник сзади, как у всех.

Пистолеты лежали на столе. Там же расстелился пояс шахида — сплошная ортопедия на вид, молодец, Мыло. Пластид от поролонa на ощупь не отличишь. И его, пояс медицинский, хоть об пол бей. Если они сразу не сообразили про пояс — значит, не профессионалы...

И смертоносный мобильник был тут же...

— Теперь к делу, — сказал главный. Пожилой, с белыми бровями, в старомодной пыжиковой шапке, какие носили раньше все начальники. — Выяснять ваши настоящие имена я не собираюсь. Где деньги?

— Какие. Деньги, — сказал Майор. — Мы не за деньгами.

Белобровый рассмеялся.

— Ну выдержка у вас, мужики! Я бы так не смог! Семь лет терпели, сидели по своим гнёздышкам! А мы-то на здешних ментов грешили, сколько народу пострадало из-за вас... Профессор из дурки, хороший, говорят, был врач...

— Простите, — сказал Печкин. — Это недоразумение. Я известный журналист Дэн Майский, а это ваш коллега... Мы пытались выяснить обстоятельства одного происшествия... Действительно семилетней давности...

— Чего там выяснять, — сказал белобровый. — У психа были деньги. Много денег. Багажник и задняя часть салона. Миллиард или больше. Здешние не брали. Мы за ними следили — может, кто-то на Багамы поедет или маме розовый кадиллак купит... Обязательно кто-нибудь да прокололся бы в городе Кошкине! Оставили мы тут своего человека...

Печкин догадался, кто этот человечек. Дама-портье, кто же ещё. Самая та работа, все приезжие на учёте... То-то она не пошла на поминки!

— Вот со психа. И спрашивайте, — сказал Майор.

— Ну да, — сказал белобровый. — Психа вы устранили. С понтом он сбежал.

— Простите, — сказал Печкин. — А чьи деньги-то были?

— Главное, что они были, — сказал белобровый. — А теперь их нет. Трюк с машиной был, конечно, ловкий, ничего не скажешь. Ни номеров на двигателе, ни километра на спидометре... То есть ни мили... Не жалко было машину бросать?

— Не жалко, — сказал Печкин. — Потому что мы её и в глаза не видели.

— Я тут не при делах, — пожаловался Черентай. — Просто сосед по номеру... В командировке я... Экспедитор...

— Дойдёт и до тебя, — посулил белобровый. — Всеми своё время. С тобой всё понятно, экспедитор. Ну да. Экспедиторы под конвоем не ходят...

— Это ошибка, — сказал Майор. — Слово чести. Я офицер.

— Хрен ты моржовый, а не офицер, — ласково сказал белобровый. — Когда речь идёт о такой сумме, не бывает офицеров и рядовых, все равны.

— Вы не знаете, — сказал Майор. — С кем связались. За эти деньги. Вас на краю. Света найдут. Это не ваши деньги. И не ваш уровень.

— Ага, значит, всё-таки в курсе... Ладно. Сейчас эту гостиничную бабу мои ребята будут резать на куски. А вы услышите, как она орёт. Может, тогда возьмётесь за ум.

— Да хоть и на куски, — сказал Печкин. — Всегда ненавидел эту шпионскую породу, всю жизнь по гостиницам мотаюсь... «Что это у вас, мужчина, пьяная дама после одиннадцати часов делает?» Вот она за всех и ответит...

Что-то дрогнуло в лице белобрысого, и понял журналист Печкин — угадал...

— Они вот тоже меня мучили, — наябедничал Паша Эмильевич. — А чего хотели — непонятно...

— Или с этого шибздика начнём, — сказал белобровый. — Может, он тут и есть ключевая фигура...

— Вы проницательны, — сказал Печкин. — Потому что он и есть тот самый сбежавший псих. Только ему память стёрли капитально. Никакие специалисты не помогли. Вот мы его сюда и привезли — может, в знакомой обстановке чего и вспомнит...

— Если бы мы, — сказал Майор. — Приехали. Чисто за деньгами. То было бы нас. Побольше. И вы бы сюда. Не сунулись. Мы без машины. В сумку. Миллиард не упихаешь. Так что думай.

Белобровый действительно задумался.

— В долю проситесь? Надо прикинуть...

— Нет, — сказал Майор. — С вами. Договориться можно. С хозяином денег. Исключено. Он тогда и вас. И нас. Без различий. С ним. Лучше по-хорошему.

— Значит, это с вашими мы тогда схлестнулись? — сказал белобровый.

— Не обязательно, — сказал Печкин. — Тут много кто этими деньгами интересуется, как бы промежду шестерёнок не угодить...

— А ты ему. Позвони, — сказал Майор. — Вон мобила. Там всего один номер. На крайняк. А я так понимаю. Сейчас крайняк.

— Очень правильно понимаешь, — сказал белобровый бандит взял телефон.

Ну вот и всё, подумал сталкер Печкин. Если бы Майор на то не решился, я бы и сам... Ноги окоченели, не подхватить бы простуду... Нашёл о чём беспокоиться! Потому что живыми нам всё равно отсюда не уйти, так хоть в дурном обществе... Интересно, Господь сочтёт это самоубийством или за мучеников проканаем? Правильно всё, Всеволод Петрович Каргин, настоящий русский офицер. Бомжа только жалко. Хотя я всё ещё могу предупредить...

И Белый не придёт. И ещё мучиться будет из-за того, что послал нас сюда...

Но белобровый гад и сам-то явно колебался — мало ли на кого нарвёшься? Может, там такая крыша, что только с группой армий?

— Спроси Рубика Евгеньевича, — подсказал Печкин. — Это пароль. А то тебя просто пошлют...

И закрыл глаза. И сразу вспомнил чьи-то старые стихи: «Трус притворился храбрым на войне, поскольку спуску трусам не давали. Он бледный в бой катился на броне и вяло балагурил на привале...»

Обычно это помогало в трудную минуту. А кто автор, так теперь и не узнаю...

Но вместо взрыва запрыгал, забрякал по полу тазик из-под холодных пельменей...

Печкин с трудом открыл глаза — тело не слушалось.

По номеру-люкс бесшумно метался чёрный вихрь — клацали затворы, падали тела...

Работал Посланец Чёрного Властелина.

Сейчас он и за нас возьмётся, думал журналист. Правильно его Майор опасался. Значит, вот он когда просыпается... Когда припечёт...

Всё было кончено. Шестеро фальшивых омонцев валялись по разным углам, белобровый лежал лицом вниз на сплюсненной раскладушке...

— Ну вы крутые демоны... — восхищённо сказал Павел Эмильевич Черентаев, антиобщественный элемент. И никакой он уже был не Посланец... И на порванную цепочку наручников смотрел с изумлением...

— Ключ поищи, — скомандовал ему Майор. — Где. Сам знаешь. Опытный.

Черентай нашёл ключ, расстегнул наручники сначала Майору, потом Печкину.

— Менты-то живые, — сообщил он. — Дышат. Их бы того...

— Ну что, Печкин, — сказал Майор. — Будешь их. Кончать.

— Нет, — сказал журналист. — Не могу так...

— А ты. Через не могу. Они бы тебя. Не задумываясь. — В том-то и беда моя, что задумываюсь, — сказал Печкин. — Трагедия всей жизни. Ты уж сам...

— За гада держишь, — сказал Майор. — Нехорошо. Ладно. Сколько-то минут. У нас есть. Потому что. Без стрельбы. И не надо её. На улице их. Неизвестно сколько. Поэтому так.

— Допросить бы атамана, — сказал Печкин.

— Некогда, — сказал Майор. — И незачем. Если уж он. За столько лет. Ничего не надывал. Это хорошо. Что не заковались. Раздевай их. Главного я сам. Прошманаю.

Майор собрал документы, сунул Печкину «беретту», стал снимать с одного из бандитов куртку.

— Переодевайся, — сказал он. — Пашу не надо. Мы его выведем. Как бы. Быстрее. Наверняка. У них связь. С теми на улице.

— Нет у них связи, — сказал Печкин. — Они же липовые. То есть мобила-то у главного есть, и не одна...

— Захвати, — сказал Майор. — Деньги тоже.

— Я уже лопатник добыл, — смущённо сказал Паша.

— Ай молодца! — сказал Печкин. — Только руки держи вместе, как ты есть конвоируемый...

Майор, уже переодетый и в маске, вытащил из всех автоматов рожки, прибавил к ним запасные и уложил в печкинскую сумку, благо была почти пустая. Два «абакана» он оставил, остальные свалил в шкаф. Потом подумал и отправил туда же смертоносный пояс. Потом задумчиво поглядел на свой смертоносный мобильник...

Они спустились вниз. Дама-портье вопросительно взглянула.

— Свободна, — просипел журналист не своим голосом. — Вали отсюда побыстрее...

— Гуманист хренов, — тихонько сказал Майор.

Они вышли на крыльцо и увидели, что на другой стороне улицы стоит чёрный «хаммер», а в нём сучает водитель и ещё кто-то.

Майор сделал знак рукой — дескать, бегите вверх, там без вас не управятся. Дисциплина у белобрового была на высоте, никто слова не сказал, и почти уже дошли конвоиры Паши до машины, как вдруг вылетело со звоном стекло и завизжал женский голос:

— Пацаны! Это подстава! Валите их!

— Сама виновата, — сказал Майор. — Падай!

Так единственная кошkinsкая гостиница «Гостиница» перестала существовать.

Глава десятая

Виталий Павлович Климов по прозвищу Киндер, 27 лет

Когда мы с ним познакомились. Белый ещё не был Белым. Его кликали Юношей да Вечной Отмычкой. Но! Уже тогда он себя проявлял.

Везуха у него была — мама дорогая. Именно везуха, а не чуйка. Некогда ему было чуйку выработать. А везуха в Зоне вещь необходимая. Думаешь, почему сталкеры в азартные игры не играют? Потому что власть с картами и рулеткой борется? Как бы не так. Чтобы везуху попусту не тратить, вот почему. Шахматы, шашки — другое дело.

Мы ходили тогда под Намбер Ваном, который сейчас на другой зоне кантуется, с маленькой буквы. Дяденька был сволочной, жадный. Но! Не жестокий. Если что, сразу стрелял, без фокусов. Может, поэтому Белый к нему и потянулся...

Как-то надо было вынести из Зоны хороший хабар. Хороший, редкий, и, главное, срочно его ждали в Предзоне. Не хотелось бы, чтобы военные его себе поимели. Но! Человек предполагает, а боженька не фраер.

Намбер думал, что он великий хитрец. Вот он нас и выбрал — совсем ещё зелёных, а я вообще выглядел как трудный подросток.

Ну а Белый уж таким лохом смотрелся, что даже бандиты на наше добро не позарились. Да и страховали нас до самого Периметра. Мы же без оружия шли, так задумано.

Я нёс пустой новенький контейнер. То есть не совсем пустой, а с мелочью — «фенечки», «кашка», пара «узелков», словом, сувениры, а не артефакты. Зато у Белого контейнер старый, крышка на соплях — явно кто-то выкинул, а салажонок подобрал. Но! Серьёзные в нём вещи хранились — флакон «вселенской смази», две «ракушки» и «сучья погремушка», да ещё какая-то неизвестная мне вещь — самая ценная.

Периметр мы прошли спокойно — не то прикрывали нас хорошо, не то везуха Белого работала. А только выходим мы в Предзону, садимся в автобус и едем в город Чернигов. Я себя чувствую на седьмом небе, как дембельнутый, а Белому, конечно, этого не понять. Он улицу-то путём перейти не мог, такой был дикий — хуже Топтыгина.

И вот приходим мы в гостиницу «Градецкая». Многоэтажный гадючник, хуже общаги. Тараканы лютуют и мебель разваливается. Но это нам по барабану, потому что нужен нам портё. Ему надо сдать хабар.

Кто этот портё — мы не знаем и не надо нам знать. Нам надо знать одно — на стойке должна стоять табличка: «Дежурный администратор». И от руки должно быть подписано ФИО — «Джобуа Бесик Автандилович». А кто за стойкой сидит, не важно — хоть баба, хоть негр преклонных годов. А если таблички нет, то действовать по другому варианту, но! Речь не об этом.

Табличка на месте, имя тоже. Но не сразу должны мы бросаться к Бесику Автандиловичу, а сперва дождаться, пока настанет полдень. Вроде как мы экономим, не хотим оплачивать лишние сутки.

Сидим в креслах, ждём. Белый читает стихи, чтобы не было скучно. А мне и так не скучно — плеер крутит Тома Уэйтса. Вроде как я Белому несознательный младший братик, такое гоним кино. Хотя я в Зону пришёл пораньше.

Кончились стихи, отхрипел Уэйтс, настал полдень, метнулись мы к стойке. Только метнулись не одни. Но! Это не страшно, потому что не одни же мы хотим поселиться. Есть ещё желающие, так как готель недорогой. Но протягивают эти желающие не паспорта, а удостоверения. И не Бесику Автандиловичу, а нам. А господин Джобуа виновато этак улыбается: ничего, пацаны, всякое бывает, какие ваши годы...

Заводят нас в кабинет — что у вас, ребята, в рюкзаках? А в рюкзаках контейнеры. Ну, за свой я спокоен — такую мелочевку на любой барахолке можно купить у калеки, который сидит с табличкой «Пострадал от Зоны» — по-русски, по-английски и на мове. К тому же по

документам я несовершеннолетний. А с Белым хуже. Мы ведь на подробный досмотр не рассчитывали.

Тут же понятые стоят. Капитан Кулиш переписывает каждую песчинку из моих великих сокровищ. Но! Капитан Кулиш меня не знает, а я о нём в курсе. Капитан Кулиш нарочно приехал из Киева, чтобы нас тут перехватить. Значит, шли мы прямо к нему в зубы. Мы шли прямо, а Намбер косвенно — нас же допросят с химией. С химией героев-молодогвардейцев не бывает. Спасибо, Бесик Автандилович.

Мелочь моя на солидное дело явно не тянет. Но! Вот когда они до второго контейнера доберутся... Никакая лоховская внешность не поможет. И святая душа не сработает. Будут нам долго втирать, что плохие дяди втянули нас в грязную авантюру, а сами сидят и посмеиваются в Зоне. Такая у капитана Кулиша служба.

Доходит очередь до Белого. Он спокойно так стоит, потому что плохо представляет, что впереди корячится. И свою позорную коробочку вынимает тоже спокойно. Переворачивает контейнер и высыпает содержимое на стол, на зелёное сукно.

Капитан Кулиш сразу шарахнулся — он-то знает, что может скрываться в контейнере, вынесенном из Зоны. И что бывает при неосторожном обращении с мощными артефактами.

Я тоже знаю, только шарахаться мне некуда, сзади стоят понятые, глазами лупают — не представляют, сколько рентген можно схватить ни за хрен собачий. И не только рентген. В хабаре и «казуист» может завалиться, тогда на готеле «Градецкая» можно поставить жирный крест...

Но! На столе только какие-то камешки, веточки и стекляшки, да ещё консервная банка из-под тушёнки.

— Издеваетесь, сопляки?! — орёт капитан. — Да я вас... да я вам!.

А хрюли нас? Нет такого закона, чтобы в контейнере нельзя было носить камешки, веточки и стекляшки. А тем более банку из-под тушёнки.

Перед понятыми извинился капитан, проводил их до двери, и начали они с помощником нас метелить. Аккуратно так, без синяков. Больно, конечно. Но! Ментов ведь тоже можно понять! Больше-то ничего с нами нельзя сделать! А делать что-то надо! Ихняя служба и опасна, и трудна!

Плейер мой себе оставили, на добрую память.

В итоге вынесли нас из готеля на пинках. Почесали мы рёбра и пошли, солнцем палимы. Белый удивляется, за что это нас так жестоко мукохали. Ведь мы же ничего запретного и опасного не выносили...

Вот именно за это, говорю.

Поели мы вареников с вишней в кафешке и потянулись домой — то есть в Зону. Плача и рыдая.

Намбер нас встречает на условленном месте — за блокпостом в Чапаевке. И по рожам нашим определяет весь расклад...

Нет, о том, что мы сами толкнули хабар на сторону, и речи не шло. Меня за крысу не держали, а Белый вообще считался блаженным по причине противоестественной честности. Он даже весь свой мусор обратно приволок. Но! Куда же правильный-то хабар делся, на двести тысяч долларов? Клиент не поймёт...

Я этой цифры, конечно, не знал, а и знал бы — скрысятничать не решился. Нашли бы меня и в Китае.

Но! Понимаю я, что всё равно тут, на железнодорожном разъезде, и прекратятся наши молодые жизни. Потому что надо же то-то делать! И хорошо, если просто пристрелят!

А Белый, вижу, этого не понимает. Ему страшно неудобно, что он людей подвёл. Но почему? Контейнер же опечатанный был!

Но, на счастье наше, пришёл Намбер Ван не только со своими подручными. Там и другие люди были.

Батюшка первым начал на него крошить батон — зачем отроков послал к халдеям в огненную печку? Разве это по-божески? И почему доверился тому, кого прямо так и зовут — Бесик?

Сразу нас повалить поп не дал, решили созвать совет из заинтересованных солидных людей.

Толковали долго, и старый сталкер Бабай сказал — да, встречаются люди, которые портят хабар. Не намеренно, а просто так получается. Да хоть Призрака взять — у него «волчьи слёзы» долго не живут, садятся мигом, как китайские батарейки. Ни у кого не садятся, а у него садятся!

Но эта тема как-то развития не получила.

А потом вышел Жареный и сказал:

— Ты, Намбер, сам виноват. И ты за пацанов бога молить должен, что так всё обошлось. Иначе стали бы их крутить по полной, и тогда вылез бы наружу второй вариант. А стали бы они разматывать клубочек по второму варианту, так очень бы ментура далеко зашла, сам соображать должен. Поэтому ты лично туда пойдёшь и лично с Бесика спросишь. С молодых спроса нет, а весь долг на тебе... Да уж не сам ли ты те камешки пацану насыпал?

Долго ждал Жареный случая прищучить Намбера. Дождался.

И пошёл тогда уже Намбер Ван солнцем палимый. Но не дошёл до города Чернигова, по дороге попался.

А я сделал вывод — верно говорят в аэропортах, не принимайте от посторонних людей никаких посылок.

Белый тоже сделал вывод — и с тех пор держится подальше от любых артефактов...

Глава одиннадцатая

— Черентай, — сказал Майор. — Тут есть. Какой-нибудь овраг. Или котлован. Или карьер.

— Откуда ж мне знать? — сказал Паша. — Я только вдоль железки ориентируюсь.

По городу они проехали спокойно — взрыв в гостинице не только не привлёк никого, наоборот, все даже вроде бы попрятались — видать, крепко их напугал покойный белобровый пахан.

И возле ёлки на площади никого не наблюдалось...

Город Кошкин вообще был такой провинциальный, что до него даже реклама как следует не добралась. Если не считать жуткого баннера с логотипом «Русское мясо» на выезде.

— Давайте хоть сколько-нибудь проедем до санатория, — сказал Печкин. — А потом уж и «хаммера» свалим с трассы... Слушай, разве праворульные «хаммеры» бывают?

— Не нравится мне, — сказал Майор. — Твой план. Но попробуем. Тем более. Попуток не видно.

Да и встречных машин не попадалось, словно объявлена была воздушная тревога, и весь транспорт из города уже укатил куда-то, битком набитый...

Разгонять машину Майор не стал — сам внимательно смотрел по сторонам и журналиста заставил.

Некоторое время они ехали молча, потом Майор сказал:

— За нами. Менты. Приготовься.

— Будем отстреливаться? — сказал Печкин.

— По обстоятельствам, — сказал Майор.

— Чёрный «хаммер», прижаться к обочине и остановиться! — раздался голос из динамика. — Чёрный «хаммер»...

Майор прибавил газу.

— Догоняют, — сказал Печкин.

— Фигня, — сказал Майор. — Оторвёмся.

— Нет, — сказал Печкин. — Не уйдём. О, блин... Да они что — с ума сдурели? Милицейский «вольво» резко поравнялся с их машиной, но шёл не параллельно, а...

— Врубай «обратку»!!! — заорал Майор.

...Артефакт, называемый сталкерами «обратка», не имеет ничего общего с теплоэнергетикой. А вот с машиной времени — имеет. Он переносит своего владельца на несколько минут назад. То есть даёт возможность переиграть ситуацию. Причём полностью сохраняются воспоминания о предыдущем событии.

Вот учёные всё думали, зачем существует такая особенность человеческой психики, как дежа вю — явление любопытное, но совершенно бесполезное. Ну, покажется тебе, что вот такое с тобой уже было, — и что?

Оказывается, как раз для подобных случаев. Словно чувствовала природа, что непременно придёт время — и устроит долбанный её разумный сыночек Зону, а в Зоне будут попадаться вот такие артефакты. У «обратки» есть и официальное название, но оно столь заковыристое, что слово «континуум» в нём ещё самое простое и понятное.

«Обратку» им подарил на дорогу Мыло. От сердца оторвал, потому что артефакт был редкий и очень дорогой. Сталкеру он мог попасться раз в жизни, а чаще всего вообще не попадался. Кроме того, неизвестно было, как поведёт он себя вне Зоны. Может, вообще никак не поведёт. Мыло ещё предупредил, что «обратка» слабенькая, временной лаг у неё небольшой, и сработает она скорее всего однократно. А если повезёт — пару раз...

...— Чёрный «хаммер». прижаться к обочине и остановиться! — раздался голос из динамика. — Чёрный «хаммер»...

Майор резко затормозил, крикнул:

— Выходите с поднятыми руками!

Распахнул дверцу и пропал в снегу.

Печкин и Черентай вышли из машины, подняли руки — у воришки они были украшены наручниками и обрывками цепи.

Из подкатившего «вольво» вышли двое и направились к «хаммеру».

Ребята были молодые и даже симпатичные, но стволы их автоматов направлены были прямо в грудь Печкину — Черентай и эти не считали за человека.

Майор стрелял из пистолета с глушителем. Никто из патрульных даже слова сказать не успел...

— Настоящие, — сказал Майор, осмотрев патрульную машину. — Я думал, опять бандюки переодетые...

И вдруг заплакал.

— Зона ваша, — сказал он. — Сучья ваша Зона. Сначала стреляешь. Потом думаешь.

Майор обхватил голову руками и заревел как зверь.

— Сева. — Печкин осторожно потрогал его за рукав. — Сева, давай я ещё попробую... Белый очень огорчится, что мы за собой горы трупов оставили из-за него...

Майор уставился на него непонимающе...

...— Чёрный «хаммер», прижаться к обочине и остановиться, — раздался голос из динамика. — Чёрный «хаммер»...

Майор резко затормозил, крикнул:

— Выходите с поднятыми руками!

Распахнул дверцу и пропал в снегу.

Печкин и Черентай вышли из машины, подняли руки — у воришки они были украшены наручниками и обрывками цепи.

Из подкатившего «вольво» вышли двое и направились к «хаммеру».

Ребята были молодые и даже симпатичные, но стволы их автоматов направлены были прямо в грудь Печкину — Черентай и эти не считали за человека.

— Вы откуда, черти, выскочили? — сказал патрульный в чине сержанта. — Все дороги перекрыты...

— Ни хрена не все, — сказал Печкин. — Вас первых встречаем...

— Свои мы, — сказал Майор и появился из снега, отряхиваясь.

— Тут никаким своим не положено, — сказал сержант. Майор протянул удостоверение, Печкин тоже.

— Сержант Архипкин, — сказал патрульный. — Товарищ полковник, вам разве не довели, что трасса перекрыта?

— Никак нет, — сказал Майор. — Мы трое суток. Этого гаврика. Пасли. В засаде.

Сержант посмотрел на Черентая, всё ещё стоявшего с поднятыми руками, с уважением и вдруг заметил браслеты наручников.

— А что же он у вас... — сказал сержант и мотнул в сторону воришки автоматным стволом. — Цепи рвёт?

— Особо опасный, — гордо сказал Печкин. — Не смотри, что он такой хлипкий. Только мы эти фокусы знаем. Видишь какой теперь стал смирный? Учись, сержант. А вы кого ловите?

— Никого не ловим, — сказал Архипкин. — Самому обеспечиваем безопасность.

— Кому — самому? — сказал Печкин.

— Сергей Сергеичу, — сказал сержант.

— Опаньки, — сказал журналист. — Что-то не слышал я сообщений о высочайшем визите в эти края...

— Так он же в санаторий поехал, — сказал сержант. — В «Глубокий сон». Совершенно секретно поехал — видите, даже вы не в курсе...

— У нас служба другая, — сказал Печкин. — Нам и не положено знать. А что, у Сергей Сергеича так душа заболела о народе, что полечиться в дурке решил?

Сержант хихикнул, смутился, потом опомнился и сделал вид, что это он кашлял.

— Так он к Домнушке поехал за консультацией, — сказал наконец Архипкин. — Нельзя же официально объявить...

— Какая. Домнушка, — сказал Майор.

— Бабушка там лежит. Домнушка. Русская Ванга, — сказал сержант. — Неужели не слышали?

— Да я и в болгарскую-то Вангу не верю, — сказал Печкин. — Надо же.

— Вся Россия к ней ездит, — гордо сказал сержант, словно была эта бабушка его собственной.

— Знакомое дело, — сказал Печкин. — Вот в середине позапрошлого века жил в Москве юродивый — Иван Яковлевич Корейша. И ездили к нему за советом и крестьяне, и мещане, и купцы, и офицеры, и даже великие княжны. А вот про государя императора, врать не стану, не слышал...

— И чего он им предвещал? — сказал любознательный сержант.

— А он всем одно и то же твердил, — сказал Печкин. — «Без працы не бенды колоцацы», что в переводе с польского означает «Без труда не будет калачей». И каждый клиент эти слова толковал по-своему...

— За деньги?

— А то.

— Всегда на Руси дураков хватало, — вздохнул сержант, и неизвестно, до каких бы высот вольномыслия достигнул, но тут в салоне «вольво» заматерилась рация — в гроб, в печёнку и в двенадцать первоапостолов.

Сержант поспешно ринулся туда, выслушал указания — согнувшись, но всё равно как бы по стойке «смирно».

— Едут назад, — сказал он облегчённо. — А с «вертушки» вас, похоже, не засекли. Тогда, может, и не выскребут нас... Только вы машину подайте ещё в сторону, а мы вас закроем, как будто так и надо...

Пассажиры «хаммера» так и сделали, потом залезли в салон и стали ждать. Патрульные стояли у разных концов своего экипажа навтыжку, отдавая честь.

Минут через пять поехал совершенно секретный кортеж.

Сперва группа мотоциклистов.

Потом бесконечная вереница чёрных автомобилей. Водители их при этом выполняли фигуры высшего шофеража — три чёрных же «членовоза» то и дело менялись местами, чтобы враг не угадал, в каком из них заключается Главное Тело.

Далее следовали две кареты «скорой помощи».

Две пожарные машины и бензовоз между ними.

Американский школьный автобус с детьми — видны были белые рубашки и приплюснутые к окнам рожицы.

Автоцистерна с надписью «Молоко».

Автоцистерна с надписью «Живая рыба».

Фура с надписью «Живые цветы».

Автобус-«мерседес» с надписью «Русские русалки», причём из люка, несмотря на зиму, высывалась по пояс пригожая девица в серебристой чешуе и приветственно махала голой ручкой.

Пять армейских кунгов с надписью «Перевозка людей запрещена».

Автокран и два грузовика с песком.

Грузовик с прицепленной к нему полевой кухней.

Потом пошли машины с региональным начальством, их охраной и обслуживанием, и не было конца этой гордой мелочи...

Так, во всяком случае, рассказывал потом Печкин в баре «Хардчо». А последним, утверждал он, катил катафалк ритуальных услуг, украшенный венками от безутешных.

Но это уж он приврал...

— Всё, — облегчённо выдохнул сержант Архипкин. — Товарищ полковник, можно мы у вас погреемся?

— Валяй, — сказал Майор. — Поморозил щёку, сынок. В «хаммере» и вправду было тепло.

— Слава богу, — сказал Архипкин. — Что бирку нам не выкинули.

— А то бы что? — сказал Печкин.

— А то бы мы стояли и ждали, когда с нами разбираться приедут. Всё-таки нарушение... Обошлось!

Печкин сказал:

— Ребята, а если бы мы не остановились?

— Тогда на таран, — развёл руками сержант.

— Неужели вы рискнули бы жизнью за Сергей Сергеевич? — сказал Печкин.

Сержант Архипкин явно подозревал в нём представителя организации, испытывающей человека, но всё-таки ответил честно:

— Да я его люблю не больше вашего. Только без него ведь потом такая хрень бы началась и анархия! Люди-то при чём?

— Молодец, — сказал Майор. — Верно мыслишь.

— Служу России, — сказал сержант.

И журналист подумал, что прежнее «Служу Советскому Союзу!» звучало гордо и чётко, словно три выстрела, а «Служу России!» как-то грустно выходит, не хватает чего-то... Язык не обманешь!

— Вы, если ехать вам в ту сторону, так езжайте, — сказал Архипкин, у которого горела щека от обработки домашней варежкой. — А то скоро попрут в ту сторону народные массы — за это время там столько скопилось — до утра будете выгребаться. Когда Домнушка принимает, на трассе чёрт-те что творится... Но это уж не наша забота, мы из соседней области!

Патрульные откозыряли, покинули салон, сели в свою машину. «Вольво» лихо развернулась и помчалась в сторону города Кошкина, навстречу желающим потолковать с блаженной.

— А сходим-ка и мы к Домнушке, — сказал вдруг Печкин. — Пусть установит, кто такой Паша Черентай на самом деле...

— Не надо, — пискнул Черентай.

— Зачем, — сказал Майор. — Или ты тоже. Как все. Русская Ванга.
— Да нет, — сказал Печкин. — Только надо же нам как-то в этот «Глубокий сон» попасть!

Глава двенадцатая

Санаторий «Глубокий сон» был окружён высокой кирпичной стеной — можно было бы предположить, что раньше это здание было тюрьмой, но нет — не древняя кладка была, и кирпич какой-то затейливый, с вытисненным узором.

Ворота в стене тоже выглядели современно, в стиле «техно» — с какими-то датчиками, со множественными глазками камер.

— Ментовскую сбрую снимем? — сказал Печкин. — В гражданке пойдём?

Майор поколебался.

— Снимем, — решил он. — Тут серьёзно. Тут и запрос могут. Особенно после. Такого визита.

— Хотел бы я знать, о чём Сергей Сергеич её спрашивал, — сказал Печкин. — Была бы у меня сенсация...

— Перетопчешься, — сказал Майор.

— А вот шапочку-маску я оставляю, — сказал Печкин. — Жарко мне в топыгинском подарке. Не сперли бы это лохматое чудо!

Майор вышел из машины, подошёл к воротам и нажал единственную кнопку.

— Ваш номер, — прозвучал безжизненный дамский голос.

— Седьмой, — сказал Майор, потому что сказать «первый» было бы неубедительно.

— Вы академик Брыксин?

— Да, — сказал Майор. — Хрен ли там. Академик.

— Вставьте в драйвер вашу личную карточку.

— Какую. Карточку.

— Карточку посетителя. Когда вы записывались на приём, вы получили карточку посетителя. Вставьте её.

— Вставь себе, — сказал Майор. — Монгольский вибратор. Четырёхлопастной. С изменяющейся геометрией.

— Не хулиганьте.

Печкин понял, что Майор может всё испортить, если не уже. Он подошёл поближе, наклонился к дырочкам микрофона и сказал:

— Простите его. Он волнуется. Мы привезли больного.

— У нас нет больных. У нас отдыхающие. Это санаторий.

— Пусть будет так, — сказал Печкин. — Мы привезли отдыхающего. Он в критическом состоянии. Мы заплатим.

— К сожалению, мы никого не принимаем в приёмные дни, — сказала дама с некоторым даже сочувствием.

— Так они же приёмные, — сказал Печкин, чувствуя себя персонажем не то Кафки, не то Ионеско.

— Я имею в виду дни, когда принимает Домнушка, — пояснила невидимая дама. — Если вы к ней, то у нас предварительная запись.

— Ладно, — сказал Печкин. — Запишите нас предварительно.

— Предварительная запись производится в дни предварительной записи. Послезавтра будет как раз такой день. Тогда вы приедете и запишитесь. Вам назначат дату приёма.

— И сколько ждать?

— Около года, — сказала дама. — К Домнушке все хотят.

— Интересно, — сказал Печкин Майору, — в машине у бандюков есть палатка? Ведь гостиницу мы оптимизировали...

— Захлопнись. Папанин, — сказал Майор. — Гражданочка. Мы из милиции. Наш задержанный нуждается. В срочной помощи.

— Он истекает, — добавил на всякий случай Печкин.

— Да я ещё тогда отлил, когда с ментами, — обиделся конвоируемый Паша.

Майор задумчиво постучал костяшками пальцев по металлу, прислушался к звуку и поглядел на «хаммер» — видимо, прикидывал, можно ли на нём протаранить ворота...

— Не хулиганьте, — сказала дама. — Вы можете разбудить отдыхающих.

— Послушайте, — сказал Печкин. — Нам действительно срочно надо попасть к вашему начальству. Вы мешаете следствию...

— Начальства сегодня нет, — сказала дама. — Сегодня принимает Домнушка. А вы не записаны.

— Мы заплатим, — сказал Майор. — Сколько потребуется.

— Много потребуется, — сказала дама. — Вы столько не зарабатываете.

— А вы попробуйте, — сказал Печкин. — Кому деньги передать?

— Перечислите на банковский счёт санатория, — сказала дама.

— А кэшем?

— Гражданин начальник, — сказала дама. — Вы откуда такой? Кто же нынче с наличкой связывается?

Печкин в растерянности отошёл и отозвал Майора.

— Зря ты про милицию ляпнул, — сказал журналист. — Теперь она нас ни за что не пустит. И никакого ордера у нас нет...

— Отведите машину на парковку, — потребовала дама. — Вон люди приехали...

Про парковку она сказала вовремя, еле успели, потому что к санаторию один за другим стали подъезжать автомобили — по большей части дорогие иномарки с московскими номерами.

Из машин стали выходить своевременно записавшиеся счастливицы.

— Ничего себе, — сказал Печкин. — Какие люди! Гламур на гламуре! Белла Блэк! Адвокат Схимник! Банкир Мальчуков! А вот и академик Брыксин!

Он называл всё новые и новые громкие имена, но в большинстве своём они ничего не говорили Майору. Он никогда не вращался в высших сферах.

— «Зуда», — сказал Майор. — У нас есть «зуда».

— «Зуда» в помещении хороша, — вздохнул Печкин. — А нас туда не пустят. Да и пустили бы — что толку? Выбегут все из санатория в дикой панике, включая психов.

— Ну, — сказал Майор. — А мы пройдем. Тихонько. Подсунем кому-нибудь. Паша и подсунет. В карман. Или в сумочку. Она пока разгонится...

— Сева, — сказал журналист. — Нам люди нужны. А они разбегутся. И когда-то ещё в себя придут! К тому же там и настоящие больные лежат. Негуманно!

— Резон, — сказал Майор. — Тогда не знаю. «Ниточки» у нас нет. Дырку в воротах. Не вырежем.

— Размечтался, — сказал Печкин. — Вот же не везёт! Какой репортаж можно было бы забрать! А я не при исполнении...

— Попробуй, — сказал Майор. — Купить место. В очереди. Они жадные. Все.

— Я тоже жадный, — сказал Печкин. — Не для того Белый копил бабки.

— А откуда, — сказал Майор. — У него столько.

— Ты что, не знаешь? — удивился журналист. — Ему же принято отстёгивать за спасение, хоть он сам никогда не попросит. Сдаёшь Арчибальду хабар — пять процентов Белому, как закон... Вот и накопилось. Очень он хочет свою личность выяснить.

— Не знал, — сказал Майор. — Почему не сказали.

— Потому что это все должны знать, — сказал Печкин, и тут в голову ему пришла кое-какая мысль.

Лавируя среди автомобилей, он подошёл к академику Брыксину. Академик был настоящий, из советского времени. Борода клинышком, шаляпинская шуба распахнута, вокруг ассистенты...

— Игорь Кузьмич, здравствуйте, — поклонился Печкин. Академик взглянул на него с явным неудовольствием:

— Не имею чести знать...

— Ещё как имеете, — сказал Печкин. — Года три назад я делал статью для «Русского натуралиста» про вашу комиссию по лженауке. И встретить вас в очереди на приём к гадалке ну никак не ожидал... Вы, помнится, так негодовали тогда, так шарлатанов обличали, покруче покойного Гинзбурга!

— А-а, это вы, — сказал Брыксин с ещё большим неудовольствием. — Ну, Домнушка не совсем гадалка, она, скорее, феномен, достойный изучения...

— Это вы своим коллегам доказывать будете, — сказал Печкин. — Они вас живьём съедят...

— Зубы обломают, — высокомерно сказал академик. — Оказывается, вы дешёвый шантажист, а мне тогда показались вполне здравомыслящей и образованной личностью... И статья получилась довольно грамотной и толковой, без ляпсусов...

— Игорь Кузьмич, — сказал Печкин. — Понимаете, нам очень надо туда пройти. Не для сенсации, а по делу. Очень важному делу.

— Если вам деньги нужны, так не дам я вам денег, — сказал академик. — Хрен вам, молодой человек. Во-от такенный!

И даже показал, какой именно.

— Денег мне не нужно, — сказал Печкин. — Мне туда нужно. За ворота. А вот у меня есть кое-что, что могло бы вас заинтересовать.

— И что именно? — ухмыльнулся учёный.

— Артефакт, — сказал журналист.

— Эти артефакты, — сказал академик, — в мою лабораторию тащат ящиками. Настоящий — один из ста. Учтите, я год проработал на Янтаре...

— У меня настоящий, — сказал Печкин.

— И что же это?

— «Обратка», — сказал журналист. — Настоящая «обратка». Он вытащил из-за пазухи коробочку и открыл её.

Глаза Игоря Кузьмича загорелись тревожным пламенем. Он схватил коробочку и впился взглядом в её содержимое.

— Траченная? — сказал он.

— Только дважды, — сказал Печкин. — Поневоле пришлось...

— Давно вынесена из Зоны?

— Два дня, — сказал Печкин. — Видите — ещё искрит. И вибрация чувствуется... На стенд её надо, пока не сдохла.

— Сколько хотите? — сказал академик дрожащим голосом.

— Мы родной науке не вороги, — сказал Печкин. — Гусары денег не берут-с. Я же сказал — нам нужно туда пройти. Поэтому давайте осуществим трансфер — вы отдаёте мне своё место, я вам артефакт... Это здесь возможно — продать очередь?

— Ещё как возможно, — торжествующе сказал академик. — Тут есть ребята, которые только этим и кормятся, как барыги возле театра на Таганке — впрочем, вы вряд ли можете это помнить. И даже мы, бедные студенты, этим порой промышляли... Где вы её взяли?

— Знакомый сталкер подарил, — честно сказал Печкин.

— Царский подарок, — сказал академик. — Что значит разоблачение какой-то Домнушки по сравнению с Нобелевкой?

Глава тринадцатая

В приёмной предсказательницы посетителей встречал огромный портрет крошечной скрюченной старушки, закутанной в пёструю индийскую шаль и сидящей в инвалидной каталке. За спиной старушки были изображены самые яркие представители российской

элиты, перечислять которых уже с души воротило — потому что они и так мельтешат везде, тогда как мы с вами практически нигде.

Элитные рыла сияли: видимо, бабуля только что всем им предсказала долгую счастливую жизнь — то есть ещё дольше и счастливее, чем они уже имели. Новые назначения, новые месторождения, новые ангажементы, новые гранты, новые откаты...

Вдоль нижнего края полотна шли буквы:

РУССКАЯ ВАНГА ВИДИТ ТЕБЯ!

И помельче:

«Фотографировать запрещается».

Очеса у старушки были не нарисованные — в полотно художник-новатор смело вставил стеклянные глазные протезы, отчего зрителю становилось страшновато.

Печкин отметил про себя, что для последнего визитёра на картине нет места. Интересно, кого-нибудь придётся замазать? И кого именно?

Ковёр под ногами — повышенной ворсистости, по нему даже ступать было неловко. С потолка свисала роскошная хрустальная люстра из семи ярусов. Пройти под люстрой мог бы разве что Киндер, и то пригнувшись, поэтому её обходили.

Зато вдоль стен тянулись ряды простых деревянных откидных кресел — как в старых кинотеатрах. Оттого вновь приехавшие випы вынуждены были сидеть плечом к плечу — даже те, кто в жизни бы не присел с вынужденным соседом на одном гектаре. Русская Ванга стремилась уравнивать всех. Посетителю должно быть неудобно, как сказал один литературный персонаж, иначе какое от него удовольствие?

Кое-кого из бомонда журналист знал лично и даже хотел подойти, но Майор показал ему кулак.

Они скромно присели на последних местах, зажав между собой Черентая. Черентай вертел головой, словно подросток, обманом пробравшийся в берлинский музей порнографии на станции Цоо.

Из колонок лилась музыка для релакса, и женский голос то и дело наставлял:

— Соблюдайте тишину. Не повышайте голоса. Не курите. Не лузгайте семечки. Отключите мобильную связь. Прекратите жевать. Не бросайте на пол жевательную резинку. Не прилепляйте её к поручням кресел и сиденьям. Не разваливайтесь. Не закидывайте ногу на ногу. Сосредоточьтесь на вашем вопросе. Верная формулировка — залог адекватного ответа...

Первая посетительница всё не выходила. Остальные мало-помалу стали переговариваться полусшёпотом. До Печкина, сидевшего на отшибе, доносились обрывки фраз:

— ...может прервать беременность по фотографии биологического отца ребёнка...
— ...заговорила его от положительного результата пробы на допинг...
— ...предсказала отставку мэра Москвы, когда он был ещё простым прорабом...
— ...дала ему оберег от угорания с любовницей в гараже и от триппера заодно...
— ...и его мочой, говорит, побрызгай вокруг особняка — тогда туда даже с ордером никто не сунется...

— ...и если через эти очки на людей глядеть, то головы у всей семёрки покажутся собачьи...

— ...нет, говорит Домнушка, знак твой теперь не Козерог, а Вилы. И точно — застрелили его через три месяца...

— ...ясен пень — бабка в теме...

— ...нужно в полнолуние, в самую полночь, взять из дубового ящика много денег и принести председателю суда в узелке из некрашеного индийского льна...

— ...только пули, сказала, возьми не простые, а со смещённым центром тяжести — тогда крепко присохнет к тебе суженый...

— ...белому петуху на Ивана Купалу отруби голову на еловом пне — и в три дня разорится твой Фицуотер...

Широк, видно, был диапазон у русской Ванги!

Наконец вышла первая посетительница, прижимая к носу мокрый платок. На все негромкие вопросы она только отмахивалась. Кто-то сказал ей вслед:

— Если на каждые «поющие трусы» столько времени тратить, то нам тут неделю сидеть!

— В следующий раз вас выведут, гражданка, — сказали колонки. — Настоятельно рекомендую всем воздерживаться от комментариев. В туалет выходить только по одному в сопровождении служителя...

— Строго у неё тут, — сказал Печкин и замахал рукой служителю — наверняка тот был здешний санитар.

Майор кивком одобрил его затею. В конце концов, они не к бабке пришли.

Туалет, как и всё прочее, был шикарный — сияющая его чистота как-то не вязалась с низменным предназначением...

— Покурим? — сказал Печкин санитару. — Настоящий «Кент», не Молдавия...

— Тут датчики кругом, — сказал санитар, и Печкин потащил пачку обратно в карман.

— Только мы их, конечно, отключили, — успокоил санитар и взял сигарету.

Они уселись в массажные кресла чёрной кожи. Под спиной журналиста задвигались валики. Почему в туалете такая роскошь, а важных людей держат в чёрном теле?

— Давно служишь? — сказал Печкин.

— Как с армии пришёл, — сказал служитель.

Судя по лицу, из армии он пришёл еще тогда, когда она была действительно армией.

— Слышал я, — сказал Печкин, — что была у вас лет семь назад какая-то заварушка. Зарезали кого-то... Это правда?

— Брехня, — сказал санитар. — Никого у нас не резали. Главврач пропал — это да, это было. Пациенты сбегали — было. А резать никого не резали... Угрожали, правда, нервы портили...

— Вот и славно, — сказал Печкин. — Собственно, меня пока библиотека интересует...

— Библиотека сегодня не работает, — сказал санитар. — Потому что работает Домнушка. Не до чтения.

— Много работы? — сочувственно сказал Печкин.

— Сегодня — да, — сказал санитар. — Такие заполошные в очереди попадаются — куда нашим буйным. Одного депутата даже зафиксировать пришлось... Ну ты понял кого.

— Однозначно, — согласился Печкин.

Он хотел спросить про библиотекаршу, но голос незримой надзирательницы достал их и в этом укромном месте:

— Спецперсоналу собраться в холле!

— Ещё один психопат, мать его дивизию! — сказал санитар и спешно заплевал окурок. — Не-ет, с нашим контингентом спокойнее...

И устремился к выходу.

Печкин тоже встал и пошёл — всё-таки он журналист, должен быть в гуще событий...

В холле орали, причём все.

Два санитары пытались удержать невысокого мужичка в дорогом сером костюме и в очках в золотой оправе на одутловатом лице. Двое других амбалов пытались помешать служителям санатория.

Печкин узнал дебошира и саркастически улыбнулся.

— Аферистка! — кричал мужичок. — Старая дура! Провокаторша! Небось с немцами сотрудничала! Я всю вашу лавочку выведу на чистую воду! Арестовать её! Истремистка! Это моральный теракт против нашего директора!

Тут встал Майор и молча ткнул крикуну в лицо свое липовое удостоверение — до сих пор помогало.

— Напишите заявление, — сказал он. — При мне. Будут приняты соответствующие. Разберёмся. Без паники. Ваши документы.

Дебошир посмотрел на дерзкого и заорал ещё громче:

— Этого тоже арестовать! Погонями ответишь за пособничество! Деньги назад! Это не предсказание, а разжигание!

Амбалы-телохранители вельможного крикуна достали пистолеты, но Майор стремительно и ловко подскочил сзади и ударил их лбами друг о друга. Для этого ему даже пришлось подпрыгнуть.

Оставшись без охраны, мужичок сник и заткнулся. Кто-то достал фотоаппарат, и холл озарила вспышка. Скандалист закрыл лицо руками.

Остальное довершили санитары, выбросившие всех троих из приёмной.

— Не бейте его, мы и так живём в аду. Но ему запрещено впредь появляться здесь, — запоздало провозгласили колонки.

Печкин вздрогнул.

Оставшиеся посетители вздохнули и почувствовали даже некую солидарность: уж мы-то не станем себя так безобразно вести, уж мы-то с великим уважением отнесёмся к словам русской Ванги, без базара...

И действительно — очередь пошла быстрее, и хотя не все выходили из кабинета с весёлыми лицами, но вели себя вполне прилично.

— Пойдём, — сказал Печкин, когда подошла их очередь. — Неужели тебе не интересно?

— Нет, — сказал Майор. — Но пойдём.

— Вы что — все трое? — сказал знакомый санитар.

— Мы, брат, конвой, — сказал Печкин. — Хорошо бы Домнушка помогла нам этого злодея раскусить...

Он кивнул на Пашу и с ужасом увидел, что бомжик беспечно играет с жемчужным колье. На минуту нельзя было оставить Пашу Черентая!

— Домнушка раскусит, — сказал санитар. — Не таких разоблачала. Значит, вы не для себя, а для дела... Уважаю!

Он отодвинул рукой бархатную портьеру и пропустил троицу в помещение, где принимала Домнушка.

Здесь было не так роскошно, как в предбаннике, — журнальный столик со свежим номером «Эсквайра», простые венские стулья, иконы в красном углу...

Домнушка оказалась в точности такой, как на картине, — только за инвалидным креслом не выпы стояли, а одна молодая женщина в белом халате.

— Послушаю вас, — сказала Домнушка. — Небось бандиты? От пули заговорить? Так это не по моей части...

— Мы, — сказал Майор. — Наоборот.

— А какая разница? — сказала Домнушка. Голос у неё был низкий и не соответствовал маленькому телу. — Аура у вас одинаковая, карма аналогичная, цвет радужки схожий, напряжение биополя сопоставимое...

— Матушка, — проникновенно сказал Печкин. — Едино Фемиде служим слепошарой, без гнева и пристрастия. Не сочти за труд, идентифицируй нам этого злодея...

И указал на Черентая, съёжившегося перед пронзительным взглядом русской Ванги.

Домнушка сняла круглые очки, протёрла их шалью и снова воззрилась на воришку.

— Вижу... — грозно сказала она. — Вижу, что... Что вы с ним сделали, негодяи? Мальчик мой, что они с тобой сделали?

Она вскочила, и оказалось, что тщедушное тельце было всего лишь манекеном, а ростом Домнушка была повыше Печкина.

— Это не он, — сказал журналист. — А тот, кого вы имеете в виду, шлёт вам поклон, Кира Петровна...

Глава четырнадцатая

Кира Петровна Мошкова, она же Домнушка, 77 лет

Юноша всё верно вам сказал, точнее — как он знал. Как ему позволили знать.

Своих детей у меня никогда не было. Двоих мужей я потеряла. Одного убило государство, другого — просто бандиты, без полномочий. Когда этот мальчик появился в «Глубоком сне», я вдруг сразу поняла — не выйдет он отсюда.

У меня в библиотеке персонал устроил что-то вроде чайного клуба — от начальства скрывались, приходили просто поболтать, так что тайн для меня не существовало. Я весьма органично вписалась в этот элитный дурдом.

Только не вздумайте произнести это слово при ком-нибудь из больных! Санаторий у нас, санаторий. Когда-то здесь была усадьба графа Редкозубова. Не смейтесь, дворянские фамилии частенько звучат весьма забавно в сочетании с титулом. До сих пор сохранилось несколько лип от господской усадьбы. Конечно, прежней красоты не вернуть, но уж сделали, что смогли.

И в библиотеке есть несколько графских книг, не всё успели извести на самокрутки. Даже прижизненное издание «Путешествия» Радищева тут было! Эту книгу предки мои в руках держали и матушку императрицу поминали русским словом!

А надобно вам знать, что предок мой — декабрист Пётр Илларионович Мошков. Не самый известный, не самый громкий. Если считать, что Движение 14 декабря — это всего лишь «сто прапорщиков», то он был где-то девяносто девятым. Тем не менее в нашем роду в его честь одного из мужчин непременно называли Петром. И все Петры выживали! Вы, нынешние, не представляете, какой была тогда детская смертность. Это сейчас мамочки сходят с ума, выхаживая самых безнадёжных, а в те времена было просто: схоронила, повила, забыла, нового понесла. Хоть крестьянка, хоть княгиня...

Вы меня как-то останавливайте, что ли, если я отвлекусь. Нечасто бывают у меня достойные собеседники. А обсуждать с санитарками новости города Кошкина мне смертная тоска.

Так вот. Юноша. Так у нас и повелось — Юноша и Юноша. Очень уж молодо он тогда выглядел. Я как вашего Павла Эмильевича увидела, так сердце и обмерло. Пропал мой мальчик. Спился, истаскался, опустился... Так и странствовал все эти годы — без имени, без родных, с искалеченной памятью...

Слава Богу, что это не так. Но всё-таки сходство поразительное. Словно кто-то взял близнецов, дал им разные судьбы и решил посмотреть, что из этого получится.

Наверное, я воспитывала Юношу неправильно. В нынешнем веке нет места таким чистым сердцам, да и в двадцатом веке тоже не было. «Но если он скажет: „солги“ — солги. Но если он скажет: „убей“ — убей, это не для человека». А ведь поэт написал, и не из последних!

Я-то надеялась, что через несколько лет Юноша всё же как-то приспособится, сумеет самостоятельно выжить в таком маленьком захолустном городке. Да хотя бы сменит меня в библиотеке — чем для него не работа!

Павел Эмильевич, извольте вынуть из кармана бронзового дракончика! Да-да, я видела! Нет, это не мой мальчик. Тому бы в голову не пришло взять чужую вещь...

Ну, господин Каргин, это уж слишком! Поздно его затрещинами воспитывать! Лёгкие телесные наказания уместны в более раннем возрасте, а теперь они способны только озлобить вашего подопечного...

Так вот, отпускала я Юношу в мир не с лёгким сердцем и до срока. Да ещё с таким спутником! Но альтернатива была вовсе уж неприемлемой. Обязательно приспособила бы его эта организация к какому-нибудь грязному делу, использовала его чистоту и наивность для умножения зла...

Но зло всё равно свершилось. Бедный мальчик поверил Сильверу и все эти годы терзался чувством вины. Поэтому и стал выполнять свою благородную миссию в вашей проклятой Зоне... Надеялся испкупить...

Постарайтесь сообщить ему как можно скорее, что я жива и санитары все налицо, кроме уволившихся и померших естественной смертью от алкоголизма. Пьют у нас тут. И в санатории, и в городе. Ах, уже познакомились? Поздравляю.

А по поводу обстоятельств появления Юноши не могу вам сказать ничего определённого. В моём чайном клубе собирались все городские слухи и сплетни, но были они столь нелепы и противоречивы, что выстроить из них ясную и разумную картину я так и не смогла. Сами посудите — брошенный в леске у въезда в город «роллс-ройс», битком набитый долларами! Таинственное исчезновение этих долларов! Перестрелка милиции с большой бандой! Похищение профессора Сметанича!

Я считаю, что денег никаких не было, а перестрелка произошла между самими милиционерами из-за автомобиля.

Погиб тогдашний начальник милиции майор Щербатых. По официальной версии — от бандитской пули. А по-моему, продали наши церберы «роллс-ройс» в областном центре, загуляли и устроили «русскую рулетку». Тоже мне — гусары в маренго!

Правда, какие-то типы время от времени появляются в городке, всё чего-то выискивают, расспрашивают... Подпольных миллионеров ищут — это у нас-то!

И с профессором Сметаничем мне всё ясно. Никто его не похищал и не пытал. Наверняка он выведал под пентоталом у кого-то из скорбных головой олигархов номер банковского счёта и сбежал с медсестрой Капустиной. Та ещё была штучка. Недаром они у меня в читальном зале все глянцевого журналы замусолили. Должно быть, подыскивали себе подходящее бунгало в тропиках.

Да, старушка я злоязычная, этого не отнимешь. А ведь профессор Сметанич меня сюда и пристроил... Ох, грехи наши тяжкие...

Но вернёмся к нашему ягнёнку. Юноша оказался довольно начитанным, но где, когда и при каких обстоятельствах прочитал, к примеру, «Капитанскую дочку» — припомнить никак не мог. Да, ещё он Стивенсона особенно любил. Не «Остров сокровищ», а «Доктор Джекил и мистер Хайд».

И речь его была лишена каких-либо характерных особенностей. Я, конечно, не профессор Хиггинс из «Пигмалиона», но вологодский говорок от воронежского уж как-нибудь отличу. И так его пыталась подловить, и этак. То вдруг задам ему вопрос по-французски или по-английски, словно он иностранный агент. Английский, впрочем, он знал прилично, но уж не как родной.

Ах, его речь похожа на мою? Неудивительно. С ним в основном я и общалась.

И по ассоциациям я его гоняла, и видеофильмы с видами разных городов показывала — и никакого отклика. Чёрный ящик, «китайская комната». Вещь в себе. Никакого просвета...

Вы скажете — ну, нашла себе старая вешалка заделье! Психиатром себя вообразила! А образование у меня библиотечное, хоть и училась в Москве.

Нет, не психиатром я себя вообразила, а строгой, но справедливой маменькой. Не лги, не выражайся, локти на стол не складывай. Люби отечество. Будь верен данному слову. Не бросай друга в беде... А что такое друг? Это, мальчик мой, ты непременно узнаешь...

К сожалению, он вскоре появился, этот... друг.

Повесили его, говорите? Ну и правильно — прости, Господи, душу грешную за такие слова! Смею надеяться, за дело?

А что касается этого маскарада с Домнушкой... Понимаете, когда произошёл дефолт, многие наши высокопоставленные пациенты не только скоропостижно выздоровели, но и взносы свои забрали. Ринулись срочно спасать капиталы. И присело наше заведение на голодный паёк. Зарплату полгода не платили. Забастовку не объявишь, другой работы не найдёшь. Ещё немного — и купит наш санаторий за бесценок какой-нибудь купец Лопахин, и дачи понастроит. Место тут дивное, жаль, вы его летом не видели.

Вот тогда-то я и придумала Домнушку. Персонал меня дружно поддержал, новый главный врач одобрил, даже дал несколько дельных советов. Он с настоящей Вангой был знаком, знал причины её успешных предсказаний.

И начали наши дамы потихоньку распускать слух про вещую бабушку... И пошли потихоньку посетители. Образовалась очередь. Пока гостю подойдёт назначенный срок, я всё, что можно, узнаю о нём из Интернета и других источников. У нас на этот счёт организована целая служба! Такую развели бюрократию, что сразу видно — солидная фирма. Иначе не поверят...

Личной моей выгоды тут нет. Все деньги идут на счёт санатория как благотворительные взносы, не придерёшься.

И шарлатанкой я себя не считаю. Не бедные люди сюда приходят. За глупость и невежество надо платить, и платить щедро.

О чём меня спрашивал Сергей Сергеевич? Ну, господин Майский, у меня своя профессиональная этика. Даже неудобно за вас, право.

Понемногу дела наши наладились, но персонал меня не отпускает — говорят, кризис грядёт, терпи, кошёлка старая, коли запряглась. Некогда помирать Домнушке, хотя Кире Петровне Мошковой, последней в роду декабриста, пора бы и честь знать. Скоро пойду на девятый десяток.

Только ведь потом обязательно на могилке моей чудесные исцеления происходить будут!

Глава пятнадцатая

Это провал, думал Печкин. Разведгруппа вернулась без «языка». Как побитые собаки. Пошумели, повзрывали — и скрылись под уютное крылышко Зоны. Кто бы мог подумать, что здесь сейчас для нас — самое безопасное место... Хорошо ещё, что Белому принесли добрую весть: никакой он не маньяк, а дурачок легковёрный. Ну так это ему сама Кира Петровна по телефону сказала...

Не срастается сценарий. И Черентай своими преображениями больше не занимается. Разве что подвести к нему 380 вольт — тогда, может, и... Но Белый не разрешает. Да и кто мы такие, чтобы эксперименты над живыми людьми производить?

А то, что Паша — фактически двойник Белого, только запутывает дело. Два брата-акробата. Двое из ларца, одинаковых с лица. Хотя не очень-то одинаковых. Воришка хлебнул на своём веку... Хрюли толку, что Майор пробил по ментовским базам его биографию с тремя судимостями? Много мы узнали? Что воровать и водяру жрать с мамашей ещё в младших классах стал? Бросит Белый в огонь эту папочку и будет прав... Мы её по дороге изучили на десять рядов.

Не помнит, где он семь лет кантовался! Да сидел, где же ещё. Сидел, как миленький, в колонии на станции Решёты. Далековато, аж за Красноярском. Ну уж туда мы не поехали. Не помнит он... Двое беспамятных на один сюжет — это уже перебор. И опять лакунарная амнезия. До этого года помню, а потом не помню... Вот опять шары залил без закуски и дрыхнет в кресле, загадка века...

И всё-таки кажется мне — упустил я что-то. И вот теперь сижу и смотрю в огонь...

— Чего пригорюнился? — Матадор хлопнул журналиста по плечу.

— Послепраздничная депрессия, — буркнул Печкин. — Мировая скорбь...

— Та нэ журысь, — подошёл с другой стороны Мыло. — Ну, зо Старым Новым роким!

И подсунул стопочку.

Печкин машинально чокнулся с ним и выпил, не почувствовав вкуса.

— Ты прямо как Синильга, — сказал Матадор. — Ей бы радоваться, а она убивается, как будто Белому на фронт ехать. Да у нас тут каждый день фронт! Могла бы и привыкнуть...

— Новая аномалия объявилась, — сказал Киндер. — Называется «снеговик». Наступил — и ледяная статуя! Заметить невозможно, если ПДА не перестроишь... Но! Прежде чем перестроить, кто-то туда вляпаться был должен...

— Кто-то из наших? — сказал Печкин.

— Нет, с Янтая. Колосков Дима, мэнээс, светлая ему память. Наши-то все по домам сидят, в ресторанах гужуются...

— А ты-то чего не поехал? — сказал Печкин. — Хотя бы к Галке своей под тёплый бочок...

— Галка — пройденный этап, — важно сказал маленький сталкер. — С Галкой у нас жизненные разногласия. Её мировоззрение перестало совпадать с моим...

— Ух ты, — сказал Матадор. — Где же ты в Зоне умудрился мировоззрение подхватить? Уж не от бюерерши ли хорошенькой?

— Сам ты бюерерша, — сказал Киндер. — И Большой просил меня постоянно быть на связи...

— Адъютант его превосходительства, — сказал журналист. — А где само-то превосходительство?

— В Давосе, на совещании, — сказал Киндер. — И вызывать его не велел, там мобилы положено отключать. А то бы я давно ему доложил о ваших успехах... Говорил я тебе, Матадор, нам надо было туда ехать, а не отмычкам этим недоделанным!

— Киндер, — откликнулся Майор. — Выбирай. А то последует.

— Та Киндер бы тамочко сам сказывся, у тый санатории, — сказал Мыло. — Бо вин и так скаженный...

— Упорный народ эти международные паханы, — сказал Печкин. — Я с той зимы не то что на Давос, я на родимые-то снега спокойно глядеть не могу, всё слышу, как снайперки щёлкают и льдинки мне голую спину полосуют... Но всё-таки любопытно было бы узнать — восстановили они здание в прежнем виде или какой архитектурный шедевр забабахали?

— Мегабайт как-то заявил, — сказал Матадор, — что день, когда вольные сталкеры начнут пялиться в телевизор, станет для них последним днём. И он прав. Пират, забудь о стороне родной, когда сигнал к атаке донесётся...

— А смотри, как Мегабайт во время войнушки-то пригодился, — сказал Печкин. — Как он ловко гайдамаков нейтрализовал, как братишку запугал!

— Вообще вольные сталкеры усиленно социализируются, — сказал Матадор. — Каждый солдат должен знать свой маневр. Только не превратиться бы нам в какое-то подобие «Долга»!

— Мыло! — позвал бармен Арчибальд. — Помоги Колчаку на кухне — он опять чуть палец себе не отрезал... Чемпион Зоны по схваткам на ножах называется! Кулинария — это ему не людей резать! То ли дело Топтыгин! Достанет свою ногтечистку — и чук-чук-чук! Всё умеет, хотя Колчаку в сыновья годится...

— Где они нынче с Белым бродят? — сказал Печкин. — Что им там делать? Замёрзшие патрули спасают? Не знаю, как я ему в глаза посмотрю. Что скажу? Что он мне скажет?

— Ничего, — сказал Майор. — Но это ещё хуже.

— Активизируется Зона в последнюю неделю, — сказал Матадор. — Она не дура, так просто заморозить себя не даст. Каждый Выброс помаленьку стравливает снег — значит, весной Зона не превратится в сплошное озеро. Это была бы катастрофа европейского масштаба. Воистину, Звезда Полюнь пала бы на воды, и треть вод сделалась бы горькой! А так, может, и обойдётся... Разве что яйцеголовых на Янтаре малость подтопит...

— Не любите вы коллег, коллега! — сказал Печкин. — Завидуете подлинным учёным, этим застрельщикам инноваций! Кстати, что-то не вижу я Батюшки. Не случилось ли чего?

— Он на Материк пошёл — восстанавливаться в сане, — сказал Матадор. — Уж не знаю, положено ли такое по церковному уставу. Если положено — будем к обедне ходить, всенощную стоять... Посты держать...

— Тебе-то что, — сказал Киндер. — Тебе в синагогу надо.

— Надо, — не смутился Матадор. — Только ни одного ребё в Зону и волоком не затащишь. Потому что на столе одна кабанятина. А то бы мы с ним тебя обрезали и устроили потом бар-мицву на весь крещёный мир... С кошерной водкой «Кеглевич» под чудо-юдо-рыбу-фиш... Тебя давно обрезать пора, да покороче...

Вот всю дорогу, подумал Печкин, друг друга поддевают, даже морды взаимно бьют, а случись что — глотку перегрызут за связчика...

— В Берлине, — сказал он, — я видел вывеску: «Кошерная мойка автомобилей». Гад буду — правда. Каково это читать недобитым альтпартайгеноссен? О, а где же наш морозостойкий бакалавр?

— Пошёл с Батюшкой, — сказал месье Арчибальд.

— За новым поясом шахида?

— Нет. Креститься. Батюшка его распропагандировал. Обещал вернуться, поваром хочет у меня работать. Он, оказывается, по кулинарии бакалавр. Я не против. Будет буйабез варить, луковый суп, марсельская кухня — это что-то...

Со стороны тамбура послышались глухие удары.

— Киндер, отвори, — сказал бармен. — Это Белый — больше некому...

Печкин внутренне сжался. Папка с личным делом безмятежно храпящего Павла Эмильевича жгла ему руки. Вошли Белый и Топтыгин.

— К нам на ёлочку пришли герои сказок Зоны — Дед-Кровосос и Химерочка! — объявил Матадор. — Ёлочка, зажгись холодным радиоактивным огнём...

— Чухню божью молотишь, дядюшка, — строго сказал Топтыгин. Он хорошо обвык в Зоне и уже не слишком уважал старших. — Сивый, а столь глумно баешь, людей поддеюливашь. От дикости так делаешь-да. Родитель не похвалит! Арчибан Жанович, дорога душа, чайку-да спроворил бы — замолаживает на дворе, куржаком Зону подёрнуло...

А Белый молчал — ждал, что ему скажут. Он аккуратно снял белый романовский полушубок, свернул его и положил на стул.

Печкин нашёл было покаянные слова, но тут выскочила из кухни растрепанная Синильга, бросилась Белому на шею:

— Наконец-то! Какой ты холодный! Где тебя носило? Пойдём, я тебя переодену, потом кормить буду...

Белый растерянно оглянулся, пожал плечами и пошёл за Синильгой.

— Соскучала тумтаречка за ним, — сказал Топтыгин. — Жалеет она его, аж обмират...

— Счастливый, — сказал Матадор. — А вот меня жалеть некому — ни здесь, ни на Материке.

Ну что мне стоило Белому липовую биографию придумать, сокрушался журналист. Я же профессионал. Такое мог бы жизнеописание нарисовать — граф Монте-Кристо обрыдается. Гарри Поттер волшебную палочку ломает! Сочинил бы про злодеев, которые лишили его и семьи, и памяти, да ещё и бросили на дороге в город Кошкин из-за машины с деньгами. И про деньги что-нибудь убедительное наврал. Его же до сих пор легко обмануть! Тем более что мёртвые злодеи налицо, чуть не десяток. Да он же всё равно не будет проверять. Но Майор встал насмерть — облажались так облажались, нечего теперь горбатого лепить... Правдолюбец хренов... А Белый ведь ждал, что я его по имени назову...

— Опять несёт кого-то, — объявил Киндер, скучавший у оконного дисплея. — Не могу только разобрать, кто. Кто-то незнакомый. Но! Всё равно он мне не нравится...

— Значит, не баба идёт, — догадался Матадор.

— Участковый, — сказал Печкин.

— Участковый у нас уже есть, — сказал Киндер. — Двух Майоров никакая Зона не выдержит.

— Тогда налоговый инспектор, — сказал Печкин. — Узнал, что сталкеры спят беспокойно, вот и пришёл с гуманной целью...

— Знатный на нём тулуп, — сказал Киндер. — До пят. А вот шапочка так себе. И узнать я его не могу, чужой это... Но! Оружия не видно. Хотя под таким зипуном...

— Впусти, — сказал месье Арчибальд. — Поработай за швейцара, а то Колчак ещё и яичной скорлупой порезался, мастер клинка...

— Хрюли Колчак! — послышался с кухни возмущённый голос вышибалы. — Если яйца нечеловеческие! Это мутанта какого-то яйца! Псевдокуриные! Сам бы попробовал такое кокнуть!

— Чем это они нас кормить собрались? — с ужасом сказал Матадор.

Завизжали могучие дверные петли, и Киндер впустил незнакомца. Тулуп на том и в самом деле был знатный, лохматый, вроде бы волчий, а шапочка несерьёзная, вязаная, с помпончиком. Личико сморщенное, смуглое...

— Тю, — сказал Мыло, вытирая руки полотенцем. — Дивысь, громадяны! То ж сам шановный пан Мазафака до нас колядувати прышкандыбав!

Глава шестнадцатая

В нормальной пьесе или сценарии, думал Печкин, ближе к финалу приходит королевский посланник. Или божество. Или парторг, если пьеса советская. На худой конец, пропавший сын объявляется. И тогда всё становится на свои места. А тут припёрся безумный юрод, который может только всё запутать... И завонять... Шаман, который пришёл с холода...

Но не пахло нынче ничем особенным от безумного Мазафаки, даже небольшое его личико не обметала обычная грязная короста — радиоактивным снегом он, что ли, умывался?

— Мир этому бару — чтобы ни холоду, ни угару! — объявил шаман своим пронзительным голосом.

— Здорово, — сказал Матадор. — С чем пожаловал?

— Так, с вами посидеть, — сказал Мазафака. — Праздничек отпраздновать...

— Обувь обмети, — сказал бармен. — Натащишь грязного снегу...

Под тулупом послышался костяной стук — шаман бил ногой об ногу. Потому что он был босиком. Что и выяснилось, когда Мазафака распахнул тулуп. Кроме того, на шамане ничего не было, кроме новеньких шортиков с весёленьким узором из трахающихся скелетиков.

— Прямо тибетский монах, — сказал Матадор. — Стой, а что это у тебя на груди висит? Батюшки, да ведь это самый что ни на есть настоящий ritterkreuz mit eichenlaub und schwerten!

— Чего? — сказал Киндер.

— Эх ты, — сказал Матадор. — Киндером звать, а немецкий так и не выучил. Рыцарский крест с дубовыми листьями и мечами! Где взял, Мазафака, и что за него просишь?

— Это подарок, — потупился шаман. — Подарки не продаются.

— И кто же его тебе подарил?

— Зомби, — сказал шаман. — Очень старый зомби. Очень-очень.

— Ничего себе, — сказал Печкин. — Оккупанты уже из земли полезли. Скоро, видать, поднимутся псы-атаманы и польские паны, а там, глядишь, и Вещий Олег со своей гадючкой...

Мазафака, не спросив ни у кого разрешения, прошёл к свободному креслу и уселся в него, поджав ноги. При этом спинку кресла он пропустил под полы тулупа и стал походить на средневекового Короля Дураков на троне.

Паша Эмильевич спал как раз напротив Мазафаки и даже заворочался под пристальным взглядом шамана.

— Друга нашёл? — сказал Матадор.

— Нашёл друга, — сказал юродивый. — Мазафака немножко друга нашёл.

— Покормить бедолагу надо, — сказал Печкин. — Вонь-то из него вроде как выморозило... Босой на снегу, бр-р...

— Билого почекать трэба, — сказал Мыло. — Га, ось и вин!

Безымянный сталкер в белом тренировочном костюме плавно спускался с лестницы. Он сел за первый же на пути стол и оглядел собравшихся.

— Спасибо вам, Дэн, и вам, Всеволод Петрович, — сказал он. — Вы сделали для меня очень много.

— Да уж сделали, — сказал Печкин. — Это не тот случай, когда отрицательный результат — тоже результат.

— Нет, — сказал Белый, — лучше быть честным человеком без имени, чем... Это знак, что не нужно мне продолжать поиски. А нужно просто жить и делать своё дело...

Какой пошлый финал, подумал Печкин. Делать своё дело. Возделывать свой сад. Ждать и надеяться. Нет, нет! А как же тайна? Куда тайну дели, изверги? Ведь была же, как сейчас помню...

— Белому прощаться надо, — сказал шаман.

— Почему? — сказал Белый.

— Потому что Белый нашёл «сердце ангела», — сказал шаман. — А «сердце ангела» нашло Белого.

— Где? — сказал Белый.

— Здесь, — сказал шаман. — Только вы его не видите.

— Я у всех спрашивал о нём, — сказал Белый. — Никто не мог сказать мне ничего определённого, кроме того, что «сердце ангела» может поменять судьбу...

Ах да, подумал журналист, ещё и «сердце ангела». Тоже невыстрелившее ружьё... Фильм такой был, помнится... Хороший фильм, с Микки Рурком и Робертом де Ниро в роли дьявола... Постер старый даже помню...

Стоп.

Я его вижу. Я его нашёл.

Печкин поспешно раскрыл папку.

Паша Эмильевич на фотографиях изображён был в профиль и анфас, но присутствовал и ещё один снимок.

Голый торс воришки украшала татуировка на левой стороне груди.

Это было традиционное сердечко, только с крылышками по сторонам. И надпись полукругом внизу: «Angel Heart».

— Я знаю! — закричал Печкин и сорвался с места. Подбежал к спящему Черентаю и начал стаскивать с него свитер через голову. Черентай сквозь сон слабо сопротивлялся...

— Панычок, чи ты з глузду съихав? — поинтересовался Мыло.

— Вот! — торжествующе крикнул Печкин. — Вот оно!

— Какой же это артефакт? — сказал Матадор.

Подошёл Майор, повертел носом:

— Сто раз видел. Фотографию. Подумаешь, порчушка. Без значения. А оказывается. Имеет. Даю справку. Наколото в молодости. По дури. Не на зоне. Там таких не делают.

— Теперь надо прощаться, — сказал шаман.

Белый подошёл к Паше Эмильевичу и долго вглядывался в безыскусное изображение. Все подавленно молчали.

Матадор вытащил сигарету и всё не решался закурить. Мыло что-то неслышно бормотал — то ли молился, то ли ругался.

Киндер держал пустой стакан и время от времени порывался из него выпить.

Топтыгин оставил чаепитие и подошёл поближе, чтобы в случае чего защитить своего связчика.

Неслышно подплыла Синильга и встала, сжимая кулачки.

Даже бармен месье Арчибальд оказался среди своих клиентов, хотя никто не видел и не слышал, как он покинул вечный пост за стойкой: лихо перемахнул её или другим каким способом. Были ноги у бармена, были — просто непропорционально короткие. Другие на таких всю жизнь ходят и не стесняются.

Но даже на это исключительное событие никто не обратил внимания. Все понимали — происходит что-то важное, настолько важное, что может отменить всю прошедшую жизнь.

— Белый вам расскажет, — сказал шаман.

— Да, — кивнул Белый. — Теперь расскажу. Теперь я всё вспомнил. Садитесь, друзья мои. Не будите моего... Не будите это. Пусть спит и ничего не знает...

Печкин вдруг подумал, что все они вот сейчас расселись, как школьники за партами, а учитель расхаживает в проходе, давая свой последний урок: то ли для них, выпускников, то ли для себя, уходящего на покой.

— Был в Зоне один вольный сталкер, — начал Белый. — Ни чем особенным он не выделялся среди прочих бродяг. Двое из вас даже были с ним немного знакомы. Но прозвища его я всё равно не назову.

Как все, он ходил в Зону — в связке, в группе, в одиночку. Как все, добывал хабар. Как большинство из вас, не отыскал ни одного из легендарных артефактов. Был ранен, как многие, обожжён, как многие, неудачлив, как многие. Умел обходить аномалии, бить зомбаков в голову, отстреливаться от бандитов. Думаю, что особенными преступлениями он себя не запятнал, но не блистал и добродетелями — сталкер есть сталкер.

Как все, он мечтал выйти к Монолиту. Но не у всех это было манией. У него было.

И ему повезло. Он вышел к Монолиту.

Какой ценой это было достигнуто — другой вопрос. Скольких спутников он оставил на этой дороге? Скольких бросил умирать в «карусели», заживо гнить в «жадинке», рассыпаться пеплом в «электре»? Наверное, многих. Всю группу. А может, даже одного связчика, который рассчитывал на друга. Обычное дело. Зона жестока, и никто бы его не осудил.

Он вышел к Монолиту — полумёртвый, почти ослепший, без воды и патронов. Хотя стрелять было уже не в кого. Возле Монолита не стреляют.

Монолит услышал его и выполнил все его желания.

Потому что желания никогда не ходят в одиночку. Желания человеческие переплетены в один бесформенный клубок. Тем более у человека, находящегося в предсмертном бреде. А Монолит не различает главных и второстепенных желаний. А уж подсознательных и подавно. Они могут противоречить друг другу, отменять друг друга и в сочетании друг с другом производить совершенно неожиданный результат.

Монолит действительно выполнил ВСЕ желания сталкера.

Он хотел стать молодым — и стал.

Он хотел стать здоровым — и освободился от всех ран и болезней.

Он хотел забыть своё прошлое — и забыл даже своё имя.

Он хотел, чтобы его никто не узнал, — и стало так.

Он хотел богатства — и получил дурацкую машину ручной сборки и кучу денег; но он уже не знал, что это его машина и его деньги. Их судьба его уже не интересовала.

Ещё он хотел стать хорошим, лучше и чище всех людей на земле. Вероятно, это была детская мечта, но сбылась и она. Всё дурное, что было в сталкере, отделилось и воплотилось вот в этом несчастном существе, что забылось в кресле пьяным сном. Сталкер не был значительной личностью, потому и пороки его были мелкими и убогими. Вместо мрачного демона появилась вороватая шантрапа, унаследовавшая глупую татуировку, сделанную ещё в школе.

Теперь эта татуировка послужила ключевым знаком, чтобы вспомнить всё.

Чёрного двойника надо было бы уничтожить, но сталкер уже сделался добрым, он позволил ему жить самостоятельно.

Сталкер хотел стать всемогущим, но эти свойства могли нанести вред другим — и поэтому вся сила досталась его Дурной половине. К счастью, она была глупа и ленива. И проявиться могла только в минуты крайней опасности. Но минуты эти были нечестными, поскольку трусость не позволяла Дурному лезть на рожон.

Вот чего сталкер не хотел, так это повстречаться когда-нибудь со своей половиной. Но Зона (а может, и вся Вселенная) устроена так, что противоположности непременно должны когда-нибудь сойтись, и никакой Монолит не в силах этому воспрепятствовать.

Много было желаний у того полудохлого сталкера.

Он ненавидел Зону и презирал её. Он считал её невозможной и противоестественной. Он не хотел видеть ни монстров, ни аномалий, ни прочих чудес мёртвой земли. Он бежал от Зоны и тянулся к ней.

И получилось так, что Зона достала его даже в санатории для богатых психов и приволокла к себе, да ещё с чудовищным комплексом вины, который умело навязал ему старый бандит, хотевший вернуться туда за своим кладом. Мерзавцу была нужна отмычка...

Белый замолчал и задумался. Потом сказал:

— Ну вот как-то так... Наверное... Инструкции ведь не прилагались... Излагаю как умею...

— Хорошо, — сказал Матадор. — Значит, Зону ты того... игнорируешь? Так, что ли?

— Не совсем, — сказал Белый. — Просто я могу видеть другую Зону. Ту, которая была до Второй катастрофы. Пустой город Припять, кладбища техники, автобусы с туристами... С радиацией, конечно, со стаями одичавших, но обычных собак, с охотниками за цветными металлами... С самовольными поселенцами... Когда нужно, опасность просто перестаёт для меня существовать, потому что я в неё не верю. По системе Станиславского. Не верю — и всё тут. Хотя могу и ногу сломать, и рентген нахвататься...

— Подожди, — сказал Матадор. — Ну вот ты видишь, что напал на меня кровосос...

— Нет, — сказал Белый. — Я вижу, что ты стреляешь в белый свет как в копеечку, а потом начинаешь пантомиму борьбы и режешь воздух ножом. Но раны у тебя возникают реальные. Как стигматы у фанатиков. А как только я к тебе прикоснусь — никаких монстров...

— Для чего же тебе ветеринарный пистолет со снотворным? — сказал Печкин.

— Да чтобы спасаемый с ума не сошёл, — сказал Белый. — Насмотрелся я на безумную братию, никому подобной участи не желаю...

— Значит, мутанты и «Электры» существуют только в нашем воображении? — сказал Матадор. — А Зона — сплошное психосоматическое поле?

— Да нет, — сказал Белый. — Просто это для меня они нереальны. Ну, это как будто вы под водой захлёбываетесь, а я в акваланге...

— Неточная аналогия, — сказал Печкин. — Или ты живёшь в воображаемом мире, или мы — все остальные. Вот я нос к носу с химерой стоял. Была она или нет?

— Ну, Дэн, — сказал Белый. — Возьми словарь да посмотри все значения слова «химера». И всё поймёшь.

— Ага, — сказал Матадор. — Мы все сумасшедшие, а ты один у нас санитар — следишь, чтобы мы по дури не нанесли себе увечий, чтобы пальцы в розетку не совали, уксус не глотали...

— Нет, — сказал Белый с некоторым даже раздражением. — Всё сложнее. Повторяю, инструкций по эксплуатации Монолита нету. Если я могу использовать какие-то свои способности для всеобщего блага, то я их и использую. Могу спасти человека — спасаю. Могу добраться до раненого бегом и напрямик — добираюсь. А потом у меня и мотоцикл есть, «Урал» с коляской... Мыло, например, ездил в этой коляске с простреленными ногами, только он не помнит ничего...

— Эге ж, — сказал Мыло. — А я-то ще гадав — чому бензином смердить? Тильки де ж ты ций «Урал» ховаешь?

— Да в любом сарае или гараже, которых в этой Зоне уже давно не существует, — сказал Белый. — Таких полно.

— Да займочка наша, — сказал вдруг Топтыгин. — Я с дива пропадаю, как вы её скрозом проходите... Потому не въём вам её видеть...

— Погоди, — сказал Матадор. — А кержак-то наш — он что, тоже до Монолита добрался? Он-то почему ходит с тобой наравне?

— Так Иннокентий и для меня загадка, — сказал Белый. — Потому что он от природы такой. Он считает Зону ересью и выдумкой никонианской, и вера его крепка...

— Прямую правду творишь, дядя Белый, — сказал Топтыгин. — Кто в себе треисподнюю таскат — тот в ей и обитат. По грехом своим великим...

— Вот и до религиозного мистицизма договорились, — сказал Матадор. — До солипсизма. Мир как воля и представление. Нет, не поеду я летом ни в какую Памплону, а поеду я прямо сейчас в санаторий «Глубокий сон», пусть меня полечат...

— Белый, — сказал Майор. — А тебя застрелить. Можно. Или нет.

— Можно, — сказал Белый. — Вот сейчас, внезапно или в спину. А если я успею среагировать, то никак. Потому что в моей Зоне никакого бара «Хардчо» нет, а есть полуразрушенный пионерский лагерь. И пока я в этих развалинах стою... А почему вас это так интересует? Это профессиональное?

— Нет, — сказал Майор. — Это на случай. Если кто захочет. Тебя припахать. По артефактам. Он тебе может. Угрожать.

— Дон Педро Зурита тоже собирался припахать Ихтиандра по жемчугу, — сказал Белый. — И ничего у него не вышло. А со мной ещё хуже. Я если и найду артефакт, так тут же его и выведу из строя одним прикосновением... Так что в этом отношении я, скорее, бесполезен и даже вреден...

— Я же вам рассказывал, — возмутился Киндер.

— То ты, — сказал Майор. — А то Белый. Ему веры больше.

— Зря вы мудрите, — сказал Киндер. — Я вот кладу в кармашек рюкзака пару «волчьих слёз», чтобы грыжа не выпала от натуги. Но! Я же не знаю, как именно они работают! Да мне и не важно, лишь бы работали. Так и тут. Белый нам нужен? Да. И Топтыгин нужен. Так вот пусть и продолжают своё дело. Что вы человеку допрос устроили? Один вред от ваших вопросов и головная боль. Это же Зона. Она что хочет, то с людьми и делает.

— Надо Белому прощаться, — напомнил шаман. — Он не будет продолжать здесь. В другом месте будет...

— Мазафака, — сказал Печкин. — А ты-то тут каким боком?

— Нужно так потому что, — сказал Мазафака.

А Белый добавил:

— Он прав. Пусть я и не знаю, кто он такой и зачем. Я многого до сих пор не знаю. Хотя ясно, что такой же человек, как все мы. В отличие, скажем, от Болотного Доктора. Я ведь был в его доме. Никого и ничего я там не увидел — тоска и запустение... Видимо, нам с Доктором встречаться не положено... Извините, я должен проститься с Евдокией...

Он подошёл к Синильге, обнял её и стал что-то шептать ей на ухо. Синильга вздрагивала всем телом, но не рыдала, не голосила...

— Нельзя тебе со мной, милая, — сказал Белый.

— Куда же ты сам-то собрался? — сказал Печкин, и так ему стало мутно, словно подбиралась к дому какая-то чёрная сила.

— Не знаю, — сказал Белый. — Знаю только, что сейчас должна измениться моя судьба. Или ваша. И будет всё по-другому. Не лучше, не хуже — иначе.

Он подошёл к спящему Паше и положил свою ладонь ему на грудь.

Спящий встал, не размыкая глаз. Теперь это снова был двойник Белого.

— Иннокентий, — сказал Белый Сталкер, не оборачиваясь, — прошу вас на этот раз не вмешиваться. Вы остаётесь за меня...

— Сердце не радуется, — сказал Топтыгин. — Но покорюсь. Прощай, дорога душа. Храни тебя Господь.

— Надо разойтись, — сказал Печкин и жестом показал, что надо убрать мебель. В полном молчании растащили столы и стулья, освобождая место для того, что должно было произойти.

Может быть, сейчас и я что-нибудь узнаю, думал журналист. Вот начнётся эта круговерть... Что-то же я видел, что-то мне приоткрывалось...

Повторился давешний безумный танец, только темп его резко ускорился, мерцающий цилиндр возник посередине бара, и по нему снова пробегали тени и знаки, и музыка зазвенела, и кровь прихлынула к лицу, и жарко, до невозможности жарко сделалось...

— Жарко-то как, — сказал кто-то над ухом. — Не надо спать, потом голова будет болеть...

...Дэн Майский открыл глаза.

— А-а, Витя, — сказал он. — Ну как, починили автобус?

— Нет, — сказал невысокий парень в олимпийке. — Накрылся наш ужин в столовой. Но! Марк Давидович предлагает устроить пикник прямо здесь...

— Знаю, как они вторую машину найдут, — сказал высокий седой мужчина в старомодном берете. — До вечера прокукуем. И зачем я только с этой экскурсией связался? Думал — раз уж занесло в Киев, так посмотрю, чего тут мои коллеги наколбасили... Хорошо молодёжи — они пивом затарились...

— А гид наш сбежал, убоявшись ответственности? — сказал журналист.

— Он улетел, но обещал вернуться, — сказал седой. — А шофёр и не обещал: остановил грузовик и умчался. И поп словил попутку, и девчонки... Одни мы, горемычные... Ну что, народ? Не сядем же мы с юностью весёлой под гитару петь? Пошли наружу, устроимся... Да вон! Катушка от кабеля! Лучше не придумаешь!

Автобус был высокий — «мерседес», и даже непонятно было, что в нём могло сломаться столь основательно. Вплоть до кондиционера. Нет, прочь, прочь отсюда...

— А тут не опасно, Марк Давидович? — спросил маленький Витя, когда все экскурсанты постарше расположились вокруг импровизированной столешницы. — В смысле — радиация, нуклиды...

— Так мы их тут же вымоем, — пообещал седой. — У кого что есть?

— Я всегда с собой имею, — сказал Дэн Майский. — Только насчёт закуси — извините. Шоколад «Гвардейский».

— А я привык варёными яйцами закусывать, — сказал Марк Давидович. — Вот дед у нас, возможно, более запасливый...

— 3 мэнэ такий же дид, як с тэбэ, — сказал сухонький мужичок и захихикал. — Не дид, а Степан Олексович...

— Так ты здешний, — сказал седой. — Зачем тебе эта экскурсия?

— Та уси болбочуть — Чернобыль, Чернобыль, а я так нэ бачив...

С этими словами Степан Олексович стал доставать из сумки шмат сала, явно домашний хлеб, головки лука, огурцы в полиэтиленовом пакете, и ещё что-то там булькало...

— А ты, сибирака, чому до хлопцев нэ пийшов? С дидамы цыкавее?

Здоровенный парень с пухом на добродушной физиономии сказал:

— Стрикулисты дикошарые. И напевы у них дикие. И девки бесстыжие. Вот у меня тут медвежати́на, сохати́на, шаньги мамины... Только русская хмель нам не надо, молочко есть...

— Стаканы, — спохватился седой. — Вообще тара...

— Одноразовые у меня, — сказал Дэн Майский. — Зато виски ирландский.

— Лучше с «Хортицы» начнём, — сказал Марк Давидович. — А вискарём заполируем.

Степан Олексович вытащил страшного вида клинок и принялся пластать розовое сало.

— С танкового плунжера перековав, — сказал он. — Ото ж добра сталь!

Разлили. Седой поднял стаканчик:

— Ну, давайте выпьем за эту загубленную землю, — сказал он. — За то, чтобы скорее она забыла свою беду, чтобы никогда больше такое не повторилось — ни здесь, ни где-либо.

Первая прошла как надо.

— Хорошо, что меня тренер не видит, — сказал маленький Витя. — Хоть и закончились соревнования...

— А ты по какому виду спорта? — спросил Майский.

— Жокей, — хохотнул Марк Давидович. — Судя по комплекции.

— Стрелковый спорт, — обиделся Витя. — Я, между прочим, со вчерашнего дня — чемпион Европы по стендовой стрельбе!

— Вот за это стоит выпить, — сказал Майский. — А что же ты со своими не празднуешь, сюда потащился?

— Бабы, — отмахнулся Витя. — Достали они меня...

— Правильно, — сказал седой. — Надо мужикам вот так время от времени, без повода, ради хорошей компании...

— Добре, — сказал Степан Олексович. — Тильки жарко. А ще травень!

Когда всех, кроме сибирского трезвенника, основательно разморило, седой сказал:

— Жуткое зрелище всё-таки — город без людей! Мерещится всякое...

— Не мерещится, — сказал Майский. — Я тоже этого видел, в белом... Аттракцион местный! И гид этот, язык без костей... Вам посчастливилось увидеть Белого Сталкера! Ну да! Штатного, на твёрдом окладе! В Кунгурской пещере — Чёрный Спелеолог, в Чернобыле — Белый Сталкер...

— Я тэж його бачив, — сказал Степан Олексович. — Тильки вин не настоящий. То мара.

— Так мы ж ещё не пили, — сказал Майский. — Но всё равно, когда он в окне показался — впечатляет. Драматургия эпизода.

— А я его двумя персты окстил — он и пропал, — сказал сибиряк.

— А может, сумасшедший какой-нибудь, — сказал стрелок Витя.

— Скаженна земля, — вздохнул Степан Олексович, — и люды скаженны...

— Земля ни при чём, — сказал Марк Давидович. — Это уж мы сами постарались... Как странно мне, что все мы здесь сегодня собрались!

— Каэспэшник бывший? — сказал Дэн.

— Угадал. Бывший, — сказал седой и помахал трёхпалой рукой. — Но зачем-то ведь мы тут совпали! Знать бы, зачем?

— Представляю, — сказал Майский. — Один... Среди пустоты и разрухи... Бегаёт по крышам, выглядывает в окна... Неплохой символ, надо бы его в дело употребить... Но ты смотри — не отказалась молодёжь от простой гитары! И поют неплохо!

Они поглядели туда, где расположились на яркой апрельской траве парни и девушки в одинаковых чёрных футболках с надписью «s.t.a.l.k.e.r.» на груди, и доносилась песня:

Я долю свою добуду,
 Я жизнь свою переиначу
 И первым пойду в сраженье,
 Когда позовёт труба.
 Родился — вот это чудо,
 Влюбился — вот это удача,
 Стал человеком — везенье,
 А всё остальное — судьба...

Эпилог

— Не пойдёт такой финал, — сказал редактор. — Не я, так продюсер зарубит. Это что же получается, Данечка, — ты Зону отменить хочешь? Финал должен быть жизнеутверждающий. Теперь принято позитивное мышление... Ты же столько времени в Зоне провёл, неужели не чувствуешь, что попал не в тему?

— Не чувствую, — сказал Дэн Майский. — А ты что — никогда не слышал про открытый финал?

— Что значит — открытый? — сказал редактор. — Открытой может быть форма туберкулёза. А конец должен быть чёткий и конкретный. Реальный должен быть конец... Иначе неформат... Нужно, чтобы артефакт нашли. Деньги нашли. Деньги же куда-то делись? Зритель должен знать, куда именно. И чтобы герой соединился с любимой, а не слинял в другое измерение... Или в параллельный мир...

— Конец в жизни и так реальный, — сказал Майский. — Во всех смыслах. И если ты не понял, куда делись деньги, значит, читал невнимательно, по диагонали. Впрочем,

кромсайте как хотите, режьте по живому. Протестовать не буду, по судам не затаскаю. А лучше промотаю я гонорар и вернусь туда. Я теперь сталкер Печкин. Фамилия для комедии...

— Не знаешь ты цену деньгам, Данечка, — вздохнул редактор. — На ветер бросаешь. Надо о спокойной старости думать...

— Владик, — сказал Майский. — Я там всё переоценил. Мне теперь среди вас тошно, как Тарзану на чаепитии у английской королевы. И денег я не пропью, не бойся. Потому что в магазине «VIP-сталкер» на Крещатике присмотрел я себе японскую снарягу. Славная снаряга у меня будет! Отличнейшая!

Красноярск, 2010 год